МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И
ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

В.П. Барбашов, Д.Н. Станиславский

ИНТЕНЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД В ИССЛЕДОВАНИИ СОВРЕМЕННОГО ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА ФРГ

Монография

Барнаул 2019

УДК 811.112.2 (075.8)
ББК 81.2 Нем
Б-25

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор Л.Р. Дускаева

доктор филологических наук, профессор Н.В. Халина

Барбашов, В. П., Станиславский Д.Н.

Интенциональный подход в исследовании современного публицистического дискурса ФРГ: монография / В.П. Барбашов, Д.Н. Станиславский. – Барнаул: ГРАФИКС, 2019. – 156 с.

В монографии авторами разрабатывается интенциональный подход при исследовании современного медиа-дискурса ФРГ, изучаются междисциплинарные аспекты формирования интенционального значения, разрабатываются принципы интенционального изучения публицистического текста на материале журналов «Deutschland», «Spiegel», «Stern», «Focus», создаются основания для презентации функционирования медиа-дискурса как особого способа трансляции социально-исторического опыта языковой общности.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ …….4
ГЛАВА I. ЛИНГВОФИЛОСОФСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ИНТЕНЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ ……...9
1.1. Понятийный аппарат интенциональных терминов……...9
1.2. Лингвистические истоки понятия «интенциональное состояние»…...16
1.3. Социальная детерминированность интенциональных состояний …….21
1.4. Интенциональное состояние и «внутренняя форма» языка……..30
1.5. Интенциональное состояние в фокусе проблемы значения …….37
1.6. Коллективная интенциональность и значение артефактов……...43
1.7. Дискурсивный подход к изучению интенциональных состояний……...52
1.8. Немецкая школа анализа дискурса (З. Егер, Ю. Линк, У. Маас)…….56
1.9. Сверхфразовое единство и интенциональное состояние ……65
ГЛАВА II. ИНТЕНЦИОНАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ КАК ФРАГМЕНТЕ МЕДИА-ДИСКУРСА……72
2.1. Интенциональные глаголы как естественно-языковые средства…….72
2.2. Функции отглагольных существительные с суффиксом -ung……..92
2.3. Субстантивированные инфинитивы и их продуктивность…….107
2.4. Модальные слова как маркеры интенциональных состояний ……...113
2.5. Грамматические средства выражения интенциональных состояний….119
2.6. Транспозиции форм презенса и интенциональное значение……..129
ЗАКЛЮЧЕНИЕ……...134
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК……136
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ……..155

ВВЕДЕНИЕ

В настоящем исследовании изучаются аспекты вербализации интенциональных состояний и формирования интенционального значения в современных немецких публицистических текстах ФРГ, представляющих собой фрагменты медиа-дискурса. Как подчеркивает Тен ван Дейк, «вопреки распространенным убеждениям новости, опубликованные в прессе, обычно лучше запоминаются, чем телевизионные новости, и воспринимаются как более качественные, что может влиять на убеждающий характер, а значит и власть этого типа дискурса» [Тен ван Дейк, 2013, с. 76].

Фактическим материалом исследования послужили публицистические тексты таких современных периодических изданий в ФРГ, как «*Deutschland», «Focus», «Spiegel», «Stern»* и *«GEO»*, вышедшие в свет после 1990 года, то есть, начиная с объединения Германии и до настоящего времени. Данные печатные издания относятся к так называемой «качественной прессе», которая не только предлагает информацию о различных сферах жизнедеятельности определенного социума, но и «обеспечивает образцы приемлемого языкового употребления» [Менджерицкая, 1999, с. 14]. Выбор данного периода времени обусловлен, прежде всего, тем, что до 1990 года в ГДР и ФРГ одновременно функционировали, по сути дела, два языка с разными господствующими идеологиями, что, безусловно, накладывало отпечаток на развитие и состояние единого национального языка. Как справедливо подчеркивают некоторые исследователи, различия в идеологиях, базирующиеся на разном характере отражения действительности, проявляются в языках, функционирующих в обществах с неоднородной классовой идеологической структурой, либо в языках, одновременно функционирующих в обществах с разными господствующими идеологиями [Кузнецов, 1989, с.117].

С объединением Германии исчезла одна из наиболее острых проблем, резко разделяющей многих германистов, которая касалась терминологической интерпретации степени расхождения нормы литературного языка в ГДР и ФРГ [Домашнев, 1989, с. 10-11]. Начиная с

1990 года, произошла значительная идеологическая гомогенизация целостного общественного дискурса в Германии, и единый национальный немецкий язык стал в одинаковой степени служить представителям всех общественных классов. Как следствие, данные общественные изменения нашли свое отражение и в современных публицистических текстах, которые, как известно, характеризуются яркой авторской интенциональностью, поскольку основной задачей публицистики является убеждение адресата, оказание на него определенного воздействия [Матвеев, 2002, с.89].

В современном мире немецкий язык, как один из германских языков западногерманской подгруппы, является официальным языком ФРГ, Австрийской Республики, Швейцарской Конфедерации (наряду с французским, итальянским и ретороманским языками), Великого Герцогства Люксембург (наряду с французским и люксембургским), Королевства Бельгия (наряду с нидерландским и французским) [Языкознание, 1998, с.329]. Эти страны распространения немецкого языка характеризуются определенным составом форм существования языка, их функциональным статусом и принципом взаимодействия в условиях языкового общения. Таким образом, как справедливо замечает А. И. Домашнев, в странах распространения немецкий язык характеризуется наличием национально ориентированной структуры языка как совокупности форм своего существования, различиями в составе его отдельных формаций, национальным своеобразием литературного языка, а также особенностями функционального статуса [Домашнев, 1978]. Традиционным экспонентом системы немецкого языка в целях исследования формирования интенционального значения избран так называемый собственно немецкий ареал распространения немецкого языка, представленный в современном мире до 1990 года двумя германскими государствами – ГДР и ФРГ, а после их объединения одним государством – Федеративной Республикой Германия. Этот выбор обусловлен, прежде всего, тем, что данный ареал занимает в

настоящее время наибольшую территорию, вследствие чего на нем проживает наибольшая часть носителей языка [Домашнев, 2005, с.35].

При анализе практических источников в процессе определения возможных лексических значений языковых средств выражения интенциональных состояний, использованы словарные статьи таких лексикографических источников, как Duden Deutsches Universalwörterbuch [Duden, 1989], Wahrig Deutsches Wörterbuch [Wahrig, 1997] и Langenscheidts Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache [Langenscheidt, 1997]. В этих толковых словарях, пользующихся большим авторитетом, как у зарубежных, так и отечественных германистов, зафиксированы национальные черты норм современного литературного немецкого языка. В процессе анализа валентности глаголов и существительных, обозначающих определенные интенциональные состояния, использовались словарь по валентности и дистрибуции немецких глаголов Г. Хельбига и В. Шенкеля [Helbig, Schenkel, 1978] и словарь валентности и дистрибуции существительных немецкого языка К. Зоммерфельдта и Г. Шрейбера [Sommerfeldt, Schreiber, 1980]. С целью избежать нарушения унификации при переводе определенных лингвистических понятий, встречающихся в теоретических немецко- и англоязычных источниках к работе было привлечено 2-х томное издание немецко-русского и русско-немецкого словаря лингвистических терминов (с английскими эквивалентами), авторами которого являются известные отечественные лингвисты А.Н. Баранов и Д.О. Добровольский [Баранов, Добровольский, 1993].

Интенциональные состояния, характеризующие предметную направленность переживаний сознания, изучаются в данной работе как средства презентации немецкого публицистического текста в качестве особого способа материализации знаний, и, тем самым, выступают в качестве онтологически важного связующего звена в соотношении категорий индивидуального и социального. Это позволяет перенести акцент с интенциональности как доминанты социолингвистического параметра

подобного типа текста на понятия интенционального состояния и интенционального значения. Интенциональный подход позиционируется как разновидность антропоцентрического подхода, благодаря которому становится возможным исследовать природу интенциональных состояний. Интенциональные состояния могут быть вербализованы с помощью значений единиц определенного языка, который, являя собой непосредственную деятельность сознания представителей некоего социума, выражает все многообразие представлений нации о мире (В. фон Гумбольдт, Л. Вайсгербер). Интенциональный подход позволяет изучить уникальность «интенционального мира» (С. Лурье, R. A. Shweder) как мира особых, социально установленных значений, посредством которых в рамках дискурсивной парадигмы возможна трансляция социально-исторического опыта нации как отдельно взятой языковой общности. При этом значения, зафиксированные во «внутренней форме» различных языковых средств вербализации интенциональных состояний, отражают мировидение данной языковой общности, в котором зафиксирован опыт предшествующих поколений как запас социальных знаний, транслируемых медиа-дискурсом через публицистический текст.

В монографии разрабатываются принципы интенционального изучения публицистического текста, базирующегося на рассмотрении интенциональных состояний в качестве модификаций духовных содержаний современного немецкого языка. В процессе изучения интенциональных состояний создаются основания для исследования презентации немецкого публицистического текста в качестве особого способа материализации знаний с позиций интенционального подхода. С позиций интенционального подхода систематизируется накопленный в философии, психологии, языкознании опыт изучения интенциональных состояний, а также разрабатываются основания дискурс–анализа вербализации интенциональных состояний в современном немецком публицистическом тексте.

***

Авторы выражают глубокую признательность зарубежным ученым, благодаря которым эта монография вышла в свет: профессору Харальду Вейдту, профессору Констанце Юнгблут и доктору Петеру Розенбергу (Европейский университет Виадрина, ФРГ), профессору Армину Штоку (Вюрцбургский университет, ФРГ), профессору Дитеру Мюнху (Берлинский технический университет, ФРГ), профессору Михаэлю Эсфельду (Лозаннский университет, Швейцария), профессору Хансу-Бернхарду Шмиду (Базельский университет, Швейцария).

ГЛАВА I.

ЛИНГВОФИЛОСОФСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ИНТЕНЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ

1.1. Понятийный аппарат интенциональных терминов

Традиция исследования феномена интенциональных состояний человеческого сознания восходит к средневековой схоластике, термин «интенциональное состояние» связан с другими понятиями – интенцией и интенциональностью. История термина «интенция» насчитывает около тысячи лет: он активно использовался в арабском аристотелизме (Ибн Сина), а затем в системе Фомы Аквинского и в последующей за ним схоластической традиции, различающей реальное и интенциональное (умственное) существование объекта. В рамках этих систем проводилось различение «первой» и «второй» интенций. Первая интенция (*intentio prima*) представляет собой акт интеллекта, направленный на внешний объект, и сформированное таким образом понятие об определенной вещи. Вторая интенция (*intentio sekunda*) предполагает акт интеллектуальной рефлексии, объектом которой выступает уже содержание самого мышления, т.е. абстрактные понятия, универсалии, логические законы [Философский энциклопедический словарь, 1989, с. 218].

Термин «интенциональность» характеризуется как первичная смыслообразующая устремленность сознания к миру, смыслообразующее отношение сознания к предмету. В современную философию этот термин ввел австрийский философ Франц Брентано, для которого интенциональность представляет собой имманентную предметность и критерий различия психических и физических феноменов. Ключевым это понятие становится у Эдмунда Гуссерля, понимавшего интенциональность как акт придания смысла (значения) при постоянной возможности различия предмета и смысла [Современная западная философия, 1998, с. 168-169]. Ф. Брентано рассматривал интенциональность как характерную особенность

феноменов психики, которая отличает последние от физических явлений, а его последователи А. Мейонг и Э. Гуссерль сделали данное понятие центральным в своих исследованиях, где четко обозначилась тенденция к онтологизации интенциональной структуры сознания. В настоящее время совокупность интенциональных состояний обозначается с помощью термина «интенциональность», который является одним из основных понятий феноменологии, и, представляя собой особенное свойство убеждений, желаний и других психических процессов, выражает предметную направленность переживаний сознания.

В работах зарубежных исследователей представлены самые различные концепции интенциональности. Как указывает Й.Л. Брандль, среди них можно выделить натуралистическую, инструменталистскую и реалистическую концепции интенциональности [Brandl, 1998, S.23].

Согласно натуралистической концепции важным является не описание интенциональной структуры таких психических процессов, как убеждения, желания и т. п., а объяснение того, как осуществляется интенциональность. Представители данного направления изучения интенциональности отвергают брентановский тезис о том, что интенциональность четко разграничивает сферу психических процессов от физических. Априори они не исключают, что абсолютно все живые существа, и даже артефакты, обладают интенциональностью.

Инструменталистская концепция интенциональности заключается в том, что высказывания, в которых встречаются интенциональные понятия, являются частью стратегии объяснения. Цель стратегии заключается в том, чтобы посредством приписывания желаний и убеждений сделать поведение индивидов рационально понятными и прогнозируемым.

Сторонники реалистической концепции интенциональности считают, что поведение человека и его ментальные состояния производны от его суждений и желаний. В рамках этой теории пропозициональные отношения

реализуются через отношения внутри ментальных предложений, сформулированных на языке мышления субъекта.

В психологии нет такого разнообразия теорий интенциональности, как в философии, несмотря на то, что они имеют, прежде всего, психологические корни. По мнению ряда исследователей, данный факт обусловлен тем, что многие десятилетия в науке царила доктрина бихевиоризма, которая вытесняла такие ментальные акты как интенции из спектра психологических исследований. В XIX веке психология освободилась от философии и интегрировала естественнонаучные методы познания [Hoffmann, Stock 2000, S. 309-312; Stock, 2004, S. 16].

Возрождение понятия «интенциональность» в конце XIX – начале XX вв. связано главным образом с исследованиями Ф. Брентано, который, считая восприятие и опыт единственным источником познания и разграничивая внешнее и внутреннее восприятие, придавал особое значение внутреннему восприятию как обеспечивающему прямой доступ к психическим феноменам. Сущностная характеристика психических феноменов заключается в интенциональном внутреннем существовании (*intentionale Inexistenz*) предмета, которое, в свою очередь, является отношением к содержанию (*Beziehung auf einen Inhalt*), направленностью на объект (*Richtung auf ein Objekt*) или имманентной предметностью (*immanente Gegenständlichkeit*) [Brentano, 1973, S. 24]. Ф. Брентано указывает на то, что переживание, мышление, представление в целом имеют содержание (*Inhalt*), а именно нечто «пережитое (*Erlebtes*)» «осмысленное (*Gedachtes*)» «представленное (*Repräsentiertes*)».

Представление немыслимо без содержания, которое не может реально существовать без акта представления. Реальный фундамент представления может существовать в форме объекта рефлексии, но реальным является лишь сам процесс представления, который поддается описанию, поскольку именно внутреннее восприятие играет главную роль в переживании этого процесса. В отношении объекта рефлексии Д.В. Винник подчеркивает, что только

благодаря интенциональности становится возможным возникновение феномена расщепления сознания в рефлексии. Собственно явление интенциональности можно успешно классифицировать согласно рефлексивному критерию. Именно в глубокой рефлексии проявляется феномен интенциональности во всей своей силе, он предстает не как простой эффект переключения внимания с одного фрагмента реальности на другой, но как никогда не прекращающийся акт первичной обращённости сознания к миру [Винник, 2003, с. 12-13].

Существенным вкладом Ф. Брентано в разработку понятия интенциональности является то, что он подчеркивает особую роль акта человеческого познания в интенциональных переживаниях. В отличие от средневековых философов, использовавших термин *intentio* для характеристики объекта, Ф. Брентано впервые применил понятие интенциональности для характеристики психических процессов, т.е. в чисто субъективном смысле. В фокусе исследований феноменологов, таким образом, находится не психический феномен как таковой, а продуцирующая этот феномен его интенциональность как характеристика конкретной жизни субъекта, являющегося ее источником [Суровцев, 1998, с. 16].

В трудах Э. Гуссерля, унаследовавшего понятие и ключевую идею интенциональности у Ф. Брентано, прослеживается более четкое разграничение акта переживания сознания и переживаемого в нем содержания. По сравнению с Ф. Брентано, Э. Гуссерль более четко отличает акт переживания сознания от переживаемого в нем содержания. Полагаемый актами сознания интенциональный объект не является реальной составной частью этих актов, хотя и образует вместе с ними необходимую корреляцию. В отличие от Ф. Брентано, Э. Гуссерль не все переживания считает интенциональными и предлагает четко разделять в интенциональном переживании имманентный сознанию интенциональный акт, ноэзу (способ данности предмета в сознании) и трансцендентный сознанию интенциональный предмет (ноэму).

В сущности, Э. Гуссерль заимствовал у Ф. Брентано только термин и понятие «интенциональность», но основываясь на понятии «интенциональное отношение», разработанном Ф. Брентано, он сумел в своих исследованиях продвинуться далее, а именно в сферу интенционального сознания, о котором Ф. Брентано не упоминает.

Из концепции интенциональности у Ф. Брентано Э. Гуссерль почерпнул идею о том, что определяющей характеристикой сознания выступает интенциональность, иными словами, его направленность на некоторый объект. Модель этой интенциональности, или направленности, примененная Э. Гуссерлем для её понимания, в сущности, та же самая, что и модель языкового означения по Г. Фреге, только основное понятие смысла (Sinn) обобщено так, чтобы стать приложимым ко всем актам сознания как языковым, так и неязыковым:

Схема 1. Модель языковой интенциональности (Г. Фреге):

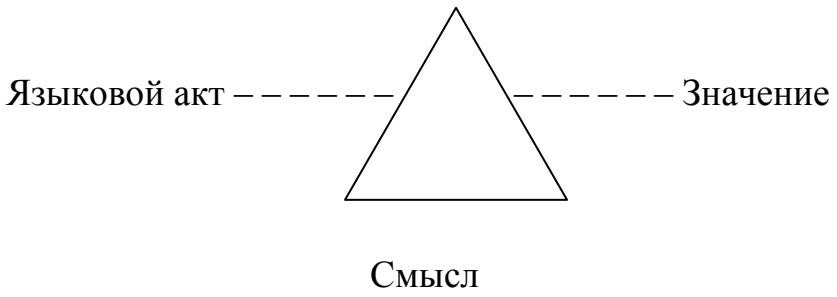
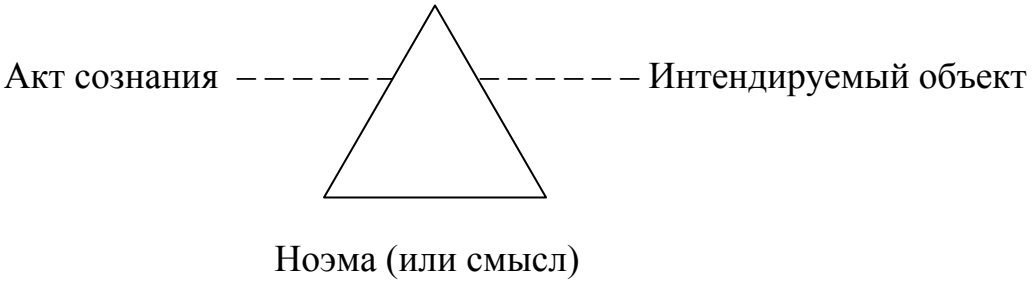


Схема 2. Модель общей интенциональности (Э. Гуссерль):



Представленные схемы наглядно показывают, что как Г. Фреге отличал смысл (*Sinn*) языкового выражения от его значения (*Bedeutung*), так же точно и Э. Гуссерль отграничивает смысл акта сознания от того объекта, по поводу

которого этот акт имеет место. Смысл для обоих философов есть то, благодаря чему возникает возможность сознания человека отсылать к объектам, т.е. обозначать их или иметь их в виду. Анализируя данные схемы, Х.Холл замечает, что в описании интенциональности у Г. Фреге обойдены очевидные проблемы, стоявшие перед теорией Ф. Брентано. Если понимать направленность сознания как его отношение к реальным объектам, то в этом отношении будет сложно объяснить ситуации неуспешности референции (например, в случае с иллюзиями, представлениями и галлюцинациями) [Холл, 2004, с. 254].

Устраняя обозначенную дилемму, Э. Гуссерль говорит о том, что хотя каждый акт является интенциональным, это не означает, что всегда реально существует объект, на который направлен этот акт. Согласно Э. Гуссерлю, каждый акт предполагает ноэму, посредством которой он направлен на соответствующий объект. Наше сознание содержит ноэму, в силу которой оно и является направленным. Э. Гуссерль решает эту дилемму, трактуя интенциональность сознания как абстрактно-интенциональные структуры (наподобие языковых смыслов), которыми сознание направляется, т.е. не прибегая ни к объектам, на которые оно направлено, ни к актуально наличному содержанию ума, сопровождающему его направленные акты.

По описанию Э. Гуссерля, даже если воспринимающему субъекту не все аспекты воспринимаемого объекта даны в чувственности, такой объект непременно тотчас и полностью интендируется во всяком его сознательном опыте. Интенциональный предмет может быть представлен в сознании множеством интенциональных содержаний, но актуально только одним, которое указывает на то, что имеет в виду субъект данного сознания [Черняк, 1998, с. 14]. Подобное многообразие представленности предмета в сознании основывается не только на различии интенциональных модусов, но и на том, что предмет всегда содержательнее, чем любое его представление. Интенциональный акт представляет собой способ предметной данности сознанию. По Э. Гуссерлю, мышление следует разумным мотивам, какие

предоставляют ему взаимосвязи опыта, и которые принуждены осуществлять известные способы постижения, известные интенциональные конструкции, какие требуются разумом, – осуществлять их для теоретического определения постигаемых в опыте чувственных вещей [Гуссерль, 1996, с. 25].

Интенциональное отношение мыслей и переживаний к предметам характеризуется, прежде всего, тем, что данные предметы в определенной степени присущи мыслям и переживаниям, в результате чего интенциональность рассматривается как имманентная сущность сознания. Сознание, согласно А.Г. Спиркину, определяется как высшая, свойственная только людям и связанная с речью функция мозга человека, заключающаяся в обобщенном и целенаправленном отражении действительности, в предварительном мысленном построении действий и предвидении их результатов, в разумном регулировании и самоконтролировании поведения человека [Спиркин, 1998, с. 383]. Э. Гуссерль подчеркивает, что языковые знаки связаны с работой мышления, с психическим переживанием. Он четко различает интенцию как коммуникативное намерение и интенцию придания значения (*Bedeutungsintention*), благодаря которой данный предмет связан с языковым выражением того, что он означает. Интенциональность формирует основу того, что посредством интенционального акта субъект высказывания придает предмету определенное значение. Предмет, трансцендентальный акту, и реально не содержащийся в нем, выступает в качестве интенционального объекта. На предмет, трансцендентальный акту, и направлена интенция.

Являясь существенной характеристикой психики, интенциональность представляет собой связь с содержанием или предметом, который также называют интенциональным объектом. М. Хайдеггер не принимает феноменологию Э. Гуссерля в её трансцендентальной и идеалистической форме, а развивает своё собственное понимание феноменологии исходя из учения о бытии. Цель Бытия и Времени, по М. Хайдеггеру, заключается в

описании того, как человеческое бытие имеет дело со смыслами своего собственного бытия. Интенциональная жизнь конституирования, образования значений и смыслов связана с практической жизнью, с каждодневным бытием в этом мире. Для человеческого бытия мир является, прежде всего, сферой практических действий в осуществлении человеческих проектов. Социальный мир, бытие с другими также представляет практический мир, в котором люди отождествляются со своими социальными ролями [Хайдеггер, 1997]. Здесь важно подчеркнуть, что во взглядах М. Хайдеггера прослеживается важная взаимосвязь интенциональности как характеристики интенциональных состояний и социальной практики в рамках жизнедеятельности индивида.

Итак, интенциональность представляет собой совокупность интенциональных состояний сознания, которые могут быть направлены на предметы объективной действительности. В то же время интенциональность является имманентной сущностью сознания, так как интенциональное отношение мыслей и переживаний к предметам характеризуется тем, что данные предметы в определенной степени присущи этим переживаниям. Язык позволяет человеку вербализовать интенциональные состояния сознания, при этом коммуникативные действия выступают как интенциональные акты.

1.2. Лингвистические истоки понятия «интенциональное состояние»

Существенной заслугой Э. Гуссерля и его последователей стало обозначенное ими взаимодействие интенциональных структур сознания и структур языка. Важную роль для дальнейшего изучения интенциональности в лингвистике сыграло положение в его учении, согласно которому предметы, присущие мыслям и переживаниям, как некоторое понятийное образование находят свое отражение в языке [Habermas, 1984, S. 311]. Язык является исходной формой проявления интенциональности, так как он

содержит свернутую картину всех предметов, всех невидимых связей, форм восприятия и мышления [Бондаренко, 2010, с. 8].

При рассмотрении интенциональности как основополагающей структуры сознания, зарубежными исследователями подчеркивается важность того обстоятельства, что любое суждение и любое познание формируется как высказывание [Прехтль, 1999, с. 19]. Интенциональность является одной из важных характеристик, присущих человека, в силу которой он может осуществлять действия, в том числе, и коммуникативные [Фоллесдаль, 1986, с. 141]. Интенциональность тем самым представляет собой базовую характеристику сознания человека как познающего субъекта и носителя языка.

В лингвистику данное понятие проникло через логико-философские теории речевых актов благодаря исследованиям Дж. Серля, обозначавшего все многообразие форм направленности интенциональных состояний как субъективных состояний сознания на объекты и положение дел в мире, с помощью термина «интенциональность». Согласно Дж. Серлю, интенциональность – это то свойство определенных ментальных состояний, в силу которого они направлены на объекты и положения дел в мире или в силу которого они есть суть об этих объектах и положениях дел [Серл, 2002, с. 186]. Анализ понятия интенциональности у Дж. Серля основан на убеждении, что важнейшая функция интенциональности заключается в детерминации действий человеческой деятельности. В качестве действий могут выступать высказывания как коммуникативные действия. В отличие от таких понятий теории речевых актов, как перформативность или иллокутивная сила (функция), понятие «интенциональность», обозначающее совокупность или Сеть (по Серлю) интенциональных состояний, не получило общепринятого лингвистического толкования содержания, соотносимого с его широким философским пониманием.

В первых работах по теории речевых актов, переведенных на русский язык, в связи с понятием иллокутивной силы рассматривались волитивные

интенции, очень близкие к интенции намерения, что в ряде случаев дало основание для перевода философского термина интенция словом обыденного языка «намерение». В своих исследовательских работах В.Г. Колшанский отмечает, что интенция говорящего должна рассматриваться не как интенция познающего субъекта в философско-психологическом плане, а как интенция конкретного высказывания в очень узких рамках. Поэтому теория интенции, разрабатывавшаяся в философии, особенно в ее ветви – феноменологии, не должна входить в сферу лингвистического исследования [Колшанский, 1975, с. 154]. Необходимо добавить, что при правильном употреблении данного термина намерение должно рассматривается лишь как частный случай интенции. По мнению Ю. Хабермаса к интенциям относятся не только намерения, желания, надежды, но и даже чувства: любовь, ненависть, ярость, склонность и т. п. [Habermas, 1984, S. 311].

Согласно взглядам Дж. Серля, интенциональность не является лингвистической сущностью, язык производен от интенциональности, а не наоборот. Переходя от рассмотрения сознания к его опредмечиванию в языке, целесообразно разграничивать первичную интенциональность сознания от вторичной интенциональности языка, поскольку язык служит для экстериоризации и передачи первичных интенциональных состояний субъекта высказывания. Например, В.А. Ладов указывает на актуальность различения первичной и производной (деривативной) интенциональностей. Благодаря актам первичной интенциональности сознание способно, еще до обращения к материальным носителям (речи или письму), концентрироваться на внутренних интенциональных содержаниях, как нередуцируемых ни к чему другому фактах автономной психической жизни. Интенциональность же языка, напротив, производна и возникает при намеренном наделении изначально пустых знаков значением, посредством замещения внутреннего интенционального содержания пропозициональным содержанием синтаксически организованных структур [Ладов, 2003, с. 18].

Термин «интенция» часто употребляется не в том широком смысле, которым он обладает в философии, а в узком смысле – в значении коммуникативного намерения. Как уже было отмечено, одной из причин такого толкования термина явилась присущая английскому слову *intention* омонимия между специальным значением «интенция» и обыденным значением «намерение». С точки зрения гносеологии, интенция трактуется как направленность сознания на какой-то предмет, который в то же время является имманентной сущностью данной ментальной структуры. Традиционно термин «интенция» достаточно часто определяется как намерение, цель [Современный словарь иностранных слов, 1993, с. 241]. Вследствие этого понятия «интенция» и «намерение» нередко отождествляются.

Отождествление таких понятий как «интенция», «интенциональность» и «намерение» в значительной степени затрудняет более детальный и крайне необходимый анализ собственно понятия интенциональности, обозначающего совокупность интенциональных состояний человеческого сознания. Интенциональность, напротив, является более широким и комплексным понятием, чем просто намеренные действия [Malle, Knobe, 1997, P. 115]. Исходя из представленных результатов опроса испытуемых о том, что они подразумевают под интенциональным поведением можно сделать следующий вывод: несмотря на то, что намерение в большей степени отождествляется с интенциональным поведением, оно является лишь одним из его компонентов:

Таблица 1. Компоненты понятия «интенциональное поведение»

Компоненты	Частота (%)
Желание	27
Убеждение	39
Намерение	51
Сознание	23

Как подчеркивает Н.А. Бондаренко, интенциональность не тождественна осознанности. Намеренность (*intending*) представляет собой одну из форм интенциональности среди многих других и не имеет, таким образом, особого статуса [Бондаренко, 2010, с. 13]. Дж. Серль также обосновывает это тезис: «Следует отметить, что интенциональность не связана с намерением (intending) в обычном смысле слова, в каком я, например, намереваюсь (intend) пойти сегодня вечером в кино. Интенциональность – скорее общее понятие, имеющее отношение к направленности сознания. Намерение есть просто частный случай интенциональности в техническом смысле, так же как и верования, желания, надежда, страх, любовь, ненависть, гордость, стыд, восприятие, отвращение и многое другое» [Серл, 2007, с. 8].

Чтобы можно было говорить об интенциональном поведении, к указанным компонентам необходимо добавить понятие навыка действующего лица. Навык, в том числе и совершать определенные коммуникативные действия, формируется, как известно, в условиях социальной практики. В качестве результата анализа интенционального поведения человека предлагается иерархическую модель обыденного понятия «интенциональность», согласно которой убеждения и желания являются предпосылкой возникновения намерения как интенции [Malle, Knobe, 1997, P. 115]. На интенциональный характер поведения человека указывают и отечественные ученые. Например, К.А. Переверзев отмечает: «Человеческое поведение интенционально. Интенциональность речевых поступков проявляется в речевых предпочтениях, выборе из «мира альтернатив» [Переверзев, 1998, с. 29].

Понятие интенциональности в философии духа не имеет ничего общего с обыденным, традиционным понятием «интенция». Когда философы говорят об интенциональности человеческого духа, то они ссылаются не на то обстоятельство, что мы являемся существами, которые преследуют намерения, а на тот факт, что многие наши ментальные состояния

направлены на что-либо. Г.Х. Вригт подчеркивает необходимость отличать интенциональное действие от намерения что-то сделать. Он пишет: «Все, что мы намереваемся сделать, и действительно делаем, мы делаем интенционально. Но нельзя сказать, что все действия, имеющие интенциональный характер, мы намереваемся совершить» [Вригт, 1986, с. 122].

Наличие интенциональных состояний в сознании человека, а также его способность к вербализации этих состояний с помощью языковых средств в процессе его жизнедеятельности, прежде всего, обусловлено его онто- и филогенезом в рамках определенного социума как языковой общности. Интенциональность как совокупность интенциональных состояний является конституирующим признаком человеческого сознания и выражает предметную направленность переживаний сознания, его соотнесенность с предметами опыта, которая понимается как смыслообразующая.

1.3. Социальная детерминированность интенциональных состояний

На протяжении истории своего развития человек познает окружающий мир, стремится к приобретению знания. Знание, как известно, составляет основу предмета познания, на который направлена деятельность познающего субъекта. Поскольку окружающий мир постоянно изменяется, человек стремится к приобретению новых знаний, их систематизации, совершенствуя тем самым формы познавательной деятельности. Как существо разумное (*homo sapiens*), он обладает способностью в результате познавательной деятельности приобретать и обобщать определенный опыт. Фундаментальное значение имеет тот факт, что человек как мыслящий субъект способен осуществлять коммуникацию с индивидами определенного социума, что является закономерным следствием развития форм общественных отношений в ходе исторического процесса.

Интенциональность как направленность ментальных состояний на объекты и положение дел в мире рассматривается современными учеными в качестве основополагающей структуры сознания, включающей

совокупность интенциональных состояний [Бабушкин, 1985; Прехтль, 1999; Schantz, 2005]. Тенденция к рассмотрению интенциональности в качестве центрального базового понятия в теории человеческой деятельности имеет место в некоторых областях лингвистических исследований, особенно в рамках когнитивного направления, а также в лингвистической философии. Некоторые ученые выступают против централизации понятия интенциональности в языковом поведении субъекта. Свою позицию они подкрепляют примерами, которые в определенной степени могут поставить под сомнение очевидность того факта, что интенциональность является неотъемлемым компонентом речевого поведения человека, носителя языка как представителя определенного социума [Duranti, 1988; Bois J.Du.,1987].

В своих научных работах Дж. Дюбуа приводит примеры того, как в «традиционных» культурах осуществляются ритуалы предсказания, включающие высказывания, обращенные предсказателями к богам и духам предков. Например, в рамках ритуала предсказания, колдун, представитель народности Зизала (Северная Гана) производит определенные движения с помощью фигур, имеющих магическое значение, и взывает к богам и предкам, которые должны покровительствовать предсказанию с определенными заклинательными высказываниями. Дж. Дюбуа приходит к выводу, что такого рода речевые действия имеют определенное значение, но не содержат интенциональность со стороны предсказателя, поскольку обращены не к конкретной личности, присутствующей непосредственно на процедуре ритуала, а к духам [Du Bois, 1987, P. 97]. Представители народности Зизала не считают, что за данными высказываниями стоит определенная личность. Мифологические фигуры рассматриваются как «стражи», «покровители» ритуала предсказания, а не как источники высказываний. Данные речевые действия связаны с магической или заклинательной функцией языка, для которой характерна неконвенциональная трактовка языкового знака. Например, произнесение ритуального имени может вызвать присутствие того, кто им назван, а ошибка

в словесном ритуале означает нанесение обиды высшим силам, что может повлечь их гнев [Мечковская, 2000, с. 25].

Подобный феномен объясняется тем, что такая социальная информация представляет собой отображение различных фрагментов объективной и субъективной реальности, характеризуется автономностью, относительной независимостью от индивидов. Она передается от поколения к поколению внутри коллектива (или группы, или общества в целом) через орудия, средства, и продукты труда в виде навыков, традиций, ритуалов и т.д. Этот «блок» социальной информации часто не осознается индивидом в адекватной форме, но оказывает влияние на его мировоззрение и деятельность [Колеватов, 1984, с. 22-23].

Представляется целесообразным проиллюстрировать языковую репрезентацию такого феномена с помощью примера из романа «Дыхание волшебного цветка», автором которого является известный мастер современного триллера Х.Г. Конзалик. Главный герой произведения, немецкий бактериолог Рихард Опперманн, живет и работает в Намибии, занимается созданием вакцины. Узнав о том, что одно из африканских племен находится в очаге стремительно распространяющейся эпидемии, он направляется к месту поселения. Племя не принимает его помощь, так как у них есть свой «доктор», некий Бенджамин Лаконго, которой лечит всех магией и предсказаниями. Он враждебно настроен по отношению к Рихарду, деятельность которого может негативно отразиться на его репутации. Благодаря дипломатичности Опперманна они принимают решение сотрудничать – вместе лечить заболевших в племени людей: Рихард с помощью традиционных медицинских препаратов, Лаконго – магией, заговорами и лекарственными растениями. Будучи сам тяжело больным, Лаконго кончает жизнь самоубийством. К Рихарду, не подозревающему о трагедии, приходят два человека из племени – помощники Лаконго, чтобы передать ему предсмертное послание от мага:

„*Sie haben Besuch, Master Doktor.*“

Dr. Oppermann sprang auf, trat in das Vorzelt und sah die beiden jungen Ovambos mit demütiger Miene im Gras stehen. Es waren die Jungen, die der Alte seine Famuli genannt hatte. Die beiden großen Zauberkisten hatten sie mitgebracht und vor ihren Füßen abgestellt.

Dr. Oppermann spürte ein Frösteln über seinen Rücken laufen. Der lange Händedruck, das komische Gefühl, die dunkle Ahnung...

„Was ist passiert?“ fragte er rauh.

Einer der Jungen senkte den Kopf. Er sprach ein schauderhaftes Englisch, aber man konnte ihn verstehen.

„Wir zu dir kommen ... ***Großer Geist hat so gewollt*** *... Du unser Herr ... Hier Brief...“*

Mit bebenden Händen nahm Dr. Oppermann das Schreiben in Empfang [Konsalik, 1991, S. 122].

Понятия «личность» и «интенциональность» онтологически предполагают друг друга, притом, что не являются идентичными. Данная точка зрения представляется адекватной существующему положению вещей, так как интенциональность является одной из главных характеристик личности. Только человек как личность, как познающий субъект и носитель языка, способен осуществлять в рамках определенной культуры интенциональные действия, в том числе и коммуникативные. Концептуально данные понятия не являются взаимосвязанными и могут быть разграничены в этом смысле, что и возможно наблюдать в традиционных культурах по отношению к ритуальным высказываниям. Интенции здесь намеренно не связываются с личностью, поскольку социальный контекст коммуникативного взаимодействия способствует такому своеобразному разделению. Более того, такое разделение происходит намеренно:

«Du willst ihn umbringen, nicht wahr?» fragte sie unvermittelt.

«Darüber ist noch nicht entschieden worden», wich er aus.

«Wer entscheidet – wenn nicht du?»

«***Die Revolution***».

Sie beugte sich vor, ihre Hände schossen plötzlich über den Tisch und krallten sich in seinem Anzug fest. Olutoni griff nach ihnen, aber sie waren wie die Klammern einer Klappfalle.

«Damit hast du dich verraten!» *zischte sie. «Ich wusste es nicht, ich habe es nie geglaubt, es war nur eine plötzliche Ahnung: Du hast mir nicht sofort gesagt: «Nein! Nie! Wie kannst du so etwas denken! Du liebst ihn doch! Warum sollte ich ihn töten?» – Nein, das hast du nicht gesagt!* ***Denn du denkst daran, ihn zu töten!»***

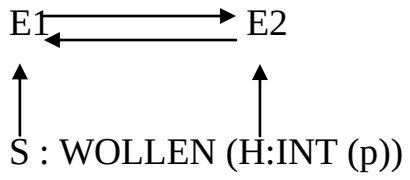
«Ja»*. Olutoni presste ihre Handgelenke und stieß sie dann von sich, als sie vor Schmerzen einen hellen piepsenden Laut hören ließ*. «***Ich denke daran, du sagst es***» [Konsalik, 1991, S. 328].

В ответ на вопрос Любы о преступном намерении убить ее возлюбленного, доктора Оппермана, ее отец старается уйти от ответа, используя репрезентативный акт в форме безличного пассива, где обозначено только действие, а сама позиция носителя действия, т.е. отца Любы, Йозефа Олутони, выражена формальным субъектом es. В структуре коммуникативной интенции отсутствует неотъемлемый элемент – носитель установки, что в свою очередь свидетельствует о коммуникативной неудаче, но способствует дальнейшему развертыванию диалога. Данное высказывание со стороны отца каузирует ответную реплику Любы, которая усиливает иллокутивную функцию высказывания, пытаясь установить личность, которая стоит за данным решением, обозначенным коммуникативным действием. В ответе же отца (*Die Revolution*) интенция намерено не связывается им с личностью, поскольку он не намерен брать на себя ответственность за планируемое им убийство, а употреблению данной реплики способствует социальный контекст: в стране произошла революция, и отец Любы руководит отрядами мятежников. Разгадав цели отца, Люба обрушивается на него с обвинениями. Ответное коммуникативное действие Любы содержит несколько речевых актов, являясь преимущественно

экспрессивами, выражают негативное отношение говорящего к имеющему место поступку слушающего.

Следующая схема наглядно иллюстрирует это:

Схема 1. **Общая структура коммуникативной интенции по В. Мотчу** [Motsch, 1994, S.6].



где:

E (*Einstellungsträger*) – носитель установки

S (*Sprecher = Einstellungsträger1*) – говорящий

H (*Hörer = Einstellungsträger2*) – слушающий

INT (*intentionaler Modus*) – интенциональный модус

p (*Sachverhaltsrepräsentation*) – репрезентация положения дел

Все эти речевые акты объединены одной интенцией – разоблачить отца, обвинив его в преступном замысле, и высказывания Йозефа Олутони подтверждают это.

В романе Х.Г. Конзалика «Влюбленные из Сочи» находим аналогичный пример:

«Hier Franz-Josef», sagte er. «Was war das eigentlich zu Silvester? Wart ***ihr*** *das?»*

*«****Es*** *musste sein»*

*«****Idioten!****»*

«Er montierte eine Wanze in Ihre Nachttischlampe»

«Glaubt ihr, wir sprechen im Bett über Mikroben?! Das war ein verdammter Fehler. Jetzt ist die CIA heiß.» [Konsalik, 1991, S. 70-71].

В доме кадрового офицера КГБ Бориса Буброва, действующего под псевдонимом Франц Йозеф, обнаружен убитым сотрудник ЦРУ. Борис пытается выяснить у своего связного А5, кто стоит за этой ликвидацией и не получает удовлетворительного ответа («***Es*** *mußte sein*» – носитель установки скрыт за безличным местоимением ***es***). Б. Бубров обрушивается на своих коллег с обвинениями, так как в результате он сам попал под «колпак» ЦРУ, что значительно затруднит его дальнейшую разведывательную деятельность на территории ФРГ, связанную с поиском секретной информации о бактериологическом оружии стран блока НАТО. Становится очевидным, что интенция говорящего играет доминирующую роль в каузации определенных ограничений интерпретационных возможностей со стороны слушающего. Непосредственным индикатором такой каузации на определенном этапе развертывания диалога является так называемый перлокутивный эффект. Намеренное элиминирование адресантом главного элемента структуры коммуникативной интенции – субъекта действия (носителя установки) побуждает адресата восстановить данную структуру, что нередко может приводить к коммуникативной неудаче в форме речевого конфликта.

Значительный научный интерес в этой связи представляет концепция Р. Шведера об интенциональных мирах. Он пишет: «Интенциональные миры – это человеческие артефактные миры. Интенциональные события, отношения, вещи существуют только в интенциональном мире. Любая вещь не существует вне нашего вовлечения и нашей реакции на нее. Интенциональные вещи причинно активны, но только в результате наших ментальных представлений о них. Они не имеют «природной» реальности или идентичности отдельно от человеческого понимания и деятельности. Интенциональный мир не существует отдельно от интенциональных состояний (верований, желаний, эмоций), воздействует на них и сам находится под их воздействием, воздействием людей, которые живут в этом мире» [Shweder, 1991, P. 48-49]. Социальный смысл интенциональности проявляется в социально-исторической детерминации духовно-культурной

деятельности социальных субъектов, в социальной практике и поведении социальных актеров [Бондаренко, 2010, с. 8].

Изучая проблему отношения между интенциональными состояниями и теми объектами и положениями дел, на которые они направлены, Дж. Серль приходит к выводу, что интенциональное состояние состоит из репрезентативного содержания в определенном психологическом модусе [Серл, 2002]. Символически это можно представить как 'S(r) ', где S – психологический модус (убеждение, страх, намерение, желание и т. п.), r – репрезентативное содержание. При этом становится возможным выделить в структуре интенционального состояния определенную интенциональную установку, включающую интенциональные состояния, и пропозициональное содержание, отражающее положение дел в объективной действительности, на которое направлены эти интенциональные состояния.

Согласно научной концепции швейцарского лингвиста Михаэля Эсфельда, личность только тогда находится в интенциональных состояниях, когда она принимает участие в социальных практиках: «Если разрабатывать теорию, которая понимает понятийное содержание наших убеждений, исходя из социальных практик, то мы имеем дело с теорией, где существуют интенциональные состояния. Интенциональными являются те состояния личности, которые имеют понятийное, т. е. пропозициональное содержание» [Esfeld, 2004, S. 147]. В современной философии духа и прагматической теории значения актуальным является следующий вопрос о том, какое место занимает идея о том, что участие в социальных практиках является необходимым и достаточным условием для интенциональных состояний.

Понятие «пропозиция», играющее важную роль в соотношении единиц информации, широко используется в различных научных направлениях, в каждом из которых оно получает собственное определение и интерпретацию. Пропозиция понимается как часть семантики, отражающая положение дел в объективной действительности, и, тем самым, являющаяся основой формирования предложения. Как подчеркивает С.Д. Кацнельсон,

отбор языковых элементов главнейшим образом предопределен содержанием пропозиции, ее местом в сообщении и общей ситуации речи. Предложение формируется не путем соединения разрозненных слов и морфем, а на основе пропозиции. Под пропозицией он понимает реляционный предикат (некий элемент мысли), «места» которого заполнены конкретными обозначениями (образами), а развертывающийся в пропозициях мыслительный процесс и есть то, что психологи называют внутренней речью [Кацнельсон, 1984, с. 8].

Непосредственное отношение к пропозициональному содержанию как репрезентации положения дел имеет особый класс интенционального сознания – пропозициональное сознание, которое, по мнению представителя формальной семантики Э. Тугендхата, имплицируется непропозициональным интенциональным сознанием, устанавливающим отношение к предмету [Tugendhat, 1976, S. 98-99]. Такое разграничение непропозиционального и пропозиционального сознания Э. Тугендхат считает целесообразным для доказательства того, что для понимания таких феноменов сознания, как интенциональные переживания, необходимыми являются языковые критерии, а не внутреннее созерцание. Пропозициональное сознание в научной концепции Э. Тугендхата является более фундаментальным, так как именно в нем, возможно полагание предмета. Подвергая критике теорию интенциональности Э. Гуссерля, Э. Тугендхат считает, что интенциональное сознание, характеризуемое Э. Гуссерлем как направленность на предмет, в сущности, базируется на понимании предложения, любое сознание о предмете всегда является частью понимания предложения [Tugendhat, 1976, S. 102].

Интенциональность как основополагающая структура сознания включает в себя комплекс ментальных состояний, которые направлены на объекты и положения дел в мире, и могут быть обозначены как интенциональные состояния. Такая точка зрения вполне соответствует трактовке интенциональности как свойства сознания, благодаря которому его состояния характеризуются как имеющие содержание, заключающее в себе

информацию о чем-то, что находится вне сознания, и как включающее определенный вид установки по отношению к этому содержанию [Lyons, 1995]. Наличие данной установки создает необходимую предпосылку для существования интенциональных состояний только при наличии связи субъекта с объектом, т.е. интенциональность предполагает наличие мыслящего субъекта.

Итак, в структуре интенционального состояния можно выделить определенную интенциональную установку, включающую интенциональные состояния, и пропозициональное содержание, отражающее положение дел в объективной действительности, на которое направлены эти интенциональные состояния. Пропозициональное содержание, которое репрезентирует определенное положение дел, представляет собой интенциональный объект, на который направлено интенциональное состояние личности.

Интенциональность как феномен сознания является сущностью социальной, поскольку существование интенциональных состояний личности обусловлено её участием в социальной практике. Такое участие представляется возможным лишь в силу интенционального поведения личности, навыки которого он приобретает в процессе онто- и филогенеза в определенном социуме. Интенциональность играет релевантную роль в соотношении таких категорий как «индивидуальное» и «социальное», является кардинальной характеристикой субъекта познания и неотъемлемым компонентом его языковой картины мира. Языковая картина мира является общей для всех говорящих на данном языке, отражающим в свою очередь определенный способ восприятия мира.

1.4. Интенциональное состояние и «внутренняя форма» языка

Подавляющее большинство различных видов человеческой деятельности в социуме протекает при участии языка. Данный феномен объясняется тем, что на определенном этапе развития у человека возникла потребность фиксировать результаты своей познавательной деятельности и выражать их с помощью определенной системы средств. Как отмечает

Н. Б. Мечковская, важнейшим итогом фило- и онтогенеза цивилизованного человека явилось возникновение языка как единственно всеобщего средства, отождествляющего его сознание с сознанием другого человека и взаимно его изменяющим [Мечковская, 2000, с. 9].

Язык представляет собой непосредственную деятельность сознания, мысли, и в то же время сознание формируется с помощью языка. Поэтому язык и сознание, обуславливая друг друга, образуют единое целое. В связи с этим закономерным является утверждение, что язык выполняет двуединую функцию: служит средством общения и орудием мышления [Спиркин, 1998, с. 406]. Сознание и язык едины, поскольку сознание отражает действительность, а язык обозначает ее и выражает мысли. А.Г. Спиркин подчеркивает, что сознание и язык предполагают друг друга, как внутреннее, логически оформленное идеальное содержание предполагает свою внешнюю материальную форму [Спиркин, 1998. с. 409]. Таким образом, язык является уникальной знаковой системой, обеспечивающей переход от чувственного познания к рациональному.

Интенциональный подход, применяемый в представленном исследовании, базируется на принципе антропоцентризма, который активизирует интерес к личностным и социокультурным аспектам человека. Становление антропоцентризма восходит к гумбольдтовскому пониманию языка как мира, лежащего между миром внешних явлений и внутренним миром человека [Гумбольдт, 1984, с. 304]. Антропоцентризм, наряду с экспансионизмом, функционализмом и экспланаторностью является одним из основных принципов современной лингвистической парадигмы научного знания [Кубрякова, 1995], которое представляет собой общепризнанные научные достижения, дающие научному сообществу модель постановки проблем и их решений в течение определенного времени [Кун, 1977, с. 11]. Наиболее ярко принцип антропоцентризма проявляется именно в текстовых исследованиях [Попова, 2002, с. 72-73].

На основе принципа антропоцентризма и инструменталистской теории интенциональности Д. Деннета становится возможным рассматривать человека в рамках его деятельности как более сложную интенциональную систему, поведение которой можно объяснять и прогнозировать, исходя из интенциональной установки [Деннет, 2004]. Интенциональная установка, как неотъемлемый элемент интенциональной системы, позволяет исследовать деятельностную природу других интенциональных систем, участвующих в построении медиа-дискурса.

Важнейшую роль в формировании парадигмы антропоцентризма в языкознании сыграли философско-антропологические идеи в трудах В. фон Гумбольдта и Л. Вайсгербера, посвященных исследованию взаимодействия мышления человека как представителя определенной языковой общности, с одной стороны, и его языка с другой. В фокусе исследования взаимодействия языка и мышления могут быть выделены следующие функции языка: 1) язык обеспечивает возможность специфически человеческого, т.е. абстрактного, обобщенного мышления и познания; 2) в языке фиксируются результаты предшествующих этапов познания действительности (в значениях слов, в грамматических категориях и т. п.). [Панфилов, 1975, с. 7; Панфилов, 1977, с. 29].

Лингвистическая концепция ведущего представителя неогумбольдтианства, Лео Вайсгербера, основанная на изучении содержательной стороны языка в его взаимодействии с сознанием, вошла в историю языкознания как феноменальное явление немецкой германистики середины XX века, поскольку в то время он впервые попытался воплотить философские идеи В. фон Гумбольдта в современной концепции языка. Основные положения неогумбольдтианского учения сводятся к тому, что язык определяет мышление человека и процесс познания в целом, а через него – культуру и общественное поведение людей, мировоззрение и целостную картину мира, возникающую в сознании. Люди, говорящие на разных языках, познают мир по-разному, создают различные картины мира, а

потому являются носителями различной культуры и различного общественного поведения. При этом язык не только обуславливает, но и ограничивает познавательные возможности человека. От различия языков зависит не только разница в содержании мышления, но и различие в логике мышления [Чесноков, 1977, с. 11].

Вслед за В. фон Гумбольдтом, Л. Вайсгербер признает, что язык в любом его состоянии образует целостное мировоззрение, и выражает все представления нации о мире, являющиеся результатом преобразования мира с помощью языка. Основная заслуга Л. Вайсгербера состоит в том, что он развил и углубил гумбольдтовское понимание языка, характера языка и его активной созидающей роли в формировании мировоззрения народа, носителя языка. Язык представляет собой не просто средство обмена информацией для обоюдного понимания, а целый мир, воздвигаемый духом между собой и предметами посредством внутренней работы его силы. Л. Вайсгербер выдвигает положение о невозможности расчленения языка как природного тела, поскольку он является деятельностью, духовным процессом [Weisgerber, 1973, S. 109].

Согласно взглядам В. фон Гумбольдта, «язык должен воспринять двойную природу мира и человека, чтобы передавать их взаимное действие друг на друга, или же он должен, напротив, поглощать в своей собственной вновь созданной стихии сущность их обоих, реальность субъекта и объекта, сохраняя только их идеальную форму» [Гумбольдт, 1984, с. 305]. Л. Вайсгербер в свою очередь развивает мысль о посреднической функции языка в процессе познания и «духовного» преобразования мира человеком. Он вводит термин «промежуточный мир» (*die Zwischenwelt*) для обозначения этой функции языка и выстраивает свою концептуальную трихотомию «мир-язык-человек». Она схематично отображает языковую сущность: связывать, соединять объективное и субъективное бытие в их взаимодействии и преобразовании друг друга. В своих трудах В. фон Гумбольдт пишет о «внутренней форме языка» (*die innere Sprachform*), являющейся «абсолютно

внутренней и чисто интеллектуальной частью, которая собственно и составляет язык, это есть применение, для которого язык использует звуковую форму» [Гумбольдт, 1984, с. 309], но ему так и не удалось дать четкую дефиницию этого понятия.

Несмотря на то, что проблема рассматривалась многими языковедами, именно Л. Вайсгерберу принадлежит заслуга в том, что он сумел определить это сложное явление: «Мы понимаем под внутренней формой языка совокупность содержаний этого языка, то есть все, что из структурированного познания заложено в понятийном строе словаря и содержаний синтаксических форм языка» [Вайсгербер, 1993, с. 102]. Язык, являясь своеобразным миром между духом и предметами действительности, тем самым, представляет собой «промежуточный мир» народа – носителя языка. Согласно научным воззрениям В. фон Гумбольдта и Л. Вайсгербера, дух народа непосредственно связан через интеллектуальное начало с мышлением человека и социальными и культурными особенностями языковой общности [Weisgerber, 1973, S. 177-179]. Значительным продвижением вперед явилось употребление Л. Вайсгербером термина «языковая общность» (*sprachliche Gemeinschaft*), вместо гумбольдтовских понятий «народ» и «нация». Л. Вайсгербер подчеркивает, что языковую общность и родной язык следует рассматривать в комплексе, поскольку языковая общность объединяет носителей определенного языка [Weisgerber, 1953, S. 12].

Труды Л. Вайсгербера свидетельствуют о том, что германский ученый неоднократно пытался дать определение социальной сущности языка: «Если рассматривать то, что язык передает свои носителям определенный способ мировидения (*die Weltauffassung*) как самую выдающуюся возможность, которой располагает язык, то, делая простые выводы из этого, мы можем получить более точное определение сущности языка, чем то, которое мы привлекали в свое время (язык = средство выражения сообщения общения и пр.) Я полагаю, что мы лучше всего постигнем язык как культурное

достояние и его роль в жизни сообщества и конкретного человека, если рассмотрим его как форму общественного познания (*gesellschaftliche Erkenntnisform*)» [Вайсгербер, 1993, с. 103]. Человек может воздействовать на мир через язык, а язык это и есть человек в его мысленном использовании бытия [Weisgerber, 1953, S. 23]. С позиции рассмотрения языка как пути духовного преобразования реального мира «всякий язык представляется как процесс такого языкового воссоздания мира; возможности как языка в целом, так и его отдельных элементов (слов, структур предложения) следует определить, исходя из связи с этим основным процессом» [Вайсгербер, 1993, с. 170]. Л. Вайсгербер подчеркивает необходимость изучения мира языковых содержаний, рассматривая их участие во взаимодействии человека и мира как позиций, с которых человек подходит к «вещам», и как форм, в которых эти вещи духовно представлены для человека.

Итак, в концепции Л. Вайсгербера языковые содержания не являются нечто естественно данным, а представляют собой нечто изученное вместе с языком как результат охватывающего тысячелетия опыта языковых предков [Радченко, 1993, с. 109]. Родной язык, по Л. Вайсгерберу, являет собой основу существования всякого народного сообщества, и связывает современных носителей языка между собой и с будущими и прошлыми поколениями. Передача языка включает и формы, и специфические понятийные средства, поэтому, обретая язык, члены сообщества обретают и закрепленное в нем определенное представление о мире [Радченко, 1993, с. 111].

Научные воззрения В. фон Гумбольдта и Л. Вайсгербера представляют значительный интерес с точки зрения исследования трансляции интенциональных состояний через язык определенного социума. В. фон Гумбольдт утверждает, что различие между субъектом и объектом обусловлено, прежде всего, природой мышления, поскольку «сущность мышления заключается в рефлексии», то есть в различии между «мыслящим» (*des Denkenden*) и «мыслимым» (*von dem «Gedachten»*).

В контексте данных воззрений мысль являет собой «дискурсивную единицу», противопоставляемую по отношению к мыслящему субъекту в качестве «порожденного им» образования [Фесенко, 2003, с. 16]. Интенциональный акт, отражающий определенное интенциональное состояние, и вербализуемый с помощью конкретного языка одной нации, входит в разряд «дискурсивных сущностей».

Согласно взглядам В. фон Гумбольдта, только язык способен быть не только знаком объекта (предмета), но и приблизить этот предмет к человеку в процессе интеллектуализации. Как подчеркивает Т.А. Фесенко, под интеллектуализацией В. фон Гумбольдт понимает процесс «транспозиции объекта в мир возможностей», то есть его включение в сеть интенциональных связей, которая была бы невозможна без репрезентации объекта в «слове – знаке». Как считает этот исследователь, «семиотическое свойство» языка, по Гумбольдту, заключается в сетевой организации интенциональных связей, и каждый язык представляет собой «систему» со свойственной ей особой грамматической и лексической организацией [Фесенко, 2003, с. 18].

Используя в качестве фундамента научные положения В. фон Гумбольдта, Л. Вайсгербер создал свою теорию, согласно которой язык определенной нации представляет собой промежуточный мир между двумя остальными мирами: внешним миром и внутренним миром человека. Языковая общность как феномен через язык передает последующим поколениям определенный способ мировидения. Язык определяет мышление и развитие социума и дает возможность носителям данного языка действовать и изменять окружающий мир и отношения в обществе. Значения, зафиксированные в каждом конкретном языке, обладающим в свою очередь своей «внутренней формой», не только отражают опыт предшествующих поколений, но и, формируя сознание последующих, являются основой приписывания дополнительных значений предметам объективной действительности.

Итак, «внутренняя форма» языка, будучи представленной в единицах одного уникального языка нации, способствует тому, что эти единицы языка выступают в качестве смысловых знаков, благодаря которым могут быть выражены определенные интенциональные состояния, отражающие особенности сознания представителей языковой общности. Язык нации, как некий «промежуточный мир», может быть обозначен как уникальный «интенциональный мир» нации, который транслирует интенциональные состояния как своеобразные духовные содержания от поколения к поколению в рамках определенного социума.

1.5. Интенциональное состояние в фокусе проблемы значения

На протяжении истории развития науки мыслители исследовали в разных её областях природу такого феномена как значение. Как результат, значение является на сегодняшний день предметом изучения не только языкознания, но и таких наук, как философия, логика, психология.

Проблема значения стала одной из центральных в теории познания благодаря революционным изменениям, произошедшим в науке в конце XIX – начале XX вв. Прежде всего, это связано с возникновением и развитием современной феноменологии. Как отмечает М.Л. Макаров, несмотря на то, что термин «феноменология» уже в XVIII веке стал известен благодаря классическим трудам Г. В. Ф. Гегеля, современная феноменология как самостоятельное учение восходит к идеям Э. Гуссерля, критиковавшего распространенные в его время философский скептицизм и релятивизм. Носителем этих тенденций Э. Гуссерль считал психологизм XIX века, который утверждал полную обусловленность познавательного акта структурой эмпирического сознания [Макаров, 2003, с. 26].

Феноменология, созданная Э. Гуссерлем, стала исследовать интенциональность в качестве определяющей характеристики сознания, и тем самым по-другому поставила перед учеными проблему значения, демонстрируя новые подходы к изучению природы взаимосвязанности человеческого познания, мышления и языка. В этой связи считаем

возможным согласиться с Т. Хиллом, который подчеркивает: «В то время как античная и средневековая философия имели дело, прежде всего, с проблемой бытия, а новая философия – с проблемой познания, современная философия все больше внимания уделяет проблеме значения. Современная философия в последнее время, касаясь проблемы познания, рассматривает эту проблему не с точки зрения исследования отношения между познающим и познаваемым и не с точки зрения оправдания гипотез, а, прежде всего, с точки зрения выявления значений или анализа языковых выражений» [Хилл, 1965, с. 363].

В лингвистике проблема значения также стоит весьма остро, даже в силу того, что существует большое количество точек зрения и подходов к исследованию этого феномена. В частности, Л.А. Новиков указывает на тот факт, что в литературе, посвященной анализу понимания термина «значение», отчетливо проявляются различные подходы к интерпретации и анализу плана содержания языка с преимущественным вниманием к тому или иному аспекту. Значение может пониматься как сам денотат, противопоставленный смыслу, как ситуация, в которой говорящий произносит языковую форму, как отношение слова к обозначаемому им предмету, т.е. отношение факта языка к внеязыковому факту и т.д. Ученый выделяет два главных и тесно связанных аспекта рассмотрения языкового значения: 1) значение как специфическое языковое отражение внеязыковой действительности; 2) значение как смысловое содержание знака в составе лексической единицы, имеющей в языке соответствующие функции [Новиков, 2001, с. 442].

Наряду с ближайшими (языковыми) значениями А.А. Потебня особо выделял «дальнейшие значения», соотнесенные со сферой неязыкового знания (содержания). По мнению этого ученого, языковые значения слов представляют собой внутреннюю форму. Он писал: «Значение слов, в той мере, в какой оно составляет предмет языкознания, может быть названо внутреннею их формою в отличие от внешней звуковой, иначе – способом

представления внеязычного содержания» [Потебня, 1958, с. 47]. Тем самым А.А. Потебня указывает на необходимый характер взаимосвязи значения и знания. На проблему, касающуюся разграничения языковых и неязыковых знаний, которые в свою очередь составляют основу мыслительного содержания, в своих трудах указывал И.А. Бодуэн де Куртенэ: «В языке или речи человеческой отражаются различные мировоззрения и настроения, как отдельных индивидов, так и целых групп человеческих. Поэтому мы вправе считать язык особым знанием, т.е. мы вправе принять третье знание, знание языковое, рядом с двумя другими – со знанием интуитивным, созерцательным, непосредственным и знанием научным, теоретическим» [Бодуэн де Куртенэ 1963: 79]. Решая вопрос о взаимоотношении языкового и неязыкового знания, И. А. Стернин пишет: «Под знанием о мире следует понимать всю совокупность знаний, относящихся к тому или иному предмету. Знание о мире, таким образом, включает научное, бытовое и энциклопедическое знание» [Стернин, 1985, с.21]. По мнению этого исследователя, языковое знание о мире противостоит неязыковому знанию, существующему в сознании человека в неязыковой форме. «Языковое знание представлено в значениях слов в виде отдельных семантических компонентов, неязыковое – не образует каких–либо компонентов в значениях слов. Неязыковые знания хранятся в сознании человека в конкретной, чувственно–наглядной форме и являются результатом наглядно–действенного мышления человека, общего у него с животными» [Стернин 1985, с. 31].

Проблема унифицированного определения понятия «значение» возникала в силу общенаучного характера этого термина. Как подчеркивает М.В. Никитин, в специальных науках в отсутствие общей теории значения создавались частные теории значения, не претендовавшие на универсальность, но полезные для целей той или иной научной дисциплины или концепции. Особенно много таких теорий создается в философии, логике, лингвистике и семиотике [Никитин, 1988, с. 12]. Определения

значения можно свести к двум основным: 1) к определению значения как психической, отражательной сущности, соотносимой с такими явлениями, как представления, эмоции, понятия и т.п.; 2) к определению значения как реляционной сущности, как отношения языкового знака к предмету (денотативное значение), к понятию (сигнификативное значение), к условиям акта речи и его участникам (прагматическое значение), к сфере и ситуации его употребления (стилистическое значение), к другим языковым знакам (структурное значение) и т. д. [Васильев, 1990, с. 67-69].

Типология видов лексического значения, разработанная Л.А. Новиковым, охватывает все семиотические аспекты: семантику, синтактику и прагматику. В структуре лексического значения языковых единиц им выделяются следующие виды значений: 1) сигнификативное (или «собственно семантическое») значение; 2) структурное значение, которое делится на синтагматическое и парадигматическое; 3) эмотивное (прагматическое) значение; 4) актуальное (сигматическое) значение.

Сигнификативное значение определяется отношение знака к сигнификату (significatum – термин Ч. Морриса), т.е. к понятию, смыслу, мыслительному содержанию. Представляя собой специфическое отражение объективной действительности, определенное языковое содержание, соотнесенное со своим знаком, оно является «собственно семантическим» значением, выступает качестве наиболее обычного словарного значения и тем самым дает обобщенное представление о смысловой стороне, потенциальной семантической возможности слова (лексической единицы). Структурное значение, представляющее отношение данного знака к другим знакам внутри определенной знаковой системы, включает две разновидности структурного значения как компонента лексической единицы, т.е., две основные структурно-семантические характеристики этой единицы как элемента лексико-семантической системы языка: 1) синтагматическое структурное значение; 2) парадигматическое структурное значение. Эмотивное (прагматическое) значение является закрепленным в языковой

практике отношением говорящих к употребляемым знакам и соответствующим воздействием знаков на людей. Данный аспект лексического значения является в лексической семантике специфическим языковым выражением оценки обозначаемого с помощью маркированных единиц, оценочным эмоциональным, стилистически характеризующим компонентом лексического значения. Актуальное (сигматическое) значение является отношением языковой единицы (т.е. знака и свойственного ему сигнификативного, структурного и прагматического значения) к конкретному предмету обозначаемой действительности (данной ситуации) и соответствующее отражение этого отношения в лексическом значении единицы [Новиков, 2001, с. 449-469].

Языковые единицы современного немецкого языка, с помощью которых могут быть вербализованы определенные интенциональные состояния, помимо лексического значения, получают также и грамматические значения, которые также играют немаловажную роль при анализе соответствующих единиц. В лингвистике традиционное грамматическое значение определяется как обобщенное, отвлеченное языковое значение, присущее ряду слов, словоформ, синтаксических конструкций и находящее в языке свое регулярное (стандартное выражение) [Языкознание, 1998, с. 116]. В области морфологии грамматическое значение представлено общими значениями слов как частей речи (напр., значение предметности у существительных, процессуальное у глаголов), а также частными значениями словоформ и слов в целом, противопоставляемыми друг другу в рамках морфологических категорий (например, значение того или иного времени, лица, числа, рода). В области синтаксиса грамматическое значение может выступать в качестве значения предикативности. Это могут быть разнообразные отношения компонентов словосочетаний и предложений как абстрактных грамматических образцов (в отвлечении от их лексического наполнения): значения семантического субъекта, объекта, того или иного обстоятельственного квалификатора (локальное, темпоральное, причинное,

целевое и т.п.); формализованные в определенных языковых средствах компоненты тема-рематической структуры предложения; выраженные союзной связью отношения частей сложного предложения [Языкознание 1998, с. 116]. Важно отметить, что к грамматическим значениям могут быть отнесены и словообразовательные значения.

В отличие от лексического значения, которым обладает каждое неслужебное слово как единица словаря, в которой отражены понятия или представления о предметах и явлениях объективной действительности, грамматическое значение не свойственно слову как таковому, поскольку оно возникает в предложении при сочетании соответствующих словоформ, и тем самым, отражает отношения между предметами и явлениями объективной действительности [Баклушин, 1989, с. 40]. В системе грамматических значений объективируются – через ступень понятий – знания о предметах и явлениях действительности, их связях и отношениях. Традиционно различаются с одной стороны, грамматические значения референциальные (несинтаксические), отражающие свойства предметов и явлений внеязыковой действительности, например, значения количественные, пространственные, временные, и, с другой, грамматические значения реляционные (синтаксические), указывающие на связь словоформ в составе словосочетаний и предложений, или указывающие на связь основ в составе сложных слов (соединительное словообразовательное значение). Особый характер имеют грамматические значения, отражающие отношение говорящего к тому, о чем идет речь, или к собеседнику: субъективная модальность, субъективная оценка, вежливость, непринужденность и т.п.

Вопросам исследования статуса и структуры грамматического значения и его взаимодействия с лексическим значением посвящены исследования отечественных лингвистов В.Г. Адмони, М.И. Стеблин-Каменского. Единицы таких сфер языка, как лексика и грамматика, непосредственно осуществляют связывание плана выражения с планом содержания. В наиболее полной мере это касается грамматики, потому что единицы

грамматики обладают как бы потенцированными значениями, обобщенными и наслаивающимися на лексические значения [Адмони, 1979, с. 7]. Функция грамматического значения в процессе речи может рассматриваться с различных точек зрения: с точки зрения характера сочетания грамматического значения с лексическим; с точки зрения отношения грамматического значения к нашему мышлению; с точки зрения отношения грамматического значения к реальной действительности, которую оно отражает [Стеблин-Каменский, 1979]. Денотатом как лексических, так и грамматических значений являются отраженные в человеческом сознании явления и отношения объективной действительности.

На наш взгляд, при анализе роли интенциональности в формировании интенционального значения в медиа-дискурсе, в качестве базовой может выступать концепция значения М.В. Никитина, согласно которой ситуации, характеризующиеся наличием значения, рассматриваются как значимые ситуации, предполагающие связь двух фактов (предметов, событий, явлений), и осознание этой связи наблюдателем. В значимой ситуации значение как факт сознания возникает при осознанной информационной связи между двумя фактами, при которой один факт актуализирует в сознании мысль о другом и информационно настраивает сознание на этот последний [Никитин, 1988, с. 14]. Значение, таким образом, выступает как факт сознания.

1.6. Коллективная интенциональность и значение артефактов

В фокусе исследования феномена интенциональных состояний особая роль отводится изучению коллективной интенциональности, прежде всего, у зарубежных ученых [Searle, 2007; Becchio, Bertone, 2004; Rakoczy, Tomasello, 2008; Schmid, 2005; Tuomela, 2002; Zaibert, 2003].

Коллективная интенциональность в представленной работе определяется нами как совокупность интенциональных состояний, направленных на предметы и положения дел объективной действительности, характерных исключительно для членов определенной языковой общности,

отражающих социально-исторический опыт нации в целом, и выраженных средства языка этой нации.

Дж. Серль пишет: «К понятию коллективной интенциональности относятся не только коллективные намерения (*intentions*), но и другие формы интенциональности, такие, как коллективные убеждения и желания. Человек может иметь убеждения, которые имеют и другие, или такие же желания, что и целый коллектив. Коллективная интенциональность составляет основу любого общества – и людей, и животных. Люди, как и многие виды животных, обладают коллективной интенциональностью, а значит, и способностью к созданию обществ. Я определяю социальный факт как любой факт, связанный с коллективной интенциональностью двух и более агентов» [Серль, 2007, с.11].

По мнению Дж. Серля, с коллективной интенциональностью неразрывно связано такое понятие, как приписывание функции: «Люди обладают способностью (присущей и другим видам животных, хотя таких видов немного) приписывать функции объектам, которые сами по себе не имеют функции, а обретают ее только благодаря такому приписыванию. Приписанные функции зависят от наблюдателя. Если попытаться соединить коллективную интенциональность и приписывание функции, станет ясно, что возможно существование и коллективного приписывания функции» [Серль, 2007, с.12]. В качестве третьего понятия на пути от социальных фактов к институциональным выделяется особый тип приписывания функции, когда объект или индивид, которому она приписывается, выполняет ее благодаря коллективному приписыванию некоего статуса [Серль, 2007, с.12].

В качестве яркого примера такого приписывания Дж. Серль называет деньги. Нам представляется важным и интересным исследовать трансформацию интенционального значения такого артефакта, как «свастика» на денежных знаках, которые мы рассматриваем в качестве креолизованых текстов [Анисимова, 2003]. В какой-то мере креолизованные тексты могут рассматриваться в качестве публицистических.

«Свастика» – один из самых загадочных знаков в истории развития человеческой цивилизации. От трактовки его интенциональных значений на протяжении веков зависели судьбы отдельных людей, племен и целых наций. До сих пор не умолкают споры среди представителей самых различных отраслей научного знания в отношении истории происхождения «свастики» и её роли в истории.

В массовом сознании людей знак и слово «свастика» закрепились преимущественно как «фашистский крест», и связаны исключительно с именем Адольфа Гитлера, нацистской Германией 1933-1945 гг. и Второй мировой войной. Отторжение «свастики» в национальном языковом сознании российского общества имеет социально-исторические предпосылки – в период Великой Отечественной войны наша многострадальная Родина понесла огромные человеческие потери. Поэтому запрет на изображение «свастики» являлся неотъемлемым компонентом военно-патриотического воспитания молодого поколения в СССР. Например, в Словаре русского языка С.И. Ожегова понятие «свастика» трактуется как «*знак в виде креста с загнутыми под прямым углом концами – эмблема фашизма, ставшая символом варварства и насилия*» [Ожегов, 1990, с. 698]. Как следствие, в рамках школьного и вузовского образования в СССР обучающиеся не получали объективных научных знаний о происхождении этого знака и этимологии слова, его обозначающего.

В Современном словаре иностранных слов можно обнаружить следующее толкование слова «свастика»: СВАСТИКА [*санскр.*] – знак в виде равноконечного креста с загнутыми под прямым углом концами, ставший эмблемой германского фашизма; первонач. – один из религиозных знаков древнеиндийского культа [Современный словарь иностранных слов, 1993, с. 545]. Из приведенной дефиниции логически следует, что нацисты в фашистской Германии лишь заимствовали данный знак, восходящий к древнеиндийским культам. Слово ***das Hakenkreuz*** имеет в немецко-русских

словарях только один перевод – *свастика* [Большой немецко-русский словарь, 1998, с. 586].

Если обратиться к зарубежным источникам, подобное определение можно встретить в лексиконе BROCKHAUS: Swastika, Svastika *die*, → *Hakenkreuz* [Der Brockhaus, 1996, S. 889]. Следуя данной ссылке в лексиконе Брокгауз, находим следующее толкование: ***Hakenkreuz***, ***Swastika***, *urspr. altes, weitverbreitetes Segenszeichen; Symbol antisemit. Organisationen, so des Nationalsozialismus, der es nach der Machtübernahme in die staatlichen Embleme übernahm* [Der Brockhaus 1996, S. 360].

Авторы лексикона также рассматривают понятия ***Swastika*** и ***Hakenkreuz*** как синонимы, добавляя при этом, что свастика является символом антисемитских организаций. Чтобы более глубоко понять истоки происхождения этого загадочного знака, а также причины возникновения понятий, соотносимых с ним через слово, необходимо обратиться как к его этимологии, так и к социально-историческому контексту.

В переводе с санскрита «свастика» означает добро, благо, благополучие, благосостояние. «Свастика» встречается в различных культурах народов мира: в Индии, Древней Руси, Китае, Древнем Египте, государстве Майя и Центральной Америке. Этот знак присутствовал на оружии, предметах повседневного быта, одежде, знаменах и гербах, а также использовался мастерами при оформлении церквей и домов. У большинства народов свастика обнаруживает положительные значения, являясь символом движения жизни, Солнца, света и благополучия. В древнеиндийской философии свастика является символом вечного круговорота Вселенной, в тибетском ламаизме – охранный символ, символ счастья и талисман. В Индии и Тибете свастика встречается везде, где есть следы буддийской культуры – на стенах и воротах храмов, ступах и статуях Будды. На Руси свастика, с древнейших времен символизирующая восходящее Солнце-Ярилу и победу Света над Тьмой, использовалась в обрядах и строительстве, в домотканом производстве, что характеризовало высокоразвитую

дохристианскую культуру славян. На Руси свастика использовалась в обрядах и строительстве, в домотканом производстве: в вышивках на одежде, на коврах, ей украшали домашнюю утварь. Данный символ объединяет многие культуры мира, а не связан исключительно с национал-социализмом в Германии. В связи с этим алтайский писатель А. М. Родионов подчеркивает: «Господство свастики на знамени фашизма оплачено страшной ценой. Оно обернулось полнейшей потерей первоначального гуманного смысла, потерей смысла высшего благопожелания – всего того, что до зарождения фашизма символизировала свастика. Вырванный из образной системы древнего орнамента, знак лишился освящающего соседства с символами плодородия, продолжения рода, солнца. Произошло чудовищное расчеловечивание мирного символа. Фашисты вкладывали в свастику свой смысл – сила и власть» [Родионов 1990, с. 239].

Итак, в XX веке «свастика» (*нем. Hakenkreuz*) получила известность как символ нацизма и гитлеровской Германии и в европейской культуре устойчиво ассоциируется именно с гитлеровским режимом и идеологией. Известно, что появившаяся в 20-х годах Национал-социалистическая немецкая рабочая партия (НСДАП) выбрала «свастику» в качестве своего партийного символа. В 1923 году на съезде нацистов будущий фюрер Адольф Гитлер так объяснил значение партийного флага: белый круг на красном фоне – символ национальной чистоты и силы, чёрная свастика – призыв к беспощадной борьбе с коммунистами и евреями. С 1933 года «свастика» становится главной государственной эмблемой гитлеровской Германии, включенной в ее герб и флаг.

При исследовании трансляции данного символа в текстах, прежде всего, обращает внимание так называемая «Песня о свастике» (*Das Hakenkreuzlied*), автором которой является известный немецкий лирик позднего романтизма Отто Кернштoк (1848 – 1828). Лейтмотивом в творчестве О. Кернштока изначально являлась национальная идея. Он желал немцам поскорее увидеть мессию, который из позора и нужды последствий

Первой мировой войны приведет немцев к победе и свободе. Весной 1923 года О. Кернштoк сочинил для Восточной группы НСДАП в Фюрстенфельд так называемую «Песню о свастике»:

Hakenkreuzlied

1. *Das Hakenkreuz im weißen Feld*
Auf feuerrotem Grunde
Gibt frei und offen aller Welt
Die frohgemute Kunde
Wer sich um dieses Zeichen schart
Ist deutsch mit Seele, Sinn und Art
Und nicht bloß mit dem Munde.
2. Das Hakenkreuz im weißen Feld
Auf feuerrotem Grunde
Zum Volksmal ward es auserwählt
In ernster Schicksalsstunde
Als unter Schmerzen heiß und tief
Das Vaterland um Hilfe rief
Das teure, todeswunde
3. Das Hakenkreuz im weißen Feld
Auf feuerrotem Grunde
Hat uns mit stolzem Mut beseelt
Es schlägt in unsrer Runde
Kein Herz, das feig die Treue bricht
Wir fürchten Tod und Teufel nicht
Mit uns ist Gott im Bunde

Мог ли известный поэт и священник предположить, к каким последствиям приведет его творение, а главное какую роль оно сыграет в поистине кафковском превращении сознания немцев из национального в национал-социалистическое в 20-30-х годах XX века?

Представляется важным проанализировать некоторые фрагменты текста этого стихотворения, и попытаться понять, каким образом слово О. Кернштока могло способствовать тому, что исследуемый нами символ сумел черным пауком заползти в сознание немецкого народа. В первых двух строках каждой строфы встречается описание флага НСДАП, на котором изображен свастикальный символ:

*Das **Hakenkreuz** im **weißen Feld***

*Auf **feuerrotem Grunde***

Рассмотрим 5,6,7 строки 1-й строфы текста стихотворения:

*Wer **sich** um dieses Zeichen **schart***

*Ist **deutsch** mit **Seele**, **Sinn** und **Art***

Und nicht bloß mit dem Munde.

Глагол ***sich scharen*** эксплицитно содержит коммуникативную интенцию призыва к объединению, поскольку данная лексема актуализирует в сознании носителей немецкого языка значение «*объединяться вокруг чего-л. в качестве сторонников, приверженцев какой либо идеи*» [Duden Deutsches Universalwörterbuch, 1989, S. 1304]. Подлежащее *Wer sich um dieses Zeichen schart,* указывающее на субъект действия, находится в позиции ремы, а значит, данная языковая форма содержит информацию, которая в данном фрагменте текста стихотворения является новой, т.е. наиболее важной, актуальной. Как показывает современный словарь синонимов DUDEN, лексема ***die Art*** синонимична словам ***die Rasse***, ***das Wesen*** [Duden Sinn- und sachverwandte Wörter, 1986, S. 59].

В данном фрагменте автором затронут аспект национального самоопределения, в форме утверждения выражено интенциональное состояние уверенности, и, следовательно, абсолютно полного знания автора в том, что истинным немцем является лишь тот, кто объединяется вокруг такого символа как ***Hakenkreuz***. С помощью использования в тексте лексем ***die Seele***, ***der Sinn*** и ***die Art*** О. Кернштоп апеллирует к коллективному

сознанию, благодаря чему эти языковые единицы эксплицируют интегративную функцию.

В 6-й и 7-й строках 3-й строфы личное местоимение ***wir*** отражает квантор всеобщности как идеологически ориентированное понятие, которое во времена нацизма в Германии было отражено в следующей семантически и идеологически емкой формулировке: Reich (рейх) – Volk (народ) – Führer (фюрер):

Wir fürchten Tod und Teufel nicht

Mit uns ist Gott im Bunde

Эти последние строки содержат мораль произведения в целом, и, вероятно могли сыграть роковую шутку в судьбе данного творения О. Кернштока, ведь свастика изначально являлась древнеиндийским священным символом, тем самым, олицетворяя Бога. В данном фрагменте О. Керншток, используя антитезу «дьявол – Бог», ставит рядом с последним всех тех, кто объединяется вокруг свастического символа ***Hakenkreuz***. Если в целом сопоставить все три строфы, то сквозь текст прослеживается триада: das Volk – das Vaterland – der Gott.

История послереволюционной России свидетельствует о том, что в то время свастика актуализировала интенциональное значение процветания и веры в благополучное будущее. Когда к весне 1917 года Россия оказалась у самой пропасти финансовой катастрофы, эмиссия денежных знаков достигла небывалых масштабов. В обращение поступили купюры в 250 и 1000 рублей, выпущенные Временным правительством, которые украсились свастикой, являющейся тогда символом благополучия и веры в процветание.

После того, как свастика исчезла с денежных купюр послереволюционной России, мало кто мог предположить, что позднее этот знак на деньгах мистическим образом вернется в СССР. Но теперь, он не будет символизировать веру в благополучие, а, оказавшись «в лапах» имперского орла НСДАП, станет олицетворением захвата территории и порабощения народов СССР. Оккупанты начали наводить новый порядок,

неотъемлемой частью которого являлась эмиссионная политика. Сразу после начала «блицкрига» была введена в обращение оккупационная марка с принудительным курсом: 1 марка за 10 советских рублей. Эти банкноты использовались на территории СССР, оккупированной немецкой армией в период Великой Отечественной войны.

После провала германского наступления на Москву у населения пошатнулось доверие к оккупационной марке, вследствие чего весной 1942 года германским командованием был создан Центральный эмиссионный банк Украины с местопребыванием в г. Ровно, который был объявлен фашистами столицей Украины. Этот банк стал осуществлять эмиссию собственных денежных знаков в карбованцах восьми номиналов – 1, 2, 5, 10, 20, 50, 100 и 500 карбованцев. На лицевой стороне этих дензнаков весь текст размещался на немецком языке, что свидетельствовало об их официальном характере. Здесь также был указан номинал банкноты, наименование выпускающего банка ZENTRALNOTENBANK UKRAINE, дата и место эмиссии ROWNO , den 10. März 1942, изображение имперского орла с нацистской свастикой, подпись уполномоченного лица банки и серия и номер банкноты. Примечательно, что на оборотной стороне этих денег имелись надписи на немецком и украинском языках с наименованием выпускающего банка: *Центральний Емісійний Банк Україна*, указанием номинала банкноты и предупреждением о наказании за изготовление подделок: *Фальшування грошевих знаків карається тяжкою тюрмою*. Для каждого номинала индивидуально в правом углу банкноты располагали рисованные изображения (банкнота 2 карбованца – изображение мальчика, 10 и 200 карбованцев – крестьянки, 100 карбованцев – моряка). Объединив два языка и изобразив на банкнотах не только все поколения, но и все социальные слои, гитлеровцы кощунственно и цинично пытались придать народный облик этим деньгам, завизировав их имперским орлом со «свастикой». Весной и летом 1944 года, несмотря на репрессии, произошел массовый отказ населения от оккупационных денег.

Здесь необходимо подчеркнуть, национал-социалисты использовали не свастику (*Swastika*), а схожий по начертанию символ *Hakenkreuz*, что в дословном переводе означает «крюкообразный крест». По мнению Р.В. Багдасарова, под определение «нацистской» символики может подходить лишь свастика черного цвета, стоящая на ребре в 45°, с концами направленными в правую сторону. Именно такой знак находился на государственном знамени национал-социалистической Германии с 1933 по 1945 гг., а также на эмблемах гражданских и военных служб [Багдасаров, 2002, с. 45].

В толковом словаре DUDEN «*Hakenkreuz*» и «*Swastika*» трактуются не только как абсолютно противоположные друг другу символы, но как различные понятия:

1. ***Hakenkreuz,*** *das: a) gleichschenkliges Kreuz mit vier in die gleiche Richtung weisenden, rechtwinklig geknickten, spitzwinkligen od. abgerundeten Armen; b) Hakenkreuz (a) als Symbol der Nationalsozialistischen Deutschen Arbeitspartei* [Duden Deutsches Universalwörterbuch 1989, S. 651].

2. ***Swastika,*** *die; -, ...ken, auch der; -[s], -s -[sanskr. svastika]: altindisches Glückssymbol in Form eines Sonnenrades, Hakenkreuzes* [Duden Deutsches Universalwörterbuch 1989, S. 1503].

Таким образом, свастика как древнеиндийский священный символ не имеет ничего общего со знаком *das Hakenkreuz.* С точки зрения анализа коллективной интенциональности, данный знак приобретает абсолютно разные, противоположные интенциональные значения в каждой языковой культуре. Более того, в диалоге языков и культур можно наблюдать трансформацию определенных интенциональных значений из сознания (интенционального мира) одной нации в национальное самосознание носителей другого языка.

1.7. Дискурсивный подход к изучению интенциональных состояний

Овладение языком как уникальной знаковой системой обеспечило человеку переход от чувственного познания к рациональному. Сознательную

деятельность *homo sapiens* характеризует его способность делать выводы, опираясь только на используемые средства языка. Данная способность осуществлять операцию вывода делает возможным существование сложнейших форм дискурсивного мышления, представляющих собой основные формы продуктивной деятельности человеческого интеллекта [Лурия, 1998, с. 323].

Дискурс обращен к прагматической ситуации, а также к ментальным процессам участников коммуникации: этнографическим, психологическим и социокультурным правилам и стратегиям порождения и понимания речи в определенных условиях [Языкознание, 1998, с. 137]. Дискурс представляет собой существенную составляющую социокультурного взаимодействия, характерными чертами которого являются интересы, цели, и стили, как сложное единство языковой формы, значения и коммуникативного акта [ван Дейк, 1989, с. 53]. Дискурс может рассматриваться как связный текст в совокупности с экстралингвистическими: прагматическими, социокультурными, психологическими факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания» [Языкознание, 1998, с. 136-137].

При исследовании дискурса в центре внимания исследователей оказалась экстралингвистическая информация, непосредственно связанная с ментальными процессами.

Создаваемый дискурсом общий контекст, описывающий действующие лица, объекты, поступки, обстоятельства и т. п., определяется не столько последовательностью предложений, сколько общим для создающего дискурс и его интерпретатора миром, который выстраивается в процессе развертывания дискурса. Исходная структура для дискурса имеет вид последовательности элементарных пропозиций связанных между собой логическими отношениями конъюнкции, дизъюнкции и т. п. [Степанов, 1995, с. 37-38].

Теория дискурса как прагматизированной формы текста восходит к концепции Э. Бенвениста, который разграничивал план повествования (*recit*) и план дискурса – языка, присваиваемого говорящим человеком. Э. Бенвенист указывал на то, что речь (*discours*) следует понимать в самом широком смысле, как всякое высказывание, предполагающее говорящего и слушающего и намерение первого определенным образом воздействовать на второго. Изначально нечеткое определение дискурса явилось причиной употребления этого понятия в ряду таких терминов как «речь» (*discours* – «речь, погруженная в жизнь»), «текст», «функциональный стиль» [Ревзина, 1999, с. 25]. Структурными элементами дискурса являются единицы и формы речи, взаимодействие которых представляет часть повседневной речевой деятельности, в то же время дискурс можно рассматривать как совокупность интеракций между представителями определенных социальных групп [Протасова, 1999, с. 144]. Дискурс также выступает как общепринятый тип речевого поведения субъекта в какой-либо сфере человеческой деятельности, детерминированный социально-историческими условиями, а также утвердившимися стереотипами организации и интерпретации текстов как компонентов, составляющих его специфику [Манаенко, 2003, с. 23-24].

С позиций когнитивного подхода дискурс определяется как достаточно сложная система иерархии знаний. Дискурсивные данные позволяют: 1) о языке и его употреблении в особых целях, в определенных ситуациях; 2) об обмене информацией, ее получении и осмыслении в актах коммуникации; 3) о ментальной деятельности человека, о его сознании и мышлении [Кубрякова, 1994, с. 37].

Анализ дискурса ориентируется главным образом на установки деятельностной парадигмы. Язык здесь онтологически и эпистемически включён в человеческую деятельность, являясь и одним из ее важных инструментов и результатов.

Вопрос о разграничении понятий «текст» и «дискурс» является актуальным, так как данные понятия используются исследователями как

различающиеся, так и как взаимозаменяемые. С позиций современных подходов дискурс является более широким понятием, чем текст. А.А. Кибрик считает, что дискурс представляет собой одновременно и процесс языковой деятельности, и ее результат (текст) [Современная американская лингвистика, 2002, с. 307]. Разграничивая данные понятия, Е.С. Кубрякова и О.В. Александрова под дискурсом понимают когнитивный процесс, связанный с реальным речепроизводством, созданием речевого произведения, а текст представляет собой конечный результат процесса речевой деятельности в определенной зафиксированной форме. По мнению этих ученых, текст может трактоваться как дискурс в том случае, когда он реально воспринимается и попадает в текущее сознание воспринимающего его человека [Кубрякова, Александрова, 1997, с. 19].

Понятие «дискурс» связано с анализом языкового отрезка как процесса с учетом участников этого события, их знаний, сложившейся ситуации общения, а понятие «текст» связано с анализом языкового отрезка как продукта. Исследователи нередко, оперируя понятием «текст», рассматривают языковой отрезок как динамически развертывающийся [Басималиева, 1999, с.81-82]. Анализ социального взаимодействия связан с изучением структуры знаний. Знания передаются через ритуалы, традиции. Большую роль играет знаковый способ передачи знаний – их материализация с помощью таких артефактов как тексты. Считаем возможным согласиться с точкой зрения З.Я. Тураевой, которая считает, что анализ текста, смысловой, семантической, синтаксической структур, его составляющих, изучение того, как протекают процессы понимания и порождения текста, есть изучение мыслительных процессов и социально значимых действий людей [Тураева, 1994, с.105]. Публицистические тексты могут обретать социальную силу и воздействовать на сознание адресата, поскольку передают не только фактическую, но и контрафактическую картину мира. Как справедливо подчеркивает Н.В. Халина, «в системе средств массовой коммуникации системой, формирующей и транслирующей знание, становится язык. Процесс

организации и распространения информации в средствах массовой коммуникации позволяет проследить роль языка как средства передачи идентичной информации. Особую важность приобретает решение проблемы моделирования общения как социального явления, дискурсивной практики» [Халина, 2006, с.29].

1.8. Немецкая школа анализа дискурса (З. Егер, Ю. Линк, У.Маас)

В качестве точки отсчета критического анализа в отношении различных направлений исследования дискурса В. Е. Чернявская считает необходимым рассматривать научную традицию и выделяет следующие национальные научные школы дискурсивного анализа [Чернявская, 2003, с. 68-69]: а) англо-американскую лингвистическую традицию, понимающую под дискурсом связную речь, сосредоточенную на интерактивном взаимодействии отправителя и получателя сообщения; б) когнитивно-ориентированную традицию дискурсивного анализа Т. ван Дейка и его последователей; в) германскую традицию, объединяющую немецкую и австрийскую школы дискурсивного анализа

Немецкая школа дискурсивного анализа, ведущими представителями которой являются У. Маас, Ю. Линк, З. Егер, развивалась на основе теории дискурса М. Фуко, представляющей собой теорию исторической реконструкции условий возможности знаний.

Несмотря на то, что немецкую и французскую школу анализа дискурса объединяет целеустановка на «социально-историческую ткань» (термин П. Серио [Серио, 2001, с. 558]), между ними существуют определенные отличия. Если в теории археологии знания, разработанной М. Фуко, лингвистический аспект имеет не первостепенное значение, то в работах немецких исследователей приоритет отдается именно языковой стороне в анализе дискурсивного единства. Например, У. Маас трактует дискурс как текст, являющийся выражением или частью социальной практики, которая детерминирует определенное количество возможных текстов, выражающих ту же самую практику [Maas, 1994, S. 22]. Таким образом, правила дискурса

характеризуют высказывания или тексты, которые возможны в одной социальной практике.

Дискурс рассматривается как институционально закрепленная манера говорить (слог), поскольку она детерминирует и закрепляет действия, а также осуществляет власть. «Дискурс содержит специальные области знаний, знания которых регулированы и институциолизированы, связаны с определенными действиями» [Link, 1983, S. 60]. Здесь дискурс выступает в роли регулирующей инстанции, которая формирует сознание. Связующим элементом в дискурсе являются так называемые коллективные символы, представляющие культурные стереотипы, которые коллективно используются [Drews, Gerhard, Link, 1985, S. 265]. Благодаря запасу коллективных символов, которые знают все члены общества, в распоряжении имеется репертуар образов, с помощью которых они составляют для себя целостную картину общественной действительности (например, политического ландшафта), истолковывают эту действительность или получают уже истолкованной через СМИ [Becker, Gerhard , Link, 1997].

Согласно концепции Ю. Линка, коллективные символы, как выражение коллективного бессознательного, конституируют связь между языковыми и неязыковыми феноменами дискурса. Например, если автор статьи или журналист определенным образом высказывается в отношении какой-либо общественно значимой темы, его формулировки соответствуют ожиданиям читателей этого издания, которые в свою очередь зависят от их читательского и другого опыта из социальной практики. Коллективный символ, с одной стороны, всегда включен в целостную систему, лежащую в основе коллективного бессознательного, т.е. связан с его образным содержанием, и находится во взаимосвязи с содержанием других таких образов. С другой стороны коллективный символ появляется в контексте высказывания, и вносит вклад в значение этого высказывания как продукт самовыражения в средствах массовой информации. Понимание коллективного символа зависит от множества возможных, системно

обусловленных приписываний смысла на основе ряда других символов. В то же время оно обусловлено тем, что подразумевает говорящий или составитель статьи с помощью высказывания, в котором коллективный символ выступает среди других языковых выражений, или что понимается реципиентом в качестве значения и тем самым реконструируется как целое.

В модели дискурса Ю. Линка медиа-дискурс (Mediendiskurs) как собственная интердискурсивная позиция противопоставлен специальным дискурсам и причисляется им к интердискурсу исходя из следующих предпосылок: 1) медиа-дискурс, как и специальные дискурсы, институциолизированны например, в редакциях газет или на телевидении; 2) медиа-дискурс является общественно доступным, т. е. в нем принципиально может принимать участие каждый, кто имеет желание, даже если существуют фактические ограничения «права говорить», например, представлять определенное мнение в определенном печатном издании.

Другим ведущим представителем немецкой школы анализа дискурса является Зигфрид Егер. Согласно взглядам З. Егера, дискурсы как «социальные потоки знаний сквозь время» [Jäger, 2001, S. 82], представляют собой достаточно сложное образование, вследствие чего закономерно возникает вопрос о том, каким образом дискурсы могут быть подвергнуты анализу. Для решения данной задачи З. Егер предлагает принципиально различать специальные дискурсы (дискурсы наук или науки) и интердискурс, причем все ненаучные дискурсы рассматриваются в качестве составных элементов интердискурса. В то же время элементы научных дискурсов постоянно вливаются в интердискурс.

По З. Егеру, дискурсы образовались и обособились как результаты исторических процессов, и, транспортируют гораздо больше знаний, чем владеют отдельные субъекты. Дискурс представляет представляет собственную действительность, которая по отношению к «действительной действительности» («*wirkliche Wirklichkeit*») имеет собственную материальность и «питается» из прошлых или настоящих (актуальных)

дискурсов [Jäger, 2001, S. 84]. Необходимо подчеркнуть, что данным положением западногерманский исследователь постулирует надындивидуальную сущность дискурса, но не отрицает субъект как таковой. М. Фуко предлагает «освобождение от конституирующего субъекта» [Foucault,1988]. З. Егер считает, что М. Фуко не отрицает субъект как таковой, а намерен осуществить исторический анализ, который может прояснить конституцию субъекта в исторической взаимосвязи, в социоисторическом контексте, т.е. в синхронной и диахронной перспективе. Такая концепция направлена не против субъекта, а против субъективизма и индивидуализма. В процессе деятельности индивидуум имеет проблему существования, т. е. ему необходимо найти свое место в обществе. Он делает это в рамках бурно растущей сети дискурсивных отношений и столкновений.

Данная позиция З. Егера указывает на то, как субъекты и предметы действительности связаны друг с другом. Субъект он определяет как связующее звено между дискурсом и действительностью [Jäger, 2001, S. 93]. Дискурсы детерминируют реальность естественно всегда через действующих субъектов в их общественных контекстах и через изменение действительности. Все, что является человеческим сознанием, является дискурсивным, то есть конституированным через знание [Jäger, 2001, S. 85].

Актуальность использования дискурс-анализа при изучении публицистических текстов продиктована, прежде всего, потребностью в постижении механизмов образования значений в подобных текстах, в выявлении их структуры, скрытых смыслов, приемов, используемых авторами для убеждения политической аудитории, т. е. в более глубоком качественном исследовании, нежели позволяет традиционный контент-анализ. Как указывает А.Ю. Шевченко, дискурс-анализ не просто направлен на изучение структуры текста. Он призван выявить выражаемые этими структурами «подстрочные» (подразумеваемые) значения, мнения и идеологию [Шевченко, 2002, с.20].

Как парадигма коммуникативных действий, в рамках которой возникают конкретные тексты, а также типы текста, дискурс определяет смысл, истинность, правильность или значимость форм и содержания речевых актов (высказываний). Тексты здесь не являются изолированными коммуникативными продуктами, которые представляют исключительно «целостности» (*Ganzheiten*), состоящие из предложений и / или высказываний, и тем самым следующие лишь интенциям коммуницирующих субъектов и правилам языковой системы. Более того, они являются реализациями в комплексных (сложных) процессах обмена текстов. В качестве феноменов между текстами и языковой системой дискурсы находятся в отношении взаимозависимости по отношению к реализованным в них текстам [Kuße, 2003, с. 67]. Связь между «значениями» текста и социально-историческими условиями создания этого текста ни в коей мере не является вторичной, она входит составной частью в сами значения [Арош, Анри, Пеше, 1999, с. 143].

На основе выше сказанного можно заключить, что публицистические тексты отражают социальные практики языковой общности на протяжении ее развития. Тем самым они транслируют социальные знания этой общности через язык текста, в котором содержится то множество значений, которое можно установить лишь в рамках дискурсивной парадигмы.

Итак, текст является фундаментальным понятием современной лингвистики и семиотики. Кроме коммуникативной функции, в нем реализуется смыслообразующая функция, когда сам текст становится своеобразным генератором смыслов. Исходно заложенный в тексте смысл подвергается в ходе культурного функционирования текста сложным переработкам и трансформациям, в результате чего происходит приращение смысла. Здесь подчеркнута, прежде всего, бинарность текста – с одной стороны, это смыслосодержательная структура, с другой – смыслообразующая.

В работе современного немецкого лингвиста З. Егера «Дискурс и знание» [Jäger, 2001] представлено, на наш взгляд, одно из наиболее содержательных пониманий феномена дискурса, которое, с одной стороны, сближает его с теорией археологии знания М. Фуко, а другой стороны, вводит понятие дискурса в соотношение с категорией «текст». З. Егер определяет дискурс как поток знаний или социальных запасов знаний сквозь время, определяющий индивидуальные и коллективные действия и образы, посредством чего он (т.е. дискурс) осуществляет воздействие. При этом знание он трактует как все виды содержания сознания / значений, с помощью которых люди истолковывают и формируют окружающую их действительность. Эти знания люди извлекают из соответствующих дискурсивных взаимосвязей, в которых они рождены и в рамках которых они находятся в течение их жизни [Jäger, 2001, S.82]. По З. Егеру, дискурс осуществляют власть (воздействие), поскольку они транспортируют знания, снабжающие коллективное и индивидуальное сознание. Такое знание является основой для индивидуальных и коллективных действий, а также для формирования действительности. Он пишет: «Мы, люди, существующие в данный момент, в прошлом, настоящем и заранее в будущем предписываем действительности значение. Тем самым мы создаем действительность. Не действительность отражается в сознании, а сознание ссылается к действительности, поскольку предоставляют знания для формирования действительности. Вся значимая действительность находится в нашем распоряжении, поскольку мы ее делаем значимой (bedeutend), или потому, что она получает или получила значение от наших предков, которое важно для нас. Действительность является значимой (bedeutungsvoll), она существует в той форме, в которой существует лишь потому, что ей приписывают значение люди, которые «вплетены» (*verstrickt*) в дискурсы и через эти дискурсы «конституированы» (*konstituiert sind*). Если это не происходит, то предметы изменяются, они меняют или утрачивают

свое значение. Но позднее его можно реконструировать как прошлое значение (*ehemalige Bedeutung*)» [Jäger, 2001, S.91-92].

В процессе декодирования текста мы имеем дело не с языком, как таковым, а со знанием, которое язык выражает и передает. З. Егер вводит понятие «ветвь дискурса» (*Diskursstrang*), состоящую из набора элементов, традиционно обозначаемых как тексты. Каждая ветвь дискурса имеет синхронное и диахронное измерение (*synchrone und diachrone Dimension*) [Jäger, 2001, S.94].

З. Егер предпочитает термин фрагмент дискурса термину текст, так как тексты могут касаться многих тем и, следовательно, содержать множество фрагментов дискурса. В качестве фрагмента дискурса выступает текст или часть текста, где обсуждается определенная тема. Текст может содержать и, как правило, содержит тематические связи с самыми различными ветвями дискурса. Таким образом, в одном тексте представлены различные фрагменты дискурса в «скрещенной форме». Такое скрещение ветвей дискурса возникает, когда текст рассматривает четко различные темы, а также одну тему, в которой проводятся связи с другими темами [Jäger, 2001, S.95].

Все события, по мнению З. Егера, имеют дискурсивные корни. Дискурсивные события могут создаваться через СМИ и влиять на направление и качество ветви дискурса, к которой они принадлежат. Обнаружение дискурсивных событий имеет важное значение для анализа ветвей дискурса, так как их изображение маркирует / очерчивает дискурсивный контекст, к которому относится актуальная ветвь дискурса. [Jäger, 2001, S.95-96]. Подчеркивая тот факт, что слово «событие» в нетерминологическом значении обычно определяют как «значительное явление, факт общественной или личной жизни», В.Я. Шабес считает возможным рассматривать «событие» как основную единицу фоновых знаний [Шабес, 1989, с.15].

Исходя из выше сказанного, нам представляется целесообразным рассматривать термин «событие» как значительное явление, факт общественной жизни ФРГ, очерчивающее социально-исторический контекст фрагмента дискурса. В качестве таких событий можно назвать, выборы канцлера ФРГ в сентябре 2013 года:

Am 22. September 2013 findet in Deutschland die Wahl zum 18. Deutschen Bundestag statt [Korte, 2013, S.13].

Дискурсивным событием, ставшим значимым для общественности ФРГ, явились также разоблачения, сделанные Эдвардом Сноуденом, бывшим сотрудником ЦРУ, которые летом 2013 года значительно осложнили взаимоотношения ФРГ и США:

Seit der geflohene amerikanische Geheimdienstmann Edward Snowden vor neun Wochen die ersten Einzelheiten über Washingtons beispiellose Datensammelwut in die Öffentlichkeit brachte, fehlt Angela Merkels Regierung das wichtigste Instrument in einer Krise: die Kontrollfähigkeit. Das Kanzleramt weiß nicht, was die Amerikaner wissen. Es weiß nicht, was Snowden weiß, es kann nicht einschätzen, was noch kommen wird. Es weiß nicht genau, was die eigenen Leute wissen und ob sie das Gleiche wissen wie die Amerikaner [Gude, Hammerstein, Müller, Schindler, 2013, S.20].

Дискурсивное событие детерминирует пропозициональное содержание, которое выступает в качестве одной из форм фоновых знаний. Так, анализ синхронного отрезка через ветвь дискурса может помочь найти свою историческую связь таким образом, что этот синхронный отрезок можно связать с каким-то видом хроники дискурса.

Дискурсы детерминируют реальность через действующих субъектов в их общественных контекстах. В то же время З. Егер подчеркивает, что дискурс представляет собственную действительность, которая по отношению к «действительной действительности» не является искажением, а имеет собственную материальность и питается от прошлых и других актуальных дискурсов.

Итак, можно заключить, что в концепции З. Егера представлена материальная трактовка дискурса, характеризующая его как общественный продукт. Связь между значениями, зафиксированными в тексте и социально -историческими условиями создания этого текста ни в коей мере не является вторичной, она входит составной частью в сами значения. Как отмечает В. А. Колеватов, социальная информация, представляющая собой отображение различных фрагментов объективной и субъективной реальности, существует в обществе в двух основных видах. Определенная часть социальной информации передается от поколения к поколению внутри коллектива через орудия, средства, и продукты труда в виде навыков, традиций, ритуалов и т. д., и соответственно часто не осознается индивидом в адекватной форме, но в то же время детерминирует его мировоззрение и деятельность. Другая часть такой информации зафиксирована с помощью знаковых систем (модельно–изобразительных и вербально-дискурсивных), сформировавшихся в процессе развития общества и функционирующих в качестве средств коммуникации. Порождение, передача, хранение и целенаправленное использование такой информации предполагает осознание ее содержания, и пронизывают все социальные отношения и структуры. Эта часть информации непрерывно возрастает в ходе исторического процесса и оказывает все большее воздействие на все стороны жизнедеятельности общества [Колеватов, 1984, с. 22-23].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что дискурс, отражая исторический контекст социальной практики той или иной языковой общности, с одной стороны транслирует экстралингвистические или фоновые знания (социальная информация), а с другой стороны знания языковые, которые зафиксированы в знаковой системе языка, его «внутренней форме». Дискурс обладает надындивидуальной сущностью, поскольку создается не одним человеком или группой, а социумом.

В этой связи соглашаясь с точкой зрения З. Я. Тураевой, согласно которой текст выступает как особая форма материализации знаний, можно

заключить, что публицистический текст как фрагмент дискурса транслирует как языковые так и социальные знания о мире для определенной языковой общности, и в то же время отраженные в нем социальные практики данной общности в значительной степени предопределяют релевантность определенный интенциональных состояний, свойственных носителям данного языка.

Дискурсы формируются как результаты социальных практик в рамках исторического процесса и транспортируют гораздо больше знаний, чем владеют отдельные субъекты. Дискурсы транспортируют знания, которые снабжают как индивидуальное, так и коллективное сознание. Такое знание является основой для индивидуальных и коллективных действий, а также для формирования значимой действительности. Действительность имеет бесконечное множество значений, и она существует в такой форме, поскольку носители языка и определенной культуры как часть социально-исторического дискурса придают или приписывают ей эти значения, которые они в свою очередь получили от своих предков.

1.9. Сверхфразовое единство и интенциональное состояние

Понятие «интенциональное состояние» проникло в лингвистику благодаря лингвофилософским трудам Дж. Серля, который связал интенциональные состояния с речевыми актами. Исследуя природу взаимосвязи сознания и интенциональности, с одной стороны, и способностей, возможностей, позволяющих функционировать этим ментальным состояниям, с другой, Дж. Серль выдвигает положение о невозможности автономного функционирования отдельно взятого интенционального состояния вне сети других интенциональных состояний [Серл, 2002, с. 167]. Возникновение и огромное влияние данной теории на формирование целых отдельных направлений в современной лингвистике (например, прагматики) было обусловлено тем, что, начиная со второй половины 60-х годов 20 века, фокус исследовательских интересов лингвистов сместился на другую сторону диалектического единства «язык – языковая

система». Именно на речевую деятельность и дискурс, который в свою очередь представляет продукт этой деятельности в форме связного текста. Благодаря совместным усилиям философов, логиков, лингвистов и психологов данная теория получила дальнейшее развитие. В настоящее время ученые рассматривают понятие «теория речевых актов» в широком смысле слова, как совокупность идей, направленных на изучение речевой деятельности, а также в узком смысле, как название одной конкретной логико-философской теории речевых актов, которая оказала огромное влияние на формирование прагматики в качестве особой области лингвистических исследований.

Дж. Остин не дает точного определения речевому акту, но главным достижением его теории является положение, согласно которому человек с помощью говорения может осуществлять действия. Поэтому вполне закономерно последователь теории Дж. Остина, Дж. Серль считает основной единицей языкового сообщения не символ, не слово, не предложение и даже не конкретный экземпляр символа, слова или предложения, а производство этого конкретного экземпляра в ходе совершения речевого акта [Серль, 1999, с. 211]. Разработанная Дж. Остином градация позволяет рассматривать речевой акт как своеобразное трехуровневое образование. Здесь предусмотрено условное разграничение речевого акта на локутивный акт (высказывание, включая элементы смысла и референции, соотносится с действительностью), иллокутивный акт (высказывание получает определенную иллокутивную функцию, указывающую на коммуникативную интенцию говорящего), и перлокутивный акт (высказывание, обладающее иллокутивной силой, вызывает определенные изменения в сознании или поведении адресата) [Остин, 1999, с. 84]. Несмотря на ярко выраженную, четкую дифференциацию речевого акта, все эти три уровня объединяет то, что на каждом из них Дж. Остин исследует действие, которое говорящий совершает в речевом акте. Дж. Остин не дает точного определения понятию «речевой акт», но его ученик Дж. Серл идет дальше и указывает на то, что

производство конкретного предложения в определенных условиях представляет собой иллокутивный акт, а иллокутивный акт и есть минимальная единица языкового общения [Серль, 1999, с. 210-211].

Перлокутивный акт находится вне границ речевого акта как такового, вследствие чего теория речевых актов сосредоточена, прежде всего, на исследовании иллокутивных сил высказывания, являющихся лингвистическим коррелятом иллокутивных актов и указывающих на интенцию говорящего при произнесении высказывания.

В связи с этим большой заслугой представителей данной теории является разработанная ими классификация типов иллокутивных актов, рассматривающая пять базовых типов речевых актов [Серль, 1999, с. 229], которая свидетельствует о том, что благодаря иллокутивной силе, высказывание может принадлежать к определенному типу. В результате этого понятия «иллокутивный акт» и «речевой акт» часто выступают в качестве синонимов.

Теория речевых актов имеет ряд недостатков, которые в свою очередь создают предпосылки для ее критики. Она, например, не предусматривает, какую бы то ни было системную организацию перлокутивного акта, который не находится в необходимой связи с содержанием высказывания. Речь здесь идет не об акте, а скорее об эффекте [Meibauer, 1999, S. 86]. В силу статической точки зрения на свой объект теория речевых актов не дает ответа на многие важные вопросы, касающиеся речевого поведения человека, принадлежащего к определенному социуму [Кобозева, 1986, с. 21].

Теория речевых актов не обосновывает то, в каком отношении речевой акт находится к предшествующему высказыванию и как изменяет контекст последующего [Франк, 1999, с. 258], здесь возникает проблема сегментации потока речи на единицы, соответствующие речевым актам. Согласно теории речевых актов, всякое высказывание необходимо соотносить с одним и только одним типом речевого акта, в то время как с помощью одного и того же высказывания говорящие часто совершают множество действий

одновременно. Зачастую более релевантные речевые акты осуществляются с помощью нескольких предложений или посредством отдельных членов предложения [Франк, 1999, с. 254-255].

Теория речевых актов уделяет недостаточное внимание социальным свойствам субъекта речевой деятельности, который рассматривается в качестве абстрактного индивида, являющегося носителем ряда характеристик, психологических (намерение, знание, мнение, эмоциональное состояние, воля) и социальных (статус по отношению к слушающему, функция в рамках определенного социального института). По своему методологическому статусу теория речевых актов в качестве узкоспециальной лингвистической теории не может претендовать на выдвижение общей теории о природе языка, в отличие от деятельностных концепций гумбольдтианской ориентации [Кобозева, 1986, с. 10].

Одним из недостатков теории речевых актов В. А. Звегинцев считает то, что на место мышления она поставила логику, а попытка логического представления естественного языка не может претендовать на адекватность. Речь является категорией, основное назначение которой заключается в обеспечении вечного движения мысли и языка, которое не совместимо с константностью формальных постулатов [Звегинцев, 1996, с. 65-66].

Понятия «речевой акт» и «высказывание» нередко отождествляются, поскольку традиционно они трактуются как основные и минимальные единицы вербальной коммуникативной деятельности. Изучая эту проблему, В. Г. Колшанский пишет: «В связи с тем, что коммуникация осуществляется минимум на уровне высказывания, которое способно выражать некоторое утверждение относительно чего-то, высказывание становится во главу угла исследования языка. Можно предполагать, за отсутствием каких-либо экспериментальных данных, что, по меньшей мере, смысл высказывания образуется, исходя из некоторой интенции говорящего, т.е. из некоторой глобальной установки на смысл, будущего высказывания» [Колшанский, 1979, с. 51]. Некоторые исследователи считают, что данные понятия не

следует отождествлять, поскольку при осуществлении определенных речевых актов требуется иногда несколько высказываний, т.е. «речевой акт выполняется на совокупности высказываний» [Ревзина, 1999, с. 28].

Речевой акт определяется как целенаправленное речевое действие, совершаемое в соответствии с принципами и правилами речевого поведения, принятыми в данном обществе [Языкознание, 1998, с. 412]. Последовательность речевых актов создает дискурс. В качестве основных черт речевого акта Н.Д. Арутюнова рассматривает интенциональность и конвенциональность. Следуя Дж. Серлю, Ю. Хабермас определяет речевой акт как единицу лингвистической коммуникации в смысле реализации предложения в высказывании [Habermas, 1984, с. 317]. Высказывание, содержащее коммуникативное задание или целеустановку, В.А. Звегинцев определяет как речевой акт, строящийся по модели предложения [Звегинцев, 1996, с. 99].

С точки зрения теории речевых актов, речевой акт рассматривается как реализация предложения в рамках конкретной прагматической ситуации общения. Согласование речевого акта с интенциональными состояниями признается обществом обязательным для речевых действий [Языкознание, 1998, с. 413].

Теория речевых актов занимается в основном изучением иллокутивных сил высказывания, которые являются лингвистическим коррелятом интенции, но в рамках этой теории интенции коммуникативной – т.е. соотносимой с понятием намерения. Она не учитывает аспектов необходимого взаимодействия (т.е. рассматривается коммуникативная интенция в узком смысле слова, не как отражение всего многообразия интенциональных состояний, а как коммуникативное намерение отдельно взятого высказывания). Как справедливо подчеркивает М. Пешё, «процесс высказывания не развивается по линии намерения, «замкнутого на своем собственном желании, как это утверждалось бы в прагматике или в персоналистском толковании высказывания, он насквозь пронизан угрозой

смещения смысла. Семантическая единица не может образовываться как постоянная и однородная проекция «коммуникативного намерения», она образуется скорее как некий узел в конфликтном пространстве, как некоторая, всегда неокончательная стабилизация в игре разнообразных сил» [Пешё, 1999, с. 29-30].

При определении единицы анализа в публицистическом тексте как фрагменте дискурса логично и целесообразно взять за основу понятие сверхфразового единства как совокупности высказываний, состоящих из цепочки взаимосвязанных предложений, объединенных вокруг одной темы [Москальская, 1981, с. 16-19]. В лингвистике сверхфразовое единство определяется как сложное синтаксическое целое, микротекст, отрезок речи в форме последовательности двух и более самостоятельных предложений, объединенных общностью темы. При этом сверхфразовое единство может совпадать с абзацем, а также быть меньше или больше него [Языкознание, 1998, с. 435]. Н.А. Левковская считает, что не следует смешивать такие понятия как сверхфразовое единство и абзац. Сверхфразовое единство является, прежде всего, единицей объективного членения, в основе которого заложена прагматическая установка текста. В первую очередь оно характеризуется смысловой завершенностью, которая играет в сверхфразовом единстве первостепенную роль. Абзац не всегда представляет собой логическое единство, т.е. не всегда характеризуется смысловой завершенностью. Он вычленяется в тексте самим автором в зависимости от его прагматической установки [Левковская, 1980, с. 75]. Данная точка зрения коррелирует со взглядами В. фон Гумбольдта и Л. Вайсгербера, согласно которым язык формирует мышление. Сверхфразовое единство является, прежде всего, логическим, а соответственно, и семантическим единством, создается в основном интуитивно и эксплицитно автором не вычленяется. При исследовании речевых актов в рамках дискурсивной парадигмы необходимо ориентироваться не на логические постулаты, а на этническую

специфику, восходящую к гумбольдтианской традиции, побуждающей исследовать важные аспекты социального взаимодействия.

Сверхфразовое единство представляет собой интенциональный акт, включающий отдельные высказывания (речевые акты в форме предложения), не имеющие самостоятельной темы, а служащие для выражения одной темы сверхфразового единства и взаимно дополняющие друг друга при ее раскрытии. Соответственно интенция, на формирование которой оказывают влияние разноуровневые средства, будет рассматриваться как интенция придания значения (*Bedeutungsintention*), которая формируется только в дискурсе и не тождественна исключительно коммуникативному намерению отдельно взятого высказывания как речевого акта, а является отражением сети интенциональных состояний и их взаимосвязей.

ГЛАВА II. ИНТЕНЦИОНАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ КАК ФРАГМЕНТЕ МЕДИА-ДИСКУРСА

2.1. Интенциональные глаголы как естественно-языковые средства

Интенциональные состояния, характеризующие деятельность человека, отражают в языке его взаимодействие с объективной действительностью, и осмысляются носителями этого языка, прежде всего, в интенциональных терминах. В силу онтологической сущности денотатов таких слов исключена возможность объективного наблюдения обозначаемых ими соответствующих интенциональных состояний как феноменов сознания, а также их анализа естественнонаучными методами. Возникает необходимость оперировать косвенными данными, в качестве которых выступают естественно-языковые средства, отражающие соответствующие явления внутреннего мира, и в значениях которых зафиксированы существенные интенциональные состояния для деятельности индивида как результаты опыта интроспекции предшествующих поколений. Такое видение проблемы опирается, прежде всего, на философско-антропологические идеи известного немецкого языковеда и философа Вильгельма фон Гумбольдта, отвергавшего идею независимости представлений человека о мире от его языка.

Каждый язык обладает специфической для него внутренней формой, проявляющейся как в членении мира в области лексики границами значений слов, составляющих словарь этого языка, так и в системе его грамматических категорий. В. фон Гумбольдт видел результат эволюции языка в его внутренней форме, и интерпретировал её как мировидение, заключенное в языке: «Всякий язык в любом из своих состояний образует целое некоего мировидения, содержа в себе выражение всех представлений, которые нация составляет себе о мире, и для всех ощущений, которые мир вызывает в ней» [Гумбольдт, 1984, с. 64]. Тем самым ученый приписывает языку особую

созидающую силу в формировании уникального для каждого языка мира языковых значений.

В качестве основного естественно-языкового средства обозначения интенциональных состояний ряд исследователей выделяют так называемые предикаты пропозициональных установок или ментальные глаголы [Арутюнова, 1989], интенциональные глаголы или глаголы интенционального воздействия [Харитонова, Гавриш, 1991], эпистемические глаголы [Шатуновский, 1988], интенциональные предикаты [Beckermann, 2001]. Среди таких глаголов, в первую очередь, можно выделить так называемые глаголы полагания, которые вводят пропозицию, выражающую некоторое ментальное содержание индивидуального сознания. Особенность этих эталонных глаголов пропозициональной установки заключается в том, что они не могут быть употреблены вне соединения с пропозицией, образуя тем самым, как подчеркивает Н.Д. Арутюнова, своего рода «интенциональную оболочку пропозиции, синкатегорематическое слово, локализующее суждение в ментальной сфере его «носителя» [Арутюнова, 1989, С. 9]. Данное явление указывает на необходимый характер связи интенционального состояния, выраженного ментальным глаголом, и интенционального объекта, отраженного в пропозиции. Поэтому такие глаголы, прежде всего, указывают на прочную связь с субъектом:

«Sie sagen es, Pater» Dr. Oppermann suchte nach dem Korkenzieher. «Er spielte seine Kaffernplatte wieder ab». «Es ist furchtbar! Aber ***glauben*** *Sie bitte nicht, das sei typisch für Südwest! Es gibt diese Prusiusse – natürlich, es gibt sie überall, in jedem Land. Und weil sie alles übertönen, hört man sie auch vor den anderen. Aber das ist nicht Südwest! Wir leben hier ein hartes Leben, bei dem jeder auf den anderen angewiesen ist. Der beste Anzug bekommt einmal Flecken. Prusius ist solch ein Fleck!»* [Konsalik, 1991, S. 32].

И.Б. Шатуновский называет эти глаголы эпистемическими (знать, думать / считать / полагать, верить и т. д.) и отмечает, что они описывают одну и ту же ситуацию – наличие в уме субъекта (С) пропозиции (р) вместе с

предикатом «есть (в действительности)» (= «имеет место» = «истинно»). Схематически эту ситуацию можно представить так: у С есть (в уме) [р есть (в действительности)] = С имеет (в уме) [р истинно]» = …. [имеет место р]. Основные эпистемические глаголы различаются тем, какой компонент указанной схемы они выводят в вершину лексического значения, и, соответственно, в коммуникативный фокус предложения: в предложениях с *знать* в коммуникативном фокусе – «иметь (в уме)»; в предложениях с *думать* / *считать* / *полагать* (а также *предполагать*, *представлять*, *подозревать*, *воображать*) – р (содержание р); в предложениях с *верить* в коммуникативном фокусе – компонент «есть (в действительности) [Шатуновский, 1988, С. 18].

«*Ich* ***denke*** *nicht ans Sterben, ich* ***denke*** *nur ans Überleben, Herr Hauptmann», sagte Hellmuth. Und plötzlich brach es aus ihm heraus: «Und wohin soll ich denn sonst?! Man braucht doch einen, an den man* ***denken*** *kann. Der auf einen wartet, wenn man jemals aus dieser Scheiße herauskommen sollte!*» [Konsalik, 1991, S. 24].

Если в первом случае глагол ***denken*** имеет значение «думать, мыслить», то во втором «верить, думать, собираться, намереваться», а в третьем «думать, вспоминать».

Синтаксические конструкции с глаголами мнения используются для указания (но не описания) эвиденциальной ситуации (совокупность фактов, подтверждающих высказывание):

58 Prozent der deutschen Unternehmer ***meinen****, sie tragen eine größere Verantwortung fürs Gemeinwohl als andere Gruppen der Gesellschaft* [Kühkhorn, 2002, S.30].

Отличие данных глаголов ***meinen*** и ***glauben*** состоит в том, что глагол ***glauben*** содержит категориальную сему «верить», т.е. «думать в значении верить», значение близкое к «быть убежденным», а глагол ***meinen***, напротив, обозначает мнение как таковое. Сравним примеры:

Die Europäer ***meinen****, dass die Vereinigten Staaten – und nur die Vereinigten Staaten – hierbei die Führungsrolle übernehmen können und sollten. Und deshalb erwartet Europa, anstatt eine eigene Führungsrolle anzustreben, eine eindeutige Demonstration der amerikanischen Bereitschaft, sich dieser Aufgabe voll und ganz, ohne Wenn und Aber, zu stellen* [Ischinger, 2005, S. 33].

Europäer ***glauben****, dass die Natur und die Geschichte dieses Konflikts es als unwahrscheinlich erscheinen lasse, die beteiligten Parteien könnten sich ohne Hilfe von außen auf eine dauerhafte Friedenslösung einigen* [Ischinger, 2005, S. 33].

Имплицитные средства выражения модальности мнения также являются наиболее продуктивными в современных публицистических текстах: скрывая собственно мнение автора и выдавая его за истину, они эффективно воздействуют на сознание читателя. Так, например, в своей статье о спортивной обуви «Adidas», журналист Мартин Орт обращается к важному дискурсивному событию – победе сборной Греции под руководством Отто Рехагеля, тренера из Германии, в чемпионате мира по футболу в 2004 году. С помощью набора пропозиций автор указывает на то, что благодаря Отто Рехагелю, футболисты сборной Греции были обеспечены бутсами фирмы Adidas, в то время как сборная Португалии, проигравшая команде О. Рехагеля в финальном матче, отдала предпочтение фирме Nike:

*So traf Herbert Hainer acht Wochen vor der Fussball-Europameisterschaft 2004 in Portugal auf einem Flug Otto Rehhagel, den deutschen Trainer des vermeintlichen Fussball-Zwergs Griechenland. Ein Wort unter Freunden ergab das andere. Gesagt, getan. Adidas rüstete Griechenland aus. Griechenland gewann überraschend die Fussball-Europameis*terschaft – mit einem 1:0 Sieg im Finale gegen Portugal. *Die Velierer trugen Nike*» [Orth, 2004, S. 15].

Автор статьи в имплицитной форме вносит свой посильный вклад в рекламу Adidas, намеренно избегает такого стилистического приема, как сравнение: в противном случае такая реклама является недопустимой в силу того, что один продукт, в данном случае обувь Nike, будет представлен в

невыгодном свете по сравнению с другим – бутсами Adidas. Анализ данного примера свидетельствует о том, что эффективность выражения мнения в имплицитной форме заключается в элиминировании эпистемического ручательства, т.е. ответственности за сказанное: мнение автора уже на ментальном уровне становится мнением адресата. Модальность мнения автора носит интенциональный характер: автор ставит определенную коммуникативную задачу, которая формируется собственно до процесса порождения речи, и которая может быть решена с помощью определенных языковых средств.

Интенциональность речевой деятельности журналиста представляется важной категорией, которая формирует смысловую структуру текста, определяющую своеобразие поверхностно-речевой ткани. Интенциональность в масс-медиа включает две стороны – интенциональность, детерминируемую традицией употребления в той или иной профессиональной сфере общения, и интенциональность, определяемую самим творцом [Дускаева, 2012, с. 10]. Другой исследователь, Т.А. Ленкова, также указывает на важную роль автора как стилеобразующей категории: «Автор – важнейшая стилеобразующая категория текста. Несомненно, что репортер, принимаясь за создание какой-либо статьи, разрабатывая тему, выполняет социальный заказ, то есть действует как человек социальный. Но репортер остается еще и человеком частным, живым человеком, а не роботом, и творит он для живых людей, а это неизбежно влечет за собой субъективные оценки, эмоции, которые не могут не проявиться в речи автора. Статья – это и есть, по сути, речь одного человека, который на протяжении всего материала искусно занимается сокрытием, маскировкой собственного «я» [Ленкова, 2011, с. 62-63].

Итак, ведущая роль в обозначении интенциональных состояний в современном немецком языке принадлежит интенциональным глаголам в связи с тем, что исходным пунктом моделирования пропозитивной семантики любого предложения является определение семантики

вершинного глагола, от которого, в конечном счете, зависит поверхностно-синтаксическое оформление предложения. При заполнении зависимых позиций они могут иметь в роли дополнения только пропозиции и имена пропозитивного значения, а в качестве своего субъекта – имена со значением живых существ [Харитонова, Гавриш 1991, с. 29-31]. Интенциональные состояния имеют семантическое содержание лишь потому, что мы их приписываем с помощью интенциональных предикатов [Beckermann, 2001, S. 113]. Языковая форма, выражающая определенные ментальные состояния, включает в себя предикат, обозначающий определенный вид состояний сознания, первый актант которого указывает на субъект сознания, а второй отражает содержание этих действий или состояний (пропозициональное содержание).

Понятие актанта связано с возникновением и развитием теории валентности глагола в современной германистике. В энциклопедическом словаре «Языкознание» валентность (от лат. *valentia* – сила) трактуется как способность слова вступать в синтаксические связи с другими элементами. Впервые в лингвистику это понятие ввел С. Д. Кацнельсон, а затем благодаря Л. Теньеру разработка этого понятия получила свое распространение в западноевропейском языкознании, при этом он относил этот термин только к глаголу и определял валентность как число актантов, которые может присоединять глагол [Языкознание, 1998, с. 79].

Понятие валентности является в лингвистике сравнительно новым, и получило свое распространение лишь в 50-х годах прошлого столетия. Необходимо подчеркнуть, что возникновение понятия «валентность» восходит еще к исследованиям К. Бюлера, воззрения которого в значительной степени предопределили важные этапы в развитии общей теории валентности. К. Бюлер указывал на тот факт, что слова определенного класса слов могут иметь в своем окружении одну или несколько открытых позиций, которые должны быть заполнены словами других определенных классов [Бюлер, 2001]. Как отмечают М. Д. Степанова и Г. Хельбиг, эти

взгляды К. Бюлера в то время не получили дальнейшего систематического развития [Степанова, Хельбиг, 1978, с.141].

В 50-х годах 20 века, под влиянием грамматики зависимостей Л. Теньера, понятие валентности получило свое более широкое, научное распространение. В рамках своей грамматики зависимостей Л. Теньер придерживался вербоцентрической концепции, и тем самым при структурном анализе предложений исходил из того, что глагол составляет основу предложения, определяет его структуру. От глагола зависит число так называемых «актантов». Такую способность глаголов принимать и удерживать при себе определенное количество актантов Л. Теньер сравнивал с известным свойством атома образовывать химические связи с другими атомами в одной молекуле.

Термин «актант» имеет следующее толкование: Актант (от лат. ago – привожу в движение, действую) – 1) любой член предложения, обозначающий лицо предмет, участвующий в процессе, обозначенном глаголом. Л. Теньер, введший это понятие, противопоставлял актант (существа и предметы, участвующие в той или иной мере в процессе) сирконстантам, указывающим на время, место, образ действия и другие обстоятельства процесса [Языкознание, 1998, с.22].

В Немецко-русском и русско-немецком словарях лингвистических терминов А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского имеется следующее определение термина «актант», а также другие потенциальные обозначения данного термина на немецком языке: *Актант Actant* фр. [ak´tã] der /– s, – s /; **Aktant* der / –en, –en / – (заполнитель валентности предиката; по Л. Теньеру к актантам относятся живые существа или предметы, вовлеченные в ситуацию, описываемую глаголом); *Ergänzungsbestimmung* die / –, – en /; *Mitspieler* der / –s, – / (заполнитель валентности предиката, участник типизированной ситуации); *Valenzpartner* der / –s, – / (например, о существительных, заполняющих валентность предиката) [Баранов, Добровольский, 1993, с.336].

Расширение понятия валентности привело к тому, что в 60 – е годы в отношении толкования данного понятия развернулись широкие дискуссии. Данное обстоятельство было в определенное степени обусловлено тем фактом, что Л. Теньер оставил многие вопросы нерешенными и что недостатки в его толковании валентности в начале были перенесены в работы его последователей [Степанова, Хельбиг, 1978, с.144-146].

Задачи нашего исследования не предполагают подробнейший обзор данных причин и более детальное рассмотрение различных точек зрения, касающихся теории валентности. Следует лишь особо отметить, что в конце 60-х начале 70-х годов немецким исследователям удалось разрешить некоторые невыясненные теоретические вопросы и разработать более точные критерии для дифференциации некоторых понятий в рамках теории валентности. В результате их исследований была разработана модель валентности, которая, в частности, нашла отражение в «Словаре валентности и дистрибуции немецких глаголов» [Helbig , Schenkel, 1978].

Под валентностью понимается способность глагола (или соответственно: другой части речи) создавать вокруг себя определенные открытые позиции, которые должны быть заполнены облигаторными или факультативными актантами. Таким образом, как подчеркивают М.Д. Степанова и Г. Хельбиг, «валентность, сознательно рассматриваемая в широком – семантическом и синтаксическом – смысле, представляет собой как семантическое, так и синтаксическое выявление открытых позиций, а также их синтаксическое заполнение [Степанова, Хельбиг, 1978, с. 147].

Валентность интенциональных глаголов играет важную роль при экспликации определенного пропозиционального содержания и способствует реконструкции деятельности пропозиционального сознания. В качестве актантов выступают существительные в именительном (*Nominativ*), дательном (*Dativ*), винительном (*Akkusativ*) падежах и их эквивалентах. Г. Хельбиг и Х. Бринкманн четко разграничивают облигаторные, т.е. обязательные и факультативные актанты. Для определения облигаторного

или факультативного статуса того или иного актанта у глагола в предложении Х. Бринкманн использует так называемый тест на опущение (*Eliminierungstest, Weglaßprobe*) [Баранов, Добровольский, 1993, с. 72]. Если после осуществления элиминации, т.е. исключения или удаления какого-либо члена предложения, предложение является грамматически правильным, то данный актант является факультативным для анализируемого глагола. В случае если предложение не является корректным, т.е. верным с грамматической точки зрения, то данный член предложения определяется как актант облигаторный, т.е. обязательный, необходимый с позиций полноценной структуры предложения. Данные теоретические положения можно проиллюстрировать на следующем примере.

Важным дискурсивным событием 19 апреля 2005 года в ФРГ стало избрание канклавом кардиналов нового Папы Римского – епископа Римско-католической церкви Бенедикта XVI (в миру Йозефа Алоиза Ратцингера). Он стал первым Папой немецкого происхождения за последнюю почти тысячу лет. На страницах журнала «Deutschland» действующий на тот момент президент бундестага Вольфганг Тирзе выразил надежду на то, что Бенедикт XVI сохранит преемственность католической церкви в межконфессиональном диалоге, развитию которого прежний понтифик Иоанн Павел II. отдал много сил:

Kontinuität ***erhoffe*** *ich von Benedikt XVI. Im Engagement für den Frieden im interkonfessionellen und interreligiösen Dialog, dem Johannes Pauls II. viel Kraft gewidmet hat. Die religiöse, aber auch politische Welt braucht diesen Dialog der Religionen und Kulturen* [Thierse, 2005, S.4].

В первом предложении, содержащем глагол ***erhoffen***, автором используется инверсия, благодаря чему в позиции ремы находится пропозициональное содержание, на которое направленно интенциональное состояние надежды. Пропозициональное содержание (***Kontinuität*** – *преемственность*) представляет информацию, которая в данном фрагменте является новой, а значит наиболее важной, т.е. актуальной. Проанализируем

различные структурные варианты предложения *Kontinuität* ***erhoffe*** *ich von Benedikt XVI*:

1. *Kontinuität* ***erhoff****e … von Benedikt XVI.*
2. *…* ***erhoffe*** *ich … von Benedikt XVI.*
3. *Kontinuität* ***erhoffe*** *ich …*

Проведенный тест на опущение показывает, что первые два предложения являются грамматически неправильными. Третье предложение может быть вполне корректным, поскольку глагол ***erhoffen*** имеет два облигаторных актанта: личное местоимение ***ich***, которое указывает на носителя интенционального состояния надежды, и дополнение, выраженное существительным ***Kontinuität*** в винительном падеже. Данное существительное обозначает предмет, на который направлено данное интенциональное состояние и который выступает здесь в качестве интенционального объекта. Имя собственное ***Benedikt XVI.***, как потенциальное существительное ***der Papst*** в дательном падеже выступает в качестве факультативного актанта. Проанализированный пример свидетельствует о том, что подобные глаголы, как правило, указывают на носителя соответствующего интенционального состояния, и открывают определенные позиции для экспликации пропозиционального содержания, которое указывает на релевантное дискурсивное событие. В следующем примере речь идет о современном имидже бундесвера – вооруженных сил ФРГ:

Ehemalige Bundeswehrsoldaten ***erinnern sich*** *an eine Wehrdienstzeit, in der Krieg nur als Auseinandersetzung mit dem Warschauer Pakt erwartet wurde und der Horizont an der Elbe endete. Zwar stehen deutsche Soldaten seit mehr als zehn Jahren im Auslandseinsatz. Mittlerweile wird die öffentliche Wahrnehmung der Soldaten jedoch von dem geprägt, was Berufsoffiziere bisweilen abschätzig als „bewaffnetes Technisches Hilfswerk“ einordnen: Frieden sichern auf dem Balkan oder Afghanistan – auch wenn dort immer die Gefahr von Anschlägen oder Raketenangriffen droht* [Staak, 2005, S. 6-7].

Интенциональный глагол ***sich erinnern*** выражает следующие сигнификативные значения [Duden Deutsches Universalwörterbuch, 1989, S. 451]:

1) *im Gedächtnis bewahrt haben und sich deshalb wieder bewusst werden*; 2) *die Erinnerung an jmdn., etw. bei jmdm. wachrufen; wieder ins Bewusstsein rufen*; 3) *veranlassen an etw. zu denken, jmdn. etw. nicht zu vergessen.*

Содержащиеся в словаре по валентности и дистрибуции немецких глаголов Г. Хельбига и В. Шенкеля данные свидетельствуют о том, интенциональный глагол ***sich erinnern*** требует как минимум один или два облигаторных актанта [Helbig, Schenkel; 1978, S. 185]. В качестве единственного в своем роде облигаторного актанта выступает субъект действия как носитель данного интенционального состояния, выполняющий функцию подлежащего в предложении и который может быть выражен соответственно существительным, личным местоимением или именем собственным. В представленном фрагменте подлежащее *ehemalige Bundeswehrsoldaten* включает существительное в именительном падеже, обозначающее носителя интенционального состояния воспоминания. Положение, согласно которому данный глагол имеет, как минимум, один вышеназванный облигаторный актант является истинным, если в фокусе исследования находится только одно предложение. В этом случае основная коммуникативная функция такого предложения будет заключаться в констатации наличия соответствующего интенционального состояния, т.е. предложение *Ehemalige Bundeswehrsoldaten* ***erinnern sich*** являлось бы грамматически правильным.

Следует подчеркнуть, что важной заслугой германских исследователей является разработка трехступенчатой модели анализа валентности немецких глаголов, которая включает этапы количественного, качественного и семантического анализа, и системно используется при интерпретации глаголов в Словаре валентности и дистрибуции немецких глаголов Г. Хельбига и В. Шенкеля [Helbig, Schenkel, 1978]:

1. Количественный анализ (*quantitative Analyse*): На этапе количественного анализа следует определить количество актантов, необходимых для построения грамматически правильного предложения.

2. Качественный анализ (*qualitative Analyse*): На этапе качественного анализа определяется грамматическое окружение (дистрибуция) глагола.

3. Семантический анализ (*semantische Analyse*): На этапе семантического анализа исследователь устанавливает, какой семантикой обладают актанты.

Благодаря разработанной трехступенчатой модели анализа валентности немецких глаголов, валентность, сознательно рассматриваемая в широком – семантическом и синтаксическом – смысле, представляет собой как семантическое, так и синтаксическое выявление открытых позиций, а также охватывает их синтаксическое заполнение [Степанова, Хельбиг, 1978, с. 147].

В последнем примере, рассматриваемом нами, этапы количественного анализа валентности глагола ***sich erinnern*** отражает следующая схема:

sich erinnern 1 (+1) → Sn = *Ehemalige Bundeswehrsoldaten*

В качестве облигаторного актанта выступает также дополнение, обусловленное управлением глагола и указывающее на пропозициональное содержание: *an eine Wehrdienstzeit, in der Krieg nur als Auseinandersetzung mit dem Warschauer Pakt erwartet wurde und der Horizont an der Elbe endete.* Это пропозициональное содержание детерминируется таким важным дискурсивным событием XX столетия, как «холодная война», которое маркируется лексемами *Warschauer Pakt, Krieg* и *die Elbe.* Содержание последующих предложений в рамках данного сверхфразового единства включает информацию о том, что в XXI веке бундесвер выполняет в основном миротворческие миссии, например, способствует сохранению мира в других странах: *Frieden sichern auf dem Balkan oder Afghanistan.* Фрагмент данного публицистического текста выражает следующее актуальное значение: вооруженные силы ФРГ, государства, входящего в

Североатлантический блок НАТО, в настоящее время не являются агрессором капиталистического мира, а выступают в роли миротворца – германские военнослужащие стали привлекаться к участию в миротворческих операциях за рубежом.

Наличие данного пропозиционального содержания, выступающего в качестве интенционального объекта, на который направленно интенциональное состояние «вспоминать», обусловлено следующими компонентами необходимого грамматического окружения (дистрибуции) глагола ***sich erinnern***, выявляемого на этапе качественного анализа валентности соответствующего глагола:

sich erinnern2 → Sn, (pSa)

1. Sn = Substantiv im Nominativ (существительное в именительном падеже) – (*Ehemalige*) *Bundeswehrsoldaten*;

2. pSa = präpositionales Substantiv im Akkusativ (предложное существительное в винительном падеже) (предлог *an* по правилам управления глагола *sich erinnern* требует после себя часть речи в винительном падеже) – *an eine Wehrdienstzeit*

Семантический анализ валентности данного глагола выявляет следующие особенности:

1. Sn → Hum. = human – menschliches Wesen (человеческое существо): *Bundeswehrsoldaten* (*солдаты бундесвера*)

2. pSa → Act = action – Handlung (действие): *Wehrdienstzeit* (*служба в бундесвере*)

В следующем фрагменте, где важным дискурсивным событием выступает 50-летний юбилей создания вооруженных сил ФРГ, пропозициональное содержание эксплицирует историческую связь с событиями «холодной войны», когда бундесвер являлся одним из основных противников стран Варшавского договора:

An ihrem 50. Geburtstag in dieser Woche ***erinnert*** *die Bundeswehr nur noch entfernt an die Truppe, die zur Verteidigung der Bundesrepublik Deutschland*

gegen den Warschauer Pakt aufgestellt wurde. Klasse statt Masse: Seit der deutschen Einheit ging die Zahl der Soldaten drastisch zurück. Die Öffentlichkeit nimmt den Umbau zur Interventionsarmee bislang kaum wahr [Wiegold, 2005, S. 56].

Глагол ***erinnern*** (*напоминать*) выступает в качестве каузативного глагола, т.е. каузирующего наличие интенционального состояния воспоминания в сознании читателя. Нужно отметить, что глаголы, отражающие категорию каузативности, означают, что некий объект побуждают выполнять определенную деятельность, обозначенную каузативным глаголом [Die Deutsche Sprache, 1969, S. 445].

В словаре по валентности и дистрибуции немецких глаголов количественный анализ глагола ***erinnern***, показывает, что он требует как минимум два облигаторных актанта [Helbig, Schenkel, 1978, S. 184]. На этапе качественного анализа валентности становится возможным выявить необходимые компоненты его грамматического окружения. В качестве облигаторных актантов здесь выступают существительные в именительном (Sn) и винительном (Sa) падежах:

erinnern2 → Sn, (pSa)

1. Sn = Substantiv im Nominativ (существительное в именительном падеже) – *die Bundeswehr*

2. pSa = präpositionales Substantiv im Akkusativ (существительное в винительном падеже) – *an die Truppe*

Семантический анализ указывает на то, что существительное в именительном падеже может обозначать человеческое существо (Hum. = human – menschliches Wesen), или как в данном примере, собирательное понятие, бундесвер (*die Bundeswehr*).

Употребление глагола *erinnern* способствует актуализации того факта, что в настоящее время бундесвер, благодаря сокращению численности военнослужащих, начиная с объединения Германии, едва ли, напоминает армию интервентов. В предложении, включающем данный глагол,

использован прием инверсии с целью подчеркивания того факта, что именно к своему 50-летнему юбилею бундесвер кардинально изменил свою основную концепцию. Глагол ***erinnern*** каузирует в сознании читателя интенциональное состояние воспоминания, благодаря которому осуществляется связь с прошлыми дискурсивными событиями, обуславливающими соответствующее пропозициональное содержание. Идентичную функцию выполняет этот глагол в следующем фрагменте:

Man ***muss*** *in diesem Zusammenhang auch* ***daran erinnern****, dass es lange Jahre gerade für die Partei des Außenministers Joschka Fischer, die Grünen, aber auch für die regierenden Sozialdemokraten üblich war, einen „europäischen Sitz“ zu verlangen. Schon deshalb ist erklärungsbedürftig, weshalb sich die engagierten „Europäer“ Fischer und Schröder derzeit etwas zueigen machen, was seit langen Jahren ergebnislos verfolgt wurde* [Hofmann, 2005, S. 6].

Здесь имеет место быть модальность необходимости, а носитель данного интенционального состояния имплицирован неопределенно-личным местоимением *man*. Пропозициональное содержание, на которое направленно данное интенциональное состояние, заключено в придаточном предложении, при этом происходит, как указывает Н.Д. Арутюнова, так называемая имперсонализация модуса [Арутюнова, 1999]. Для того, чтобы отвлечь подобные глаголы от субъекта, они либо ставятся в неопределенно-личной форме, и с этой целью используется неопределенно-личное местоимение ***man***, либо вводятся модальным глаголом.

В современном немецком языке интенциональное состояние воспоминания, памяти может быть также выражено глаголом ***gedenken***. Данные толковых словарей указывают на семантические особенности этого глагола по сравнению с глаголами ***sich erinnern*** и ***erinnern***. Семантический объем глагола ***gedenken*** представлен в следующем виде [Duden Deutsches Universalwörterbuch, 1989, S. 569]:

a) *an jmdn., etw. ehrend anerkennend zurückdenken, erinnern und sich dementsprechend äußern*; b) *an jmdn., etw. in einer bestimmten Situation denken, sich an dessen Existenz erinnern*; c) *beabsichtigen, vorhaben*.

Следующий фрагмент публицистического текста иллюстрирует такое важное дискурсивное событие, как визит действующего на тот момент канцлера Германии Герхарда Шрёдера в Москву 9 мая 2005 года. Он первым из канцлеров Германии в новейшей истории присутствовал во время военного парада в Москве на Красной площади в честь 60-летнего юбилея окончания Великой Отечественной войны и победы над фашистами:

Im Gespräch mit russischen Kriegsveteranen und Jugendlichen ***gedenkt*** *der deutsche Kanzler der Leiden von Putins Mutter im belagerten Leningrad – um sofort auszuschließen: „Gestatten Sie mir, daran zu* ***erinnern****, dass in diesem Krieg auch mein Vater gefallen ist“* [Krumpey, Pörtner, Wiegold, 2005, S. 28].

Лексема ***erinnern*** несет здесь значение «отдавать дань памяти, чтить память». Канцлер Германии отдает дань памяти страданиям матери президент В.В. Путина в блокадном Ленинграде: ***gedenkt*** *der deutsche Kanzler der Leiden von Putins Mutter im belagerten Leningrad*. Данный фрагмент получает следующее интенциональное значение: немецкий народ в лице избранного им канцлера отдает дань памяти русскому народу, который понес несравнимо большие потери за годы Великой Отечественной войны.

Релевантным для современного публицистического дискурса в ФРГ является также интенциональное состояние надежды, которое можно выразить с помощью следующих интенциональных глаголов: ***hoffen***, ***erwarten***, ***erhoffen***.

Семантический объем сигнификативных значений, эксплицируемых глаголом ***hoffen***, представлен в универсальном толковом словаре DUDEN [Duden Deutsches Universalwörterbuch, 1989, S.728]:

a) *zuversichtlich erwarten, wünschen und damit rechnen, dass etw. eintreten od. der Wirklichkeit entsprechen wird*; b) *auf jmdn., etw. seine Hoffnung, sein*

Vertrauen setzen; c) *Zuversicht, positive Erwartungen, Vertrauen in die Zukunft, in sein Geschick haben; von Hoffnung erfüllt sein; Hoffnung haben.*

Компонентный анализ лексического значения глаголов ***hoffen, erhoffen, erwarten*** позволяет выделить у этих лексических единиц категориально-лексическую сему «желать, что определенное положение дел будет соответствовать действительности». Данные словаря по валентности и дистрибуции немецких глаголов Г. Хельбига и В. Шенкеля указывают на то, что с точки зрения количественного анализа глагол ***hoffen*** имеет как минимум два облигаторных актанта:

1. hoffen → Sn, pS, / unbest Pron / NSdaß / Inf
2. Sn → Hum (*Der Lehrer hofft auf ein baldiges Wiedersehen*)

Семантический анализ валентности глагола ***hoffen*** свидетельствует о том, что в качестве его первостепенного облигаторного актанта выступает существительное в именительном падеже или его эквивалент (личное местоимение, имя собственное), обозначающее только человеческое существо (Hum. = human – menschliches Wesen).

Проанализируем следующий пример:

Warum also soll man nicht ***hoffen*** *dürfen, dass Papst Benedikt XVI. ein überzeugendes Oberhaupt einer zukunftsfähigen Kirche wird: „Ecclessia reformanda“ – eine Kirche, die sich treu bleibt, indem sie sich immer wieder verändert* [Thierse, 2005, S. 3].

Данный пример из публицистического текста наглядно иллюстрирует такое явление, как объективация (или имперсонализация) модуса [Арутюнова, 1999, с. 411-412], поскольку автор ставил себя в один ряд со всеми верующими, возлагающими надежду на Папу Римского – Бенедикта XVI. Чтобы «отвлечь» глагол ***hoffen*** от субъекта, он используется в неопределенно-личной форме при помощи неопределенно-личного местоимения *man*. Вольфганг Тирзе, действующий в то время член социал-демократической партии ФРГ и президент бундестага, попытался вселить надежду и каузировать данное интенциональное состояние в сознании

носителей немецкого языка – читателей в отношении кандидатуры нового понтифика, который, по его мнению, станет надежным главой церкви в будущем.

Введение безличной формы глагола не разрывает связь с субъектом, и такие формы воспринимаются как выражающие соответствующее интенциональное состояние надежды со стороны автора текста. Данное явление можно наблюдать и в том случае, когда интенциональные глаголы также могут выполнять такую функцию, когда в качестве субъекта и носителя интенционального состояния выступает нация:

Deutschland sollte am Ende des Jahrhunderts eigentlich noch weiter ***zurückblicken****, um einzusehen, welches Europa 1945 glüchlicherweise untergegangen ist und auf welcher geistig-moralischen Grundlage ein anderes entstehen konnte. Zunächst dank einer segensreichen Tragödie. Es* ***sollte nicht vergessen werden****: Am Anfang war die Angst. Die Angst vor Stalin, durch die kommunistische Machtergreifung in Prag geschürt, hatte im Februar 1948 den Brüsseler Pakt zwischen Großbritanien, Frankreich und Beneluxstaaten entstehen lassen, der die Grundlage heutigen Westeuropäischen Union (WEU) bildet* [Grosser, 1998, S.11].

В разряд интенциональных глаголов необходимо отнести и глаголы метафорического употребления, например, ***sehen***, ***fühlen***, ***spüren***, ***finden***, которые указывают на соответствующую пропозициональную установку со стороны субъекта. Факт, что в формировании пропозициональных установок соучаствуют разные психические составляющие, объясняется тем, что во внутреннем мире человека нет четких границ, разделяющих ментальную и эмоциональную сферы, волю и желания, перцепции и суждения, знания и веру [Арутюнова, 1989, с. 7]. По мнению Ю. Хабермаса к интенциям относятся не только намерения, желания, надежды, но и даже чувства: любовь, ненависть, ярость, склонность и т.п. [Habermas, 1984, S.311]. Интенции и эмоции как измерения лексической семантики являются

взаимозависимыми и основными элементами понимания [Hermanns, 1995, S. 142-143].

Осенью 1998 год Герхард Шредер (СДПГ) одержал победу в борьбе за пост федерального канцлера и заявил о необходимости социальных реформ в стране. Было объявлено о пакете реформ, в центре внимания которых – сокращение уровня безработицы и пенсионная реформа. Граждане ФРГ почувствовали, что после 16-летнего правления ГтКоля, в стране начали происходить какие-то изменения:

Vielleicht ***spüren*** *die Deutschen auch, dass die Regierung sich ihrer wichtigsten Probleme annehmen will – der Arbeitsplätze und der Rente. Und außerdem haben sie gerade als Wähler erlebt, das sie mit ihren Stimmen* ***tatsächlich*** *etwas bewirken können – eine andere Regierung ist ans Ruder gekommen* [Knaup H., 1999, S. 26].

В 2005 году Ангела Меркель стала первой женщиной на посту федерального канцлера. В последующем примере представлены результаты общественного опроса жителей ФРГ об их отношении к личности и деятельности Ангелы Меркель спустя год после ее вступления в должность:

68 Prozent der Deutschen ***finden****, dass Angela Merkel einen gelungenen Start hatte. Der Stilstand der Reformpolitik fällt bisher jedenfalls einem breiteren Publikum nicht weiter auf . Nach dem Dauerwahlkampf des Jahres 2005 trauten 44 Prozent der Deutschen keiner Partei zu, die Probleme des Landes zu lösen. Viele Bürger* ***sahen*** *den Parteistreit nicht als Ringen um den besseren Weg, sondern als eitles Schaugefecht. Die Bürger* ***sehen*** *in der Großen Koalition keine Zwangsehe, sondern ein Bündnis der Mitte, bei dem die Gefahr ideologischer Ausschläge nach links oder rechts gebannt ist. Das Ausbleiben von Streit gilt ihnen als Ausweis effektiver Regierungsarbeit. Die Sozialdemokraten* ***fürchten****, dass ihr Profil in einer großen Koalition zerfließt wie Wasserfarben. Im März muss das Kabinett seinen Rentenbericht vorlegen, der Auskunft über die Finanzlage der Alterskassen gibt* [Nelles R., 2006, S.23].

Интенциональное состояние «представления, мечтания, воображения» занимает особое место среди других интенциональных состояний, поскольку как никакое другое интенциональное состояние, оно имеет непосредственное отношение к ноэматическому способу репрезентации реальности по Э. Гуссерлю. Так в последующем примере автор статьи от лица немцев пытается представить, кто станет федеральным канцлером в 1998 году, при этом отдавая мала шансов Гельмуту Колю:

Man wird ja ein bisschen ***träumen*** *dürfen.* ***Stellen*** *wir* ***uns vor****, das nächste Jahr mit gemeinwohlgefährlicher politischer Lähmung und Wahlkampfgezänk läge bereits hinter uns; es wäre der 31. Dezember 1998, kurz nach 20 Uhr, und über die TV-Schirme würde die Neujahrsansprache des Bundeskanzlers flimmern: „Liebe Mitbürgerinnen und Mitbürger. Unser Land steht vor großen Herausforderungen. Der internationale Wettbewerb ist härter geworden“. Falls das jemandem sehr bekannt vorkommen sollte: kein Wunder. Die klaren Sätze stammen wortwörtlich aus der Rede zum Jahreswechsel 1996/97, gehalten von Helmut Kohl, dem Freddy Frinton der deutschen Politik. Also auch Sylvester 1998: Same procedure as every year? Ja und nein. Ja, weil dann genau die gleiche Ansprache nötig sein dürfte – schließlich wird sich im ganzen Jahr 1998 nichts geändert haben in Deutschland. Nein, weil sie – insofern kein mittleres Wunder geschieht – nicht mehr Kohl halten würde. Denn der Kanzler hieße am Ende des Jahres wohl Wolfgang Schäuble oder Gerhard Schröder, vielleicht auch Oskar Lafontanaine* [Borchers., Höfler., Smetek, 1998, S. 20].

Таким образом, интенциональные глаголы вступают в качестве одного из основных языковых средств выражения интенциональных состояний в современном немецком публицистическом тексте как фрагменте медиа-дискурса. Они включают в себя предикат, первый актант которого указывает на необходимость связи с мыслящим субъектом, обозначая тем самым определенное интенциональное состояние, а другой открывает место для пропозиционального содержания, отражающего фрагмент социальной практики как результат исторического процесса. На данное

пропозициональное содержание и направлено интенциональное состояние носителя языка.

2.2. Функции отглагольных существительных с суффиксом -ung

Наряду с интенциональными глаголами, другим языковым средством выражения интенциональных состояний являются их субстантивные дериваты, или так называемые абстрактные существительные: это отглагольные существительные, или девербативные номинализации. Отглагольная деривация существительных занимает значительное место в лексической системе современного немецкого языка. В трудах таких исследователей как В.Ф. Балакирев, Т.С. Глушак, Н.А. Маслова, В. Мотш, М.Д. Степанова, В. Фляйшер подчеркнута высокая продуктивность словообразовательной модели таких существительных.

Словообразовательная связь отглагольных существительных, в частности производных с суффиксом *-ung*, находит свое выражение в их потенциальной способности передавать в опредмеченном виде процесс действия, выражаемый соответствующей глагольной основой.

В сознании носителей немецкого языка отглагольные существительные с суффиксом *-ung* зафиксированы как морфологически членимые образования и соотносятся со следующей словообразовательной моделью

Таблица 2. Словообразовательная модель отглагольных существительных с суффиксом - ung

ung – формант категориального значения лексико–грамматического класса имен существительных	
действие, процесс, **состояние**, обозначенные глаголом	наименование, имя действия, процесса, **состояния** обозначенного производящей основой
meinen, (sich) erinnern	**Meinung, Erinnerung**

Существительные с суффиксом *-ung,* как воплощение типа регулярной деривации, структурированы двумя стандартными для деривата конституантами – производящей основой и суффиксальным формантом. Представленная модель является открытой и осознается носителями языка как потенциальная возможность для образования новых производных существительных с суффиксом *-ung*, как образец регулярной деривации, т.е. конструирования новых слов с таким основным значением, как словообразовательное, или деривационное [Маслова, 1985, с. 23]. В процессе такого конструирования по модели отражается принцип соотнесения производящего глагола и производного существительного, а именно, сохранение лексического значения глагола, т.е. значение действия, процесса, состояния, при изменении только категориальной характеристики слова. Таким способом изначально признанное, несубстанциональное лексическое значение преобразуется в предметное, субстанциональное значение – с соответствующими последствиями для синтаксического функционирования слов, являющихся продуктами номинализации (субстантивации).

Согласно классификации основных словообразовательных моделей современного немецкого языка, предложенной М.Д. Степановой и И.И. Чернышевой, эта модель может быть также представлена следующим образом [Степанова, Чернышева, 2003, с. 102-103].

Таблица 3. Модель образования отглагольного существительного с суффиксом *-ung*

$M_6 : L_2 = L_1 + DS$
M_6 – обозначение модели и ее порядковый номер в классификации авторов
L_2 – вторичная, производная основа (основа слова, подлежащего анализу)
L_1 – первичная, производящая основа или база (основа, входящая в состав производной основы)
DS – словообразовательный (лексический) суффикс.

Прозрачная мотивированность глаголом является характерной для дериватов с суффиксом *-ung*. Она возникает благодаря потенциальной готовности глагольных основ модифицироваться, а именно номинализироваться посредством данного форманта.

Несмотря на то, что эта словообразовательная потенция носит общеглагольный характер, ее реализация связана с некоторыми ограничениями. В качестве ограничивающего фактора могут выступать семантические свойства самой глагольной основы, т.е. то обстоятельство, что, например, глаголы действия более предрасположены к созданию имен действия, чем глаголы состояния и собственно процесса (они предстают преимущественно как субстантивированный инфинитив) [Глушак, Балакирев, 1980, с. 17].

Имена с суффиксом *-ung* семантически двуслойны. В их формировании принимают участие такие части речи, как глагол и существительное. Глаголу принадлежит основа, которая воплощает процессуальность, а в рамках существительного создается производная, воплощающая предметность. Внутреннее расслоение в данном едином семантическом классе происходит в силу того, что значение «предметность» может становиться со временем доминирующим и нейтрализовать «процессуальность». Девербативы с суффиксом *-ung* обладают высокой синтагматической активностью в языке, поскольку возможности сочетаемости этих, как и других лексических единиц, предопределяется их семантической структурой, так как в варьировании синтаксических возможностей получают отражение семантические различия.

Подобно глаголам, отглагольные имена несут в себе интенцию (коммуникативное намерение), содержат имплицитную (свернутую) предикативность, чем и предопределяется их способность развертываться в контекстных условиях, трансформироваться в предложения. Валентность абстрактных девербативов предопределяется валентностью мотивировавших их глаголов, т. е. она оказывается как бы генетически запрограммированным

феноменом, хотя преобразование глагольной валентности в именную и сопровождается переосмыслением связей [Глушак, Балакирев, 1980, с. 19-20].

Явление содержания имплицитной свернутой предикативности в значительной степени предопределяет прагматический потенциал отглагольных существительных, а именно они могут выражать не единичные понятия, а выступать как заместители целых высказываний, ситуаций, событий [Арутюнова, 1971, с. 65]. Наличие в составе предложения таких слов с имплицитной предикативностью является важной предпосылкой формирования полипредикативного высказывания как отражения усложненной ситуации. В таком высказывании существуют как минимум две предикативные линии: главная, сказуемая, и дополнительная, предикативная линия, которая организуется девербативом с суффиксом *-ung*. Девербатив здесь несет функцию главного члена второй, номинализованной (зависимой) предикации [Адамец, 1973, с. 40].

Анализ синтагматического поведения, а точнее, формирования синтагматического значения отглагольных имен с суффиксом *-ung* обязательно должен опираться на понятие валентности. Валентность, в свою очередь, является индикатором необходимого или возможного окружения слова, и тем самым, предусматривает контекстуальные связи слова, контекстуальные отношения между различными частями речи в предложении на семантическом и синтаксическом уровне.

Интенциональное состояние воспоминания, памяти может быть выражено в субстантивной лексике немецкого языка отглагольными существительными с суффиксом *-ung* и субстантивированными инфинитивами, образованными от следующих интенциональных глаголов: **(*sich*) *erinnern – das Erinnern – die Erinnerung*; *gedenken – das Gedenken***.

Исследование актуализации интенционального состояния воспоминания, памяти в языковом сознании носителей немецкого языка играет кардинально важную роль с точки зрения интенционального подхода

к исследованию данной проблематики в рамках дискурсивной парадигмы. Очевидно, что анализируемые в работе дискурсивные события, отраженные в свою очередь в публицистических текстах, имеют социально-историческую связь с прошлым, и, тем самым, восходят к этапам исторического развития Германии еще до падения Берлинской стены в 1989 году и объединения страны в октябре 1990 года. Что же такое воспоминание, память (*die Erinnerung*) в сознании носителей немецкого языка? Обратимся к данным толковых словарей:

die Erinnerung – das Erinnern, *Mahnung*; *das Sicherinnern, bewusstes Wiederhervorbringen, von Vergangenem, Gelerntem, Erlebtem durch das Gedächtnis*; *Gedenken*; *Andenken, Bild, das man im Gedächtnis trägt* [WAHRIG, 1997, S. 437].

Семантический объем отглагольного существительного ***die Erinnerung*** представлен в следующем виде [Duden Deutsches Universalwörterbuch 1989, S. 451]:

1. a) *Fähigkeit, sich an etw. zu erinnern*; b) *Besitz aller bisher aufgenommenen Eindrücke; Gedächtnis*; 2. *Eindruck, an den man sich erinnert; wieder lebendig werdendes Erlebnis*; a) *Andenken, Gedenken.*

Семантической доминантой сигнификативного значения данных лексем является сознательное воспроизведение предметов и положений дел объективной действительности, имеющих отношение к прошлому.

В следующем примере речь идет о мемориале в Берлине, установленном в память о евреях-жертвах нацизма. Мемориал расположен в центре Берлина между Бранденбургскими воротами и элементами бункера бывшего руководства нацистской Германии и представляет собой огромное поле из более чем 2700 серых плит:

Es ist eine Gedächtnislandschaft, die verstört, eine Abstraktion des Grauens, die sich mit Worten ohnehin nie fassen lässt. Über die Details gab es Diskussionen. Einig ist man sich in dem entscheidenden Punkt: ***Die Erinnerung*** *an das dunkelste Kapitel der deutschen Geschichte soll wach gehalten und Wissen*

darüber vermittelt werden. Mitten in Berlin. Im Herzen der deutschen Hauptstadt [Schayan, 2005, S. 12-13].

Дистрибуция отглагольного существительного *die Erinnerung* наглядно показывает, что этот синтаксический дериват полностью мотивирован производящим глаголом. Девербатив *die Erinnerung* образован не от возвратного глагола *sich erinnern* (*помнить, вспоминать*), а от инфинитива глагола *erinnern,* имеющего сигнификативное значение «напоминать». Данные словаря валентности и дистрибуции существительных немецкого языка [Sommerfeldt, Schreiber, 1980] позволяют представить дистрибуцию данного отглагольного существительного ***Erinnerung***:

Erinnerung → pS (an)

S→Abstr.

В качестве облигаторного актанта выступает пропозициональный субстантив, выраженный отвлеченным понятием *das Kapitel der deutschen Geschichte,* обозначающим интенциональный предмет, на который направлено соответствующее интенциональное содержание. Предлог *an* изначально задан управлением мотивирующего глагола ***erinnern***. Синтаксическая конструкция данного предложения свидетельствует о том, что это отглагольное существительное обозначает часть подлежащего, стоящего в свою очередь, в страдательном залоге. В качестве инфинитива, зависящего от модального глагола (в данном случае глагол *sollen,* категорично выражающий модальность необходимости), выступает инфинитив пассив *gehalten werden*, состоящий из формы партицип II полнозначного глагола *halten* и вспомогательного глагола *werden* в форме инфинитива.

Модальность необходимости производит определенный прагматический эффект, т.е. здесь имплицировано обращение к гражданам ФРГ, что они должны сохранить память о самой мрачной главе истории Германии. Актуальным значением лексемы ***die Erinnerung*** в данном фрагменте дискурса будет значение «память». Автором эксплицируется не

только интенциональное состояние воспоминания памяти, но и субъективная оценка.

Учитывая значение последующих предложений в рамках данного сверхфразового единства: *Mitten in Berlin* и *Im Herzen der deutschen Hauptstadt*, можно заключить, что данный фрагмент дискурса получает интенциональное значение «память» о преступлениях нацистов». Экстралингвистические знания, транслируемые общественным дискурсом через публицистический текст, являются причиной того, что, вопреки теории словообразовательного значения таких отглагольных существительных, значение «предметность» не становится доминирующим и не нейтрализует в данной лексеме значение «процессуальность».

В статье «Восстание против Гитлера» речь идет о героическом подвиге графа фон Штауффенберга. полковника вермахта, одного из основных участников группы заговорщиков, спланировавших и осуществивших покушение на жизнь Адольфа Гитлера 20 июля 1944 года. Он стал одной из первых жертв репрессий гестапо и СС, последующих за этим событием. В современной Германии 20 июля объявлено днём траура по казнённым и ежегодно сопровождается проведением торжественных мероприятий. На месте казни графа фон Штауффенберга и его товарищей проводится торжественное принятие присяги военнослужащими:

Er und seine Freunde glaubten an ein anderes Deutschland. Deshalb ist ***die Erinnerung*** *an den Widerstand wichtig. Denn den Opfern nationalsozialistischer Herrschaft wurde bewusst, dass es ein anderes Deutschland gab, das andere Werte verkörperte als die von den Nationalsozialisten proklamierten. So gesehen, war das Scheitern des Anschlags historisch folgenreich und keineswegs erfolglos* [Steinbach, 2004, S.20-21].

Лексема ***die Erinnerung*** также актуализирует парадигматическое структурное значение «память» и получает дополнительные оценочные компоненты лексического значения. Автором дана эпистемическая оценка по шкале важно/ неважно в отношении вербализованного интенционального

состояния памяти: *Deshalb ist* ***die Erinnerung*** *an den Widerstand wichtig.* Содержание последующих предложений в рамках этого сверхфразового единства поясняет, почему важно помнить о подвиге этого офицера и о сопротивлении в целом.

Интенциональное состояние надежды выражает четко выраженную направленность сознания в будущее. Данное интенциональное состояние может быть выражено отглагольными существительными с суффиксом *-ung* и субстантивированными инфинитивами, образованными от следующих интенциональных глаголов: *hoffen* (надеяться) – *die Hoffnung* (надежда); *erwarten* (ждать – ожидать) – *die Erwartung* (ожидание).

Итак, какие значения в сознании носителей немецкого языка может актуализировать лексема ***die Hoffnung***:

В Универсальном толковом словаре современного немецкого языка DUDEN находим следующие значения этого слова: *das Hoffen; Vertrauen in die Zukunft; Zuversicht, Optimismus in bezug auf das, was jmdm. die Zukunft bringen wird* [Duden Deutsches Universalwörterbuch, 1989, S. 728].

Значения, зафиксированные в данной словарной статье, свидетельствуют о том, что семантика существительного *die Hoffnung* отражает интенциональное состояние субъекта в том смысле, что некоторое положение дел будет соответствовать объективной действительности. В лексеме ***die Erwartung*** заключены следующие значения: *Zustand des Wartens, Spannung*; *vorausschauende Vermutung, Annahme, Hoffnung*.

Семантика данного отглагольного существительного, по сравнению с лексемой *die Hoffnung*, выражает более низкую степень уверенности.

19 апреля 2005 года конклавом кардиналов был избран новый Папа Римский – им стал немецкий кардинал Йозеф Ратцингер. Вольфганг Тирзе, католик и член социал-демократической партии Германии, занимавший на тот момент пост президента бундестага, на страницах журнала «Deutschland» выразил надежду на то, что новый понтифик сумеет сохранить единство католической церкви, несмотря на многообразие становления христианской

жизни, и различные формы ее выражения в Европе, Африке, Южной Америке, Азии:

Das ist meine ***Erwartung*** *und* ***Hoffnung****: Dass der neue Papst die Einheit dieser großen Kirche gerade in ihrer Vielfalt bewahrt, indem er die Überzeugungs- und Glaubenstreue und zugleich die Vielfalt der Gestaltung und der Ausdrucksformen des christlichen Lebens fördert – sind doch die Bedingungen christlicher Existenz in Europa, Afrika, Südafrika oder Asien ganz verschieden* [Thierse, 2005, S. 4].

Компонентный анализ сигнификативного или собственно семантического значения субстантивных дериватов *die Erwartung* и *die Hoffnung* позволяет выделить у этих лексических единиц категориально-лексическую сему «желать, что определенное положение дел будет соответствовать действительности», которая в определенном публицистическом тексте конкретизируется при помощи различных дифференциальных и потенциальных сем. Лексема *die Hoffnung* имеет категориальную сему «с уверенностью, оптимизмом смотреть в будущее», тем самым, выражая большую степень уверенности по сравнению с отглагольным существительным *die Erwartung*, для которого категориальной семой является «предположение, допущение», что некоторое положение дел будет иметь место в будущем.

Рематическую часть данного сверхфразового единства составляет пропозициональное содержание в качестве интенционального объекта, на который направлено данное интенциональное состояние. Актуальное значение данного фрагмента дискурса заключается в том, что посредством использования такого своеобразного соположения данных лексем *die Erwartung* и *die Hoffnung*, выражено возрастание степени уверенности, и тем самым, в границах интенционального состояния «надежда», происходит трансформация значения «предположение, допущение» в «уверенность», что и отражает интенциональное значение данного фрагмента дискурс.

Так, например, в тексте своей статьи «На стыке тысячелетий: что мы возьмем в будущее?» журналист Юрген Кока поднимает глобальную тему исторической памяти (die historische Erinnerung) немецкого народа и рассматривая ее сквозь призму событий мировой истории, определяет роль данного интенционального состояния как ресурса для будущего поколений в Германии:

In der ***historischen Erinnerung*** *an das 20. Jahrhundert dominiert hierzulande* ***die Erinnerung*** *an Verfolgung und Krieg, an die Ermordung der Juden und andere Untaten der Deutschen. Diese* ***Erinnerung*** *ist immer auch quälend, bisweilen eine unerträgliche Last. Doch solche* ***Erinnerung*** *ist nicht nur unvermeidlich, sondern auch produktiv, kann es jedenfalls sein. Sie war es für die Generation, die die Bundesrepublik Deutschland aufbaute, und die darauf folgende.* ***Die Erinnerung*** *hat nicht gelähmt, sondern mobilisiert und zugleich vorsichtig gemacht. Sie hielt im* ***Bewusstsein****, dass auch eine moderne Zivilisation in Barbarei umschlagen kann. Sie motivierte zum politischen Engagement mit dem Ziel, in Zukunft Ähnliches zu vermeiden. Langsam und gegen viel Widerstand wurde* ***diese Erinnerung*** *zum zentralen Baustein demokratischer Identität in der Bundesrepublik Deutschland, in bewusster Absetzung von ihrer diktatorischen Vorgeschichte. Sie konnte sogar zur Folie einer gewissen Genugtuung darüber werden, dass die Bundesrepublik ihr nationalsozialistisches Erbe vergleichsweise gründlich überwand und mit ihr in Deutschland zum ersten Mal einen dauerhaft funktionierende stabile Demokratie entstand:* ***Erinnerung*** *als Ressource, die auch im wiedervereinigten Deutschland zur Verfügung steht, wo es allerdings zusätzlich darum geht,* ***die Erinnerung*** *an zwei deutsche Diktaturen zu verknüpfen* [Kocka, 1999, S.11].

В следующем фрагменте дискурса автором как в заголовке, так и в тексте статьи используется атрибутивное сочетание ***die historische Erinnerung***, одним из компонентов которого выступает отглагольное существительное, с помощью которого может быть вербализовано интенциональные состояния «память», «воспоминание»:

Die zeitgeschichtliche Bewertung des 20. Jahrhunderts ergibt ein widersprüchliches Bild. Neben dem beispiellosen Fortschritt stehen präzedenzlose Katastrophen und Zivilisationsbrüche. Unrecht und Fortschritt – im zu Ende gehenden Jahrhundert waren sie oft auf das engste miteinander verknüpft. Welche Rolle spielt ***die historische Erinnerung*** *als Ressource für die Zukunft?* [Koka, 1999, S.6].

Атрибутивное словосочетание ***historische Erinnerung*** используется автором в заголовке статьи в риторическом вопросе с целью вызвать в коллективном сознании читателей как носителей данного языка этот вид интенционального состояния (историческая память). Именно историческая память поможет современному поколению постичь всю взаимосвязь и противоречивость событий XX века в мировой истории, которые, безусловно, отразились и на историческом развитии Германии. Употребление данного атрибутивного словосочетания, актуализирующего соответствующее интенциональное состояние, отражает основной принцип построения публицистического текста в жанре проблемно-аналитической статьи, когда заголовок, как один из важных компонентов структуры текста, выражает основную тему текста, предвосхищая более детальное рассмотрение проблемы.

Следующее предложение является ответом на предыдущий вопрос и представляет собой лейтмотив всего содержания текста данной статьи, где говорится о том, что такое существующее интенциональное состояние немецкой нации как историческая память, стало основой демократической самобытности Федеративной Республики Германия.

Die historische Erinnerung *ist zu einem zentralen Baustein demokratischer Identität in der Bundesrepublik Deutschland geworden* [Koka, 1999, S.9].

Актуальное членение следующего предложения в данном фрагменте дискурса, при котором атрибутивное словосочетание «историческая память» (*die historische Erinnerung*) составляет тему, а «стала основой ….» (*ist zu*

einem ... Baustein ... geworden) рему, т.е. информацию, которая в рамках данного фрагмента дискурса является новой, а значит важной, актуальной.

Эти фрагменты дискурса указывают на непосредственную тесную связь между прошлым и будущим. В них, на наш взгляд, имплицируется не столько интенциональное состояние воспоминания, памяти, сколько надежды на будущее сквозь призму выраженного интенционального состояния. И это в очередной раз подтверждает наличие «внутренней временности» в интенциональной структуре сознания (Э. Гуссерль).

Trotzdem, die insgesamt gelingende Nachkriegsordnung der westlichen Welt, des westlichen Europas und des westlichen Deutschlands war auch ein Ergebnis historischen Lernens aus vorangehendem Scheitern und damit ein Produkt ***historischer Erinnerung*** [Koka, 1999, S.11].

Более того, здесь необходимо подчеркнуть, что отглагольное существительное ***die Erinnerung*** благодаря атрибуту ***historisch*** несет не предметное значение в отношении данного интенционального состояния, а скорее процессуальное, и этому, также способствует дискурсивный контекст.

Историческая память нации онтологически коррелирует с понятием коллективной интенциональности, сущность которого была рассмотрена в первой главе настоящего исследования. Историческая память как форма актуализации коллективной интенциональности «пронизывает» взаимосвязь релевантных дискурсивных событий. Например, в своей статье в журнале «Шпигель», журналиста Александр Юнг вспоминает экономическую реформу Л. Эрхарда, когда была введена новая валюта – знаменитая ***Deutsche Mark***:

Die Bürger misstrauten dem neuen Geld. Viele fürchteten, die D-Mark könnte zur Weichwährung werden; zu frisch war noch ***die Erinnerung*** *an die Hyperinflation von 1923* [Jung, 2009, S. 99].

И здесь же автор использует данную ретроспективу в рамках актуализации событий экономического кризиса в Европе, начиная с 2008

года, когда стала заходить речь о том, нужно ли отказаться от евро и вернуться к немецкой марке (марке ФРГ):

Geblieben ist ein nationales Trauma, das bis heute nachwirkt. Die Inflationsangst ist in Deutschland weit verbreitet, die Geldpolitik hierzulande fühlt sich mehr als anderswo der Stabilität verpflichtet, die ***Erfahrung*** *von 1923 sitzt tief im* ***kollektiven Gedächtnis*** *der Deutschen* [Jung, 2009, S. 107].

Следует добавить, что интенциональное состояние воспоминания, памяти может быть передано и с помощью различных фразеологических оборотов, например, таких как ***sich (D) etw. ins Gedächtnis (zurück) rufen; ins Bewusstsein rufen*** [Бинович, 1995, с. 223]:

Zum Ende dieses Jahrhunderts feierte Deutschland so viel wie selten: 50 Jahre Bundesrepublik Deutschland, 50 Jahre Deutscher Bundestag und erst kürzlich den 10. Jahrestag des Mauerfalls. Doch in all diesen Reden kam auch zum Ausdruck, dass wir unsere Zukunft nur gestalten können, wenn wir unsere Vergangenheit anerkennen und sie uns immer wieder ***ins Bewusstsein rufen****. Wir müssen diese historische Erfahrung nutzen, um uns immer wieder* ***ins Gedächtnis*** *zu* ***rufen****, dass wir Frieden, Freiheit und Demokratie, kurzum das gesellschaftliche System, in dem wir leben, niemals als etwas Selbstverständliches ansehen dürfen* [Thierse, 1999, S.3].

В данном обращении Вольфганга Тирзе, в то время президента бундестага, наряду с личным местоимением ***wir***, а также различными модальными значениями данные фразеологические обороты, апеллирующие к коллективному сознанию и исторической памяти, эксплицируют интегративную функцию. Вольфганг Тирзе подчеркивает тот факт, что построить будущее немецкий народ сможет лишь в том случае, если признает свое прошлое, и постоянно будет помнить о нем.

Известный политический деятель призывает к необходимости использования исторического опыта, чтобы опять же постоянно помнить о том, что мир, свобода и демократия, а также общественная система не могут рассматриваться как само собой разумеющееся. Лишь в этом случаем

немецкий народ может с надеждой смотреть в будущее. Здесь в имплицитной форме присутствует квантор всеобщности как идеологически ориентированное понятие.

Использование фразеологических оборотов в качестве риторических средств способствует тому, что выступление известного государственного деятеля выражает интенциональное состояние не отдельного человека, а всей немецкой нации. Представленный публицистический текст как фрагмент дискурса получает интенциональное значение «память всей нации о прошлом».

Примечательно в этом отношении обращение федерального президента ФРГ (1999) Йоханнеса Рау к читателям журнала «Deutschland» в статье «Падение Берлинской Стены – окончание разделения Европы»:

*Wo waren **Sie**, als die Berliner Mauer fiel? Die Frage können wohl fast alle Bürgerinnen und Bürger Europas beantworten, die an den politischen Ereignissen von 1989 auch nur ein wenig Anteil nahmen. Überall wurde damals die Nachricht vom Fall der Mauer als ein Fanal verstanden: als Zeichen dafür, dass einen Epoche der Trennung und Konfrontation zu Ende gegangen ist und ein neues, besseres Miteinander in Europa begonnen hat. **Wir** Europäer dürfen deshalb nicht nachlassen im gemeinsamen Einsatz für die Menschenrechte und gegen alle Spielarten des Nationalismus. Was **uns** heute zusammenbringt, ist **unser aller Wunsch**, politische Einheit, Demokratie, Frieden, und Wohlstand für ganz Europa zu erreichen. **Gewiss** wird die Suche nach gemeinsamen Lösungen oft mühsam sein. Aber wann immer uns das allzu sehr verdrießt, sollten wir uns **erinnern** an unsere Freude und Zuversicht an dem Tage, als die Mauer fiel* [Rau, 1999, S.3].

Вопрос к читателям журнала: *Wo waren **Sie**, als die Berliner Mauer fiel?* каузирует в сознании аудитории, т.е. граждан ФРГ, интенциональное состояние «воспоминания». Интегративная функция достигается с помощью употребления личного местоимения 3 лица множественного числа ***wir*** (***Wir** Europäier dürfen deshalb nicht nachlassen im gemeinsamen Einsatz für die Menschenrechte und gegen alle Spielarten des Nationalismus* = Мы, европейцы,

не должны поэтому ослаблять усилия в борьбе за права человека и против любых форм национализма), и такими словосочетаниями сочетаниями, как ***unser aller Wunsch*** = наше общее желание (*Was* ***uns*** *heute zusammenbringt, ist* ***unser aller Wunsch****, politische Einheit, Demokratie, Frieden, und Wohlstand für ganz Europa zu erreichen = Всех нас объединяет сегодня желание добиться политической свободы, демократии, мира и процветания для всей Европы*.)

Наряду с различными модальными значениями, например уверенности (***Gewiss*** *wird die Suche nach gemeinsamen Lösungen oft mühsam sein* = Конечно поиски совместных решений будут трудными.), а также различными средствами выражения интенциональных состояний, например воспоминание (*Aber wann immer uns das allzu sehr verdrießt, sollten wir uns* ***erinnern*** *an unsere Freude und Zuversicht an dem Tage, als die Mauer fiel = И когда это будет очень нам досаждать, давайте вспомним о нашей радости и вере в тот день, когда пала Берлинская стена*), в данном фрагменте дискурса четко и однозначно также эксплицирована интегративная функция: Вы – **Sie** (как представитель данной нации) и мы – **wir** (я и мой народ) хотим достичь политического единства, демократии, мира и благосостояния для всей Европы, и это нас объединяет, мы едины.

Итак, особенность употребления отглагольных существительных с суффиксом -ung при вербализации ими интенциональных состояний заключается в том, что в силу своей мотивированности глаголом, они могут выражать не только грамматическое значение предметности, но и процессуальности. Отглагольные существительные, являющиеся субстантивными дериватами интенциональных глаголов, не только маркируют интенциональное состояние в публицистическом тексте как фрагменте медиа-дискурса, но и в рамках социально-исторического контекста, отраженного в публицистических текстах, получают дополнительные значения. Интенциональное значение, которое получает публицистический текст в качестве определенного фрагмента дискурса, формируется не только автором текста, который является индивидуумом

данного социума, носителем сознания данной языковой общности, но и всей социальной практикой, отраженной в таких текстах.

2.3. Субстантивированные инфинитивы и их продуктивность

Продуктивным видом образования отглагольных существительных является так называемая субстантивация глаголов, точнее их инфинитивов, как один из видов конверсии, или словообразования путем модификации парадигмы словоизменения, не затрагивающего основу слова и ведущего к переходу слова в другую часть речи по сравнению с производным. Конверсия, представляя собой особый случай имплицитной деривации, исключительно продуктивна в сфере отглагольной деривации существительных. В основе её лежат как простые инфинитивные формы (*Leiden, Tun, Wollen*), так и префиксальные глаголы (*Bestehen, Abfischen*), композиты (*Auseinanderfallen, Sitzenbleiben*) словосочетания (*Zuspätkommen*) предложения (*Vergißmeinnicht*) [Степанова, Фляйшер, 1984, с. 131].

Основные разногласия в отношении определения лингвистического статуса субстантивированного инфинитива касаются того, что некоторые исследователи рассматривают данные лексические единицы в качестве эксплицитных дериватов, а *-(e)n* в этом случае как именной суффикс, подобно *-ung* и др, а не как формант инфинитива [Motsch, 1999, S. 321, 326], но названная модель отличается от остальных глагольных моделей номинализации употреблением возвратного местоимения *sich* [Степанова, Фляйшер, 1984, с. 132]. В то время как у остальных отглагольных субстантивных типов возвратное местоимение *sich* рефлексивного глагола элиминируется (*sich erinnern – die Erinnerung*), при конверсии оно нередко входит в состав образованного отглагольного существительного: ***sich wünschen – die Art des Sich-Wünschens***.

Субстантивированные инфинитивы, как отглагольные существительные только среднего рода, употребляются исключительно в единственном числе [Hentschel, Weydt, 1994, S.128]. В области перехода от глагола к существительному, субстантивированный инфинитив стоит

значительно ближе к глаголу, чем, например, отглагольные существительные с суффиксом *-ung*, и тем самым, представляет процесс незавершенный, возможно даже постоянно повторяющийся:

Eine erst nach 1989/90 so möglich werdende Öffnung des Blicks nach Osten holt ältere geographische Muster ***ins historische Denken*** *zurück, die Faszination durch den osteuropäisch-eurasischen Raum taucht wieder auf, manchmal mit leicht mythisierenden Obertönen* [Kocka, 1999, S. 8].

Отглагольные существительные с суффиксом *-ung*, напротив, причастны к оппозиции единственного и множественного числа:

Nach der Abwahl der Regierung Kohl im September 1998 knüpften sich an die neue rot-grüne Bundesregierung hohe ***Erwartungen****: Steuersenkungen, um die lange gerungen wurde, standen an, eine grundlegende Reform des kostspieligen Sozialsystems, eine dauerhafte Senkung der Staatsausgaben und – um die drohende Handlungsunfähigkeit des Staates abzuwenden – eine drastische Verminderung der Neuverschuldung* [Marshal, 2000, S. 6].

Или:

Positiv sei aus deutscher Sicht zudem, dass in einer neuen Regierungskonferenz ab 2004 die Kompetenzen zwischen der Europäischen Union und den Mitgliedstaaten abgegrenzt würden. Allerdings, räumte Schröder ein, seien in Nizza nicht alle ***Hoffnungen*** *erfüllt werden* [Janning, 2001, S. 19].

Потенциальная способность данных отглагольных существительных к образованию множественного числа и тенденция к развитию у них собственно предметных значений объясняется следующим образом. Словообразовательными значениями этого вида существительных могут быть как протекающие «процессы», так и акты в их завершенности, т.е. такие словообразовательные значения, как «результат действия», «состояние» [Степанова, Фляйшер 1984, с. 127].

Модели словообразования отглагольных существительных с суффиксами *-en* и *-ung* являются продуктивными в лексической системе современного немецкого языка. При этом отношения между отглагольным

существительным с суффиксом *-ung* и субстантивированным инфинитивом, как представителями таких словообразовательных моделей, являются не вполне равноправными. Субстантивация глагола в форме инфинитива как разновидность конверсии, в отличие от отглагольных существительных на *-ung*, не ограничена какими либо видами глагола. В то время как с помощью суффикса *-en* можно любой глагол трансформировать в имя (существительное), образования с суффиксом ***-ung*** возможны не со всеми глаголами: *erinnern; das Erinnern, die Erinnerung; gedenken; das Gedenken*, но не *Gedenkung; vermuten; das Vermuten, die Vermutung; denken; das Denken,* но не *Denkung.*

Субстантивированные инфинитивы занимают особое место среди отглагольных существительных. При образовании таких лексических единиц речь идет о так называемой «перекатегоризации» (*Umkategorisierung*). Такие существительные, как, например, *das Erziehen, die Erziehung,* рассматриваются в качестве «чистых» номинализаций (*reine Nominalisierungen = nomina actions*), здесь изменяется только синтаксическая категория, а семантическая репрезентация глагола сохраняется [Motsch, 1999, S. 320-321]. Идея «чистой» номинализации по В. Мочу способствует формированию мысли о таком подразделении лексического и грамматического в продукте «чистой» номинализации способом субстантивации инфинитива, при котором утверждается тождество лексического значения глагола и субстантивированного инфинитива («нового», особого слова) при различии общекатегориальных и, разумеется, частных грамматических значений сопоставляемых образований [Павлов, 2001, с. 12].

В отличие от субстантивированного инфинитива, отглагольные существительные с суффиксом *-ung*, обладают более массовой лексикализацией: в лексикографических источниках зафиксировано значительное меньшее количество субстантивированных инфинитивов по сравнению с теми, которые встречаются в текстах и в речи. Это свидетельствует о более глубоком противоречии между глагольной и

субстантивной сторонами комплекса свойств субстантивированного инфинитива [Павлов, 2001, с. 14].

В статье Жанет Шайян «Память – база для будущего Европы» отражено важное дискурсивное событие – визит федерального канцлера ФРГ Герхарда Шрёдера в Польшу, где он вместе с премьер-министром Польши Бузеком возложил венки к мемориалу на кладбище Пальмиры. На этом кладбище похоронено свыше 2000 польских граждан, бывших в свое время духовной элитой страны, и расстрелянных нацистами в период 1939 – 1941 гг.:

Auf der einen Seite ***das Erinnern*** *an die Gräuel, die das nationalsozialistische Deutschland seinen Nachbarn während des Zweiten Weltkrieges angetan hat. Auf der anderen das freundschaftliche Miteinander, das sich seit dem Niedergang des Kommunismus in Europa entwickelt hat. Die beiden Szenen füllen zugleich einen Satz mit Leben, den Schröder in seiner Ansprache am Abend sagte: „****Erinnern*** *ist die Basis, um miteinander Zukunft gewinnen zu können – und die heißt Europa“.*

Die polnische Presse würdigte Schröders Besuch in Palmiry und ***das Gedenken*** *an die polnischen Opfer des Nazi-Terrors denn auch als Beweis dafür, dass auch die neue Generation deutscher Politiker, die den Krieg nicht unmittelbar erlebt hat, sich der Geschichte nicht entzieht. Sie wertete Schröders Geste in Palmiry in Anlehnung an den Kniefall Willy Brands vor dem Ehrenmal des Warschauer Ghettos 1970 als „Ergänzung und Zusammenfassung der historischen Gesten seiner Vorgänger“, er habe damit „symbolisch einen gewisse Lücke in dem gemeinsamen Gedächtnis gefüllt*“ [Schayan, 1999, S. 26].

Интенциональное состояние «воспоминание, память» выражено субстантивированными инфинитивами ***das Erinnern*** и ***das Gedenken***. В первом случае субстантивированный инфинитив ***das Erinnern*** несет грамматическое значение «процессуальность», т.е. протекающий процесс как память соседних народов Германии и Польши о зверствах, учиненных нацистскими преступникам во время Второй мировой войны. В границах

данного сверхфразового единства этот субстантивированный инфинитив потенциально может выражать акт завершенности этого процесса воспоминания, т.е. получать дополнительно грамматическое значение «состояния», как своеобразный ментальный ретроспективный взгляд в прошлое.

Во втором случае, отглагольному существительному в форме субстантивированного инфинитива ***das Erinnern*** придается грамматическое значение процессуальности (периодичности, повторяемости), свойственное глаголу (***sich***) ***erinnern*** как части речи. Именно этим фактом и обусловлено употребление субстантивированного инфинитива в данном фрагменте дискурса, в отличие от отглагольного существительного ***die Erinnerung***, которое в этом случае отражало бы сам факт наличия интенционального состояния памяти, воспоминания в сознании носителя языка.

Во втором отрывке интенциональное состояние выражено с помощью субстантивированного инфинитива ***das Gedenken***. В отличие от отглагольного существительного ***das Erinnern***, которое также обозначает интенциональное состояние памяти, воспоминания, данная лексема получает дополнительное эмотивное значение посредством положительной коннотации, а именно значение «память – почитание». Сигнификативное значение глагола ***gedenken*** представлено следующим образом: *an jmdn., etw. ehrend, anerkennend zurückdenken, erinnern und sich dementsprechend äußern* [Duden Deutsches Universalwörterbuch, 1989, S. 569].

Выражаемое Герхардом Шредером почитание памяти жертв нацистского режим эксплицировало другое интенциональное состояние воспоминания, а именно, воспоминание о жесте канцлера Вилли Брандта, вставшем на колени перед мемориалом в бывшем варшавском гетто в 1970 году. Данный публицистический текст как фрагмент дискурса имеет интенциональное значение «память – почитание (покаяние)» как память исторического прошлого немецкого народа, и получает интенциональное значение «память как покаяние», благодаря которому немецкий народ

помнит (постоянно вспоминает) о преступном нацистском прошлом Третьего рейха, но в то же время через это покаяние (возложение венков и пр.) и добрососедские отношения с соседними странами, намерен строить будущее Европы. Данное интенциональное значение раскрывает важные дискурсивные связи с другими значимыми историческими, и соответственно дискурсивными событиями.

В приведенном примере данная лексема в рамках дискурса выражает интенциональное состояние памяти, воспоминания, которое с одной стороны направлено в прошлое, но в то же время имеет определенный вектор направленности в будущее. Данный пример публицистического текста представляет собой достаточно уникальный случай выражения интенционального состояния. Он наглядно иллюстрирует идею Э. Гуссерля о так называемой «внутренней временности» (*innere Zeitlichkeit*), которая является универсальной формой существования интенциональных переживаний, и как подчеркивает Э. Гуссерль, «означает не только то всеобщее, что относится к любому отдельному переживанию, но и необходимую форму, связывающую одно переживание с другими» [Гуссерль, 1996, с. 20]. Такая форма внутренней временности позволяет интенциональным состояниям, выраженным в публицистическом тексте как фрагменте медиа-дискурса, указывать на некоторую социально-историческую связь интенциональных состояний во времени и формировать сложные структуры таких интенциональных переживаний, а также вскрывать онтологическую взаимосвязь между субъектом и объектом, социальной практикой и предметной действительностью в рамках дискурсивной парадигмы. Наличие такого атрибута интенциональных переживаний (состояний), как внутренняя временность, свидетельствует, прежде всего, о том, что только человек разумный (homo sapiens) способен придавать (приписывать) значение, в особенности интенциональное, предметам и положениям дел объективной действительности не только в настоящем, но в прошлом и будущем.

Таким образом, особенность данных существительных, представляющих субстантивацию глагола в форме инфинитива, заключается в том, что эти языковые единицы, несмотря на переход слова в другую часть речи при таком словообразовании, перенимают от глагола и сохраняют за собой статус глагольно-процессуальной лексемы.

2.4. Модальные слова как маркеры интенциональных состояний

Существенным признаком познавательной деятельности человека является тот факт, что мышление как высшая форма познания осуществляется в границах определенной установки или установок. Модальные слова, выступающие в качестве средств авторизации текста, с помощью которых персонифицируется автор, являются выражением установки говорящего по отношению к значимости положения дел. Они выражают различные степени уверенности субъекта речи (в том числе и письменной) в отношении предметов и положения дел объективной действительности. В качестве неизменяемой части речи, выражающей отношение высказывания к действительности, устанавливаемое субъектом речи, модальные слова указывают на достоверность, вероятность, возможность, необходимость, а некоторые их них выражают и субъективную оценку автора высказывания.

Фиксируя внимание на таком важном семантическом компоненте общего модального значения как экспликация субъекта речи с помощью модальных слов, Л.И. Василенко подчеркивает, что с введением модального слова в текст происходит «оживление» субъекта высказывания. Наряду с другими средствами авторизации, модальные слова эксплицируют образ «за текстом», т.е. субъект высказывания, который открывается читателю, адресату текста, благодаря модальным словам, прежде всего, в своей активной познавательной деятельности. Субъектно-оценочная модальность представляет собой модальность текстового плана, и в структуре текста модальные слова проявляют способность к расширению смысловых

отношений. Эксплицируемые с их помощью контекстуальные значения квалифицируются Л.И. Василенко как текстовые в сопоставлении с основным модальным значением достоверности/недостоверности факта. [Василенко, 1984, с. 78]. Современными германистами выделяются следующие семантические группы модальных слов [Гулыга, Натанзон, 2004, с.213]:

I. Собственно модальные слова (потенциальные или усилительные) –

а) предположительные, или потенциальные, модальные слова выражают различные степени достоверности, иногда оттенки сомнения, которому подвергаются все высказывания в целом: *angeblich, anscheinend, möglich, möglicherweise, vermutlich, vielleicht, scheinbar, schwerlich, wahrscheinlich, wohl* и др.

Модальные слова этой подгруппы являются средством выражения потенциальной модальности предложения.

б) усилительные модальные слова, подчеркивающие наличествующую модальность предложения: *durchaus, freilich, gewiss, natürlich, tatsächlich, sicher, sicherlich, selbstverständlich, unbedingt, wahrlich, zweifellos, zweifelsohne*. По значению к модальным словам этой группы приближаются устойчивые словосочетания, типа: *in Wirklichkeit, in der Tat , ohne Zweifel*.

II. Оценочные модальные слова, выражающие субъективную оценку высказывания: *hoffentlich, glücklicherweise, leider, törichterweise, unverständigerweise*.

Оценочные модальные слова не меняют модальности предложения. Они выражают лишь оценку всего высказывания говорящим:

III. *Модальные слова*, суммирующие все высказывания в целом, иногда уточняющие его: *allenfalls, eigentlich, jedenfalls, ohnehin, übrigens, überhaupt*

IV. Утвердительные и отрицательные модальные слова, выражающие утверждение и отрицание: *ja, jawohl, doch, nein, keineswegs*.

По мнению В.З. Панфилова [Панфилов, 1977] и В.Н. Бондаренко [Бондаренко, 1979], все модальные значения можно расположить на шкале,

на одном полюсе которой находится значение уверенности, на другом – предположения, а в промежутке – различная степень этих значений. Значение предположения отражает неполное знание субъекта речи, а значению уверенности соответствует знание полное. Предположение является одним из субъективно-модальных значений, отражающих степень познанности объективных связей, явлений.

Традиционно в большинстве языков мира выделяются два семантических разряда модальных слов: 1) модальные слова проблематической достоверности, 2) модальные слова категорической достоверности. Достоверность рассматривается в качестве понятия, характеризующего степень соответствия содержания предложения (суждения) объективной действительности с точки зрения субъекта мысли (говорящего, думающего или пишущего) [Бондаренко, 1979, с. 33].

В современном немецком языке модальное значение проблематической достоверности с оттенком наибольшего сомнения, максимальной неуверенности в достоверности сообщаемого выражается такими словами и словосочетаниями, как *kaum, schwerlich, unsicher, ungewiß, zweifelhaft, fraglich, wenig*. Вторую семантическую группу модальных слов составляют слова *möglich, womöglich, möglicherweise, vielleicht, hoffentlich, vermutlich,* передающие модальное значение проблематической достоверности с оттенком возможности.

Указывая в качестве служебных слов на достоверность содержания высказывания с точки зрения говорящего, модальные слова тем самым характеризуют степень достоверности знания отражаемых в содержании высказывания объективных связей и маркируют определенные интенциональные состояния:

15 Jahre später: Es gibt bis heute Westdeutsche, die noch nie einen Fuß in den Osten gesetzt haben und das ***vermutlich*** *auch nie tun werden* [Richter, 2004, S. 24].

Отрицание *nie*, стоящее в постпозиции по отношению к модальному слову ***vermutlich***, способствует тому, что в тексте формируется модальное значение проблематичной достоверности не с оттенком возможности, а с еще большей долей сомнения, неуверенности в том, что некоторые западные немцы (*Wessi*) будут дружественно относится к восточным немцам (*Ossi*). Модальное слово ***vermutlich*** маркирует интенциональное состояние предположения, в то же время социально-исторический контекст способствует тому, что данный фрагмент дискурса обнаруживает следующее интенциональное значение: проблема духовной разобщенности восточных и западных немцев на рубеже XX и XXI веков до сих пор актуальна, несмотря на историческое объединение ФРГ и ГДР в 1990 году.

В следующем фрагменте с помощью употребления модальных слов ***zweifellos*** и ***sicher*** автор выражает высшую категоричную степень уверенности в том, что положение экономики в ФРГ на данном этапе оставляет желать лучшего, и намерен передать это интенциональное состояние уверенности читателю:

Zweifellos *stimmen auch die Meldungen über den Niedergang ganzer Industrien und die hohe Arbeitslosigkeit.* ***Sicher*** *sind die neuen hochautomatisierten Werke nicht so personalintensiv, dass sie die Arbeitslosigkeit nachhaltig senken könnten* [Schumacher, 2005, S. 53].

В условиях современного политического и экономического кризисов, Евросоюз стал одной из самых непрозрачных организаций, и автор подчеркивает, что в этом нет никаких сомнений:

Insofern gehört die EU ***zweifellos*** *zu den höchst intransparenten Phänomenen, mit denen das politische Leben umzugehen hat* [Weidenfeld, 2013, S.34-35].

В качестве модального слова для категоричного подтверждения сообщения о том или ином факте, который воспринимается им как нечто закономерное, естественное, выступает лексема ***natürlich***:

Sie wollen wissen, was man daraus lernen oder vielleicht sogar noch besser machen kann. Deutschland ist ein Vorbild. Es gibt kein anderes. ***Natürlich*** *war und ist die Einheit teuer* [Schumacher, 2005, S. 53].

С помощью употребления данного модального слова автор объясняет естественность и закономерность возникновения трудной экономической ситуации в Германии, аппелируя к тому факту, что объединение Германии для ФРГ обошлось дорого. Но в качестве интенционального значения здесь, конечно, выступает интенция автора, который, как и многие западные немцы, намеренно подчеркивают тот факт, что ФРГ обладала более высоким уровнем экономического развития по сравнению с ГДР, в результате чего за счет налогоплательщиков ФРГ и происходило восстановление ГДР.

Следующий пример извлечен из текста, в котором речь идет о противостоянии Запада по отношению к Ближнему Востоку, исламу. Важную роль здесь сыграли объединение стран Запада в Европейский Союз и сотрудничество стран Европы и Америки в противостоянии терроризму с Ближнего Востока:

Gewiss*, ohne Schutz, den die USA und NATO gewährten, würde und könnte Europa heute nicht das sein, was es ist. Die Europäer meinen, dass die Vereinigten Staaten – und nur die Vereinigten Staaten – hierbei die Führungsrolle übernehmen können und sollten* [Ischinger, 2005, S. 32].

Вольфганг Ишингер, бывший посол Германии в Вашингтоне, не просто констатирует факт объединения этих стран вокруг общих проблем, но и с уверенностью подчеркивает статус ведущей роли США в этом межконтинентальном диалоге.

В следующем примере отрицательное модальное слово ***keineswegs*** служит для выражения более категоричного значения уверенности. Как показывает анализ центральной прессы ФРГ, многие авторы статей стремятся подчеркнуть тот факт, что Германия стремится дистанцироваться от своего нацистского прошлого, признавая эту историческую ошибку. На современном этапе исторического развития, когда в Европе полным ходом

идут процессы интеграции и глобализации, Германия стремится создать репутацию мирного, надежного соседа для сопредельных государств:

Auf der Weltbühne werden die Deutschen heute ***keineswegs*** *als „Nationalisten“, sondern als Europäer wahrgenommen, vermutlich sogar als die europäischsten Europäer; und zugleich als diejenigen, die gemeinsam mit der großen Mehrheit der VN davon überzeugt sind, dass die Welt viel Pole und Machtzentren habe und haben müsse – selbst wenn nur die USA über die Macht und Militärkraft verfügen, die die VN brauchen, um wirklich wirksam zu sein* [Hofmann, 2005, 9].

Модальные слова коренным образом отличаются от других частей речи также по своей синтаксической функции. Они не выступают в качестве отдельного члена предложения, а относятся ко всему высказыванию и в тоже время они не относятся также ни к одному из членов предложения в отдельности. Тем самым те интенциональные состояния, которые они маркируют, будут выражены и сверхфразовым единством в публицистическом тексте как фрагменте дискурса. Модальные слова, отражающие спектр различных модальных значений (уверенности, сомнения, предположения, неуверенности, и т.п.), получают дополнительные контекстуальные значения, каузируемые социально-историческим контекстом, отраженным через социальную практику в данном тексте. Субъективно-модальная оценка в виде разнообразных модальных слов, наряду с другими языковыми средствами, является важным источником информации о различных интенциональных состояниях автора текста. Посредством употребления модальных слов в публицистическом тексте через модальные значения могут быть вербализованы самые различные интенциональные состояния, присущие автору текста как представителю данной языковой общности.

Одним из важных дискурсивных событий для политической жизни ФРГ стали разоблачения бывшего сотрудника ЦРУ Эдварда Сноудена в июне 2013 года, раскрывшего существование XKeyscore – секретной программы

компьютерного слежения, которое осуществляется Агентством национальной безопасности США. Она предназначена для слежения за иностранными гражданами во всем мире, осуществляет деятельность с помощью более чем 700 серверов, расположенных в США и на территории стран-союзников США, а также в посольствах и консульствах США в нескольких десятках стран:

Sicher *ist, dass XKeyscore, das Spähprogramm, mit dem BND und Amerikaner arbeiten, sehr weitreichende Möglichkeiten bietet. Es gehört wohl zu den größten Kostbarkeiten aus dem Arsenal der US-Lauscher* [Gude, Hammerstein, Müller, Schindler, 2013, S.21].

В результате этих разоблачений выяснилось, что были нарушены права граждан ФРГ:

Fraglich *ist auch, ob die massenhafte Datenerhebung und -weitergabe an einen fremden Geheimdienst ohne weiteres mit deutschem Recht vereinbar ist. "Das Gesetz erlaubt dem BND zwar, von Deutschland aus den internationalen E-Mail- und Telefonverkehr zu überwachen", sagt der Jurist Niko Härting, der an der Berliner Hochschule für Wirtschaft und Recht lehrt, "die millionenfache Abschöpfung von Verbindungsdaten sieht es aber nicht vor."* [Gude, Hammerstein, Müller, Schindler, 2013, S.22].

Таким образом, указывая в качестве служебных слов на достоверность содержания высказывания с точки зрения говорящего, модальные слова тем самым характеризуют степень достоверности знания отражаемых в содержании высказывания объективных связей. Данные лексические единицы выражают различные степени уверенности и маркируют широкий спектр интенциональных состояний, актуализируемых в современных публицистическом тексте как фрагменте медиа-дискурса.

2.5. Грамматические средства выражения интенциональных состояний

Понятие интенции и интенциональности являются центральными в тех современных лингвистических трудах, которые исследуют речевую деятельность и имеют непосредственное отношение к лингвистической

семантике и прагматике. Как считает, М.В. Никитин, понятие интенции существенно для разграничения знаковых и незнаковых явлений. Для определения знака важно, что он интенционален и у него есть отправитель, он предполагается еще в большей степени, чем получатель. Как подчеркивает этой ученый, подлинный «знак интенционален, т. е. реализует информационно-коммуникативное намерение использующего его отправителя. Однако интерпретатора (наблюдателя) еще недостаточно, чтобы значимое для него событие считать знаком. Вещи и события продвигаются в сторону знака, когда за ними стоит намеренное их использование с целью актуализировать в сознании наблюдателя связанные с ними импликации» [Никитин, 1997, с. 11].

Проблема определения набора языковых средств выражения интенциональности представляется довольно сложной. Интенциональные состояния могут содержаться в терминах модуса, субъективной и объективной модальности, оценочной коннотации, пресуппозиции и т. д. Одним из первых отечественных лингвистов, предпринявшим попытку исследования феномена интенциональности в грамматике можно назвать А.В. Бондарко [Бондарко, 1994].

Особенностью исследования интенциональности в работах А.В. Бондарко является то, что он впервые применил понятие интенциональности по отношению к грамматическим категориям различных частей речи. Грамматическая категория является единицей языка как определенной системы (кода), а не единицей речевого отрезка. Поэтому грамматическая категория соотнесена, прежде всего, с парадигматической осью, она представляет собой определенную модель – построение, которое отражает речевые факты [Брусенская, Курочкина, 2001, с. 76].

Как отмечает А.В. Бондарко, здесь имеется в виду «связь семантических функций грамматическим форм с намерениями говорящего, с коммуникативными целями речемыслительной деятельности, способность содержания, выражаемого данной формой (во взаимодействии с ее

окружением, т. е. средой), быть одним из актуальных элементов речевого смысла [Бондарко, 1994, с. 29]. По его мнению, предлагаемая интерпретация функций грамматических форм в их отношении к признаку интенциональности не относится к теории речевых актов. Он пишет: «Мы не оперируем понятиями локутивного, иллокутивного и перлокутивного акта. Проводимый нами анализ включает своего рода проекцию на коммуникативные цели высказывания (например, при описании видовых функций учитывается направленность высказывания на изображение процессов или на самую общую информацию о факте). Новым здесь является особый акцент на вопросах «для чего говорящий употребляет данную форму?» «что он хочет выразить?» [Бондарко, 1994, с. 30].

Таким образом, А.В. Бондарко трактует понятие интенциональности в особом аспекте. Предметом анализа являются не сами по себе коммуникативные цели высказывания, а семантические функции грамматических форм в их отношении к смысловому содержанию высказывания, к тому, что имеет в виду и хочет выразить субъект определенного высказывания. В фокусе исследования здесь оказываются отношения обозначаемых ситуаций к смыслам, реализуемые функциональными потенциями конкретных грамматических форм (форм вида, времени, наклонения, лица, залога, числа, падежа и т.п.) в высказывании.

В рамках такой интерпретации понятие интенциональности в предлагаемой интерпретации включает два аспекта: аспект смысловой информативности (актуальности) – имеется в виду способность данной функции быть элементом выражаемого смысла; аспект связи с намерениями говорящего, т.е. с тем, что он намерен выразить в данных условиях коммуникации, – аспект «собственно интенциональный». А.В. Бондарко подчеркивает тесную взаимосвязь этих аспектов, поскольку смысловая информативность данного грамматического значения является необходимым условием его использования в речи (при взаимодействии системного

значения грамматической формы с элементами внутриязыковой и внеязыковой среды) для реализации намерений говорящего [Бондарко, 1994, с. 31].

Важным положением данной концепции интенциональности в грамматике является то, что она пытается исследовать отношение грамматического значения к объективным аспектам смыслового содержания, выражаемого языковыми средствами. При этом в центре внимания остаются ментальные процессы, отраженные в речевой деятельности субъекта, т.е. речь идет об отношении грамматического значения к интенции как речевому замыслу и субъективному смыслу.

Использование в одной речевой цепи двух или более частных грамматических форм, представляющих одну категорию, всегда бывает следствием их интенционального употребления с целью создания экспрессивности всего высказывания [Брусенская, Курочкина, 2001, с. 76].

Следствием интенционального воздействия двух или более грамматических форм также является их употребление в одной речевой цепи. Особенно продуктивно при этом движение от частного грамматического значения единственного числа к частному грамматическому значению множественного числа: *Die Bernauer Straße trennt den Bezirk Wedding, altes Westberlin, von Mitte, das zu Ostberlin gehörte. Und die paar Meter trennen hier immer noch, bis heute!* ***Welten*** [Richter, 2004, S.23].

Или:

Neun Jahre nach der Wiedervereinigung leben die Deutschen in Ost und West noch immer ***in zwei verschiedenen Welten*** *nebeneinander her. Sie rauchen verschiedene Zigarettensorten, trinken unterschiedliche Weine, essen verschiedene Suppen, schauen andere Programme im Fernsehen, lesen verschiedene Zeitungen. Unsichtbar besteht zugleich in den Köpfen die Mauer fort* [Sommer, 1999, S. 9].

В словарной статье к лексеме ***die Welt*** в универсальном словаре Duden Deutsches Universalwörterbuch во всех значениях этого слова не предусмотрено употребление формы множественного числа. В Большом

словаре Langenscheidt [Langenscheidt, 1997] встречается форма употребления множественного числа слова ***die Welt*** в значении противопоставления, например *Welten liegen zwischen ihnen* (букв. миры лежат между ними, т.е. они абсолютно разные). Следующие примеры – яркое подтверждение данного постулата:

Am 9. November 1989 fiel die Berliner Mauer. Elf Monate später, am 3. Oktober 1990, wurde Deutschland wieder vereinigt. Ein Wunder ist dies nicht. Wie hätte es denn anders sein können? Die Deutsche Demokratische Republik ist vergangen. Auch die alte Bundesrepublik Deutschland ist nicht mehr. Aber die Geschichte der vierzig Jahre Teilung wir uns Deutschen noch lange anhängen. Die zwei deutschen Identitäten, in fast einem halben Jahrhundert gewachsen, lassen sich weder einfach abstreifen noch locker in eins rühren. Nach der langen Zeit der Spaltung haben beiderlei Deutsche ganz unterschiedliche Biographien, unterschiedliche Reflexe, unterschiedliche Verhaltensweisen im Alltag. Vor allen Dingen haben sie bis heute ganz verschiedene Lebensprobleme. Nur langsam und mühsam entsteht die gemeinsame ***Welt****. Dies gilt für die komplizierte* ***Welt*** *der Wirtschaft. Es gilt aber erst recht in der* ***Welt*** *des Mentalen und des Sentimentalen* [Sommer, 1999, S. 6].

Die verschiedenen Gedanken- *und* ***Gefühlswelten*** verschmolzen in eins. [Sommer, 1999, S.10].

В обоих примерах следует подчеркнуть особое употребление лексемы ***die Welt*** в форме множественного числа, т.е. ***Welten***, что означает различные миры, души людей.

Также возможно встретить достаточно оригинальное использование атрибутивного словосочетания, отклоняющегося от нормы:

Das glückliche Ende dieses Kalten Krieges, das Wunder des Mauerfalls sind einem manchmal schon verdammt fern, seit im Alltag wieder ganz profan das Geld bestimmt, wie die ***deutsch-deutsche*** *Stimmung so ist. Und die ist eben: auf hohem Niveau gereizt* [Richter, 2004, S.24].

Модель подобных авторских составных прилагательных в современном немецком языке означает противопоставление – автор намерен показать, что, несмотря на объединение ФРГ и ГДР в 1990 году, в душах (мирах, настроении) простых граждан Германии до сих пор нет места чувству национального единства.

Одним из аспектов дифференциации понятия модальности является противопоставление субъективной и объективной модальности. Объективная модальность представляет собой одну из категорий, формирующих предикативность, входит в обязательное грамматическое значение предложения и выражает отношение сообщаемого к действительности в плане реальности/ирреальности. Основным средством оформления модальности здесь является категория глагольного наклонения. На синтаксическом уровне объективная модальность представлена противопоставлением форм изъявительного наклонения (*der Indikativ*) формам ирреальных наклонений: сослагательного (*der Konjunktiv*) и повелительного (*der Imperativ*). Категория изъявительного наклонения включает в себя объективно-модальные значения реальности. Через соотношение форм индикатива содержание сообщения может быть отнесено в один их трех временных планов – настоящего, прошедшего и будущего.

Семантика повелительного и сослагательного наклонения, непосредственно связанная с коммуникативными целями высказывания и намерениями говорящего, характеризуется высокой степенью интенциональности. Изъявительное наклонение выступает в данном случае как немаркированная форма [Бондарко, 1994].

В рамках индикатива возможно выделить грамматические формы, соотношение которых могут выражать интенциональность. Интенциональность семантических форм времени может быть вербализована в условиях явно выраженного противопоставления временных планов с точки зрения момента речи. В качестве грамматических средств выражения интенциональности могут выступать выделяемые О.И. Москальской так

называемые устойчивые словосочетания с грамматической направленностью или грамматизированные устойчивые словосочетания. Они образуют особый тип словосочетаний, поскольку наряду с устойчивыми словосочетаниями, эквивалентными слову и образующими фразеологию языка, умножают не номинативные средства языка, а средства выражения различных грамматических значений – в первую очередь модальности, времени, вида [Москальская, 1961, с. 87]. К таким словосочетаниям относятся конструкции *haben+zu+Infinitiv* и *sein+zu+Infinitiv,* имеющие модальное значение и входящие в состав модального поля в качестве одного из конституентов [Гулыга, Шендельс, 1969, с. 75]. Как считают некоторые исследователи, подобные соединения не могут относиться к словосочетаниям, поскольку последние должны состоять из полнозначных слов [Зеленецкий, Новожилова, 2003, с.261]. Данные словосочетания, характеризующиеся высокой степенью устойчивости и идиоматизма, образуют замкнутый ряд, так как в качестве первого компонента всегда выступают глагол *haben* или глагол *sein,* определяющие устойчивость этого типа словосочетаний.

Воспроизводимость первого, формализующего компонента словосочетания, при бесконечной переменности второго является элементом грамматизации у словосочетаний этого типа. Как подчеркивает О.И. Москальская, грамматический и лексический идиоматизм этих конструкций обусловлен тем, что ни лексическое значение, ни форма каждого из компонентов словосочетания не содержит в себе модального значения необходимости или возможности, поскольку это значение является грамматическим значением только всего словосочетания [Москальская, 1961, с. 90]. Именно сдвиг лексического и грамматического значения обеспечивает рассмотренным аналитическим формам и грамматизованным устойчивым словосочетаниям грамматичность выражения модального, временного, залогового значения и конституирует их как особые структурные единицы.

В силу своей синтаксической неразложимости данные словосочетания выступают как один член предложения. В них значение времени, залога,

модальности, выражено не лексемами, входящими в состав словосочетания, а самой моделью словосочетания или аналитической формы. О.И. Москальская также отмечает, что устойчивые словосочетания с грамматической направленностью обладают лексическим и грамматическим идиоматизмом. Лексический идиоматизм проявляется у грамматизованных словосочетаний в таком изменении значения первого компонента, когда слово, оставаясь в разряде полнозначных, становится в отдельности непереводимым и осмысляется в целом не в плане номинации, а как конструктивный элемент модели, выражающей грамматическое значение модальности, времени и вида. Грамматический идиоматизм заключается в утрате компонентами словосочетания собственного первоначального грамматического значения и в развитии у данной модели грамматического значения, невыводимого из грамматического значения компонентов словосочетания [Москальская, 1961, с. 92-93].

Auf die Positiv-Variante setzen seine Mitarbeiter deshalb all ihre Hoffnung: Die europäische Krise lenkt von den innenpolitischen Problemen ab, als Retter Europas kann Schröder neues Profil und neue Zustimmung gewinnen. Sollte die Verfassung an den Franzosen scheitern, gibt es in der EU nur einen einzigen Staatsmann, der einen Ausweg aus der Krise weisen kann – den deutschen Kanzler. Vom Britten Tony Blair, dessen Landsleute europaskeptisch wie wenige andere sind, ***ist*** *eine Initiative zur Rettung der Verfassung nicht* ***zu erwarten*** [Krumpey, Pörtner, Wiegold, 2005, S. 30].

В данном фрагменте дискурса пропозициональное содержание, содержащее знания о мире (положение дел в объективной действительности) эксплицировано таким важным дискурсивным событием, как принятие конституции Европейского союза. Устойчивое сочетание ***ist … zu erwarten*** в рамках данного фрагмента модальное значение необходимости, поскольку очевидно, что от англичан не следует ожидать инициативы по спасению проекта конституции. Данное значение формируется не только языковыми

средствами, но и посредством социальных (неязыковых) знаний, транслируемых в этом тексте.

В следующем фрагменте медиа-дискурса речь идет о присутствии вооруженных сил ФРГ в конфликтном регионе – Афганистане:

Das PRT ist die praktische Umsetzung des „erweiterten Sicherheitsbegriffs“, eines Leitmotivs der deutschen Außenpolitik: Sicherheit ***ist*** *demnach heute weniger denn je nur mit militärischen Mitteln* ***zu gewährleisten*** *als vielmehr durch präventive Konfliktregelung, wirtschaftliche Zusammenarbeit, das Schaffen sozialer Sicherheit und das Eintreten für Menschen – und Minderheitenrechte* [Steinle, 2004, S. 9].

При этом автор подчеркивает, что основная цель этого присутствия – защита прав человека и безопасность, поэтому достигать эти цели нужно не столько с помощью военных средств, сколько посредством превентивной работы.

При этом войскам приходится сталкиваться с вооруженными формированиями, поэтому нельзя исключать различные эксцессы:

Lokale Kriegsherren leiteten Wasserläufe um oder besetzten Felder – wenn nötig mit Waffengewalt. Bönisch versucht, in solchen Fällen zu vermitteln. Seine 8 Pick-Ups sind von früh bis spät unterwegs. Zwischenfälle ***sind*** *selten, aber nie* ***auszuschließen*** [Steinle, 2004, S.10].

Последующий пример связан с важным дискурсивным событием – разработкой пакета реформ AGENDA 2010 в ФРГ, инициатором которых стал Герхард Шредер:

Was ***ist*** *eigentlich* ***zu modernisieren****? Die „Agenda 2010“ kann als Versuch gelten, am deutschen Arrangement zu ändern, das für die Ewigkeit zu funktionieren schien. Den Schulen wird nicht genug Aufmerksamkeit gewidmet. Junge Ehepaare verzichten aus Karrieregründen häufiger als anderswo auf Kinder. Deutschland wird älter. Die demographischen Kurven verraten, dass der Sozialstaat von den Jüngeren nicht mehr* ***zu finanzieren ist****.* [Hofmann, 2004, S. 6].

В первом случае актуализировано значение необходимости модернизации многих сфер в ФРГ, но в заключении автор приходит к выводу, что социальное государство не может быть профинансировано со стороны молодого поколения.

В итоге реформы оказались не совсем состоятельными:

*Weil daheim weitere Reformen weder mit der eigenen Partei noch mit der Opposition durch**zu**setzen sind,* ***will*** *Schröder nun mit einem außenpolitischen Feuerwerk Eindruck* ***machen****. EU, Uno, Russland, auch Amerika – überall wird der Kanzler in den nächsten Monaten seine Visitenkarte abgeben und retten, was* ***zu retten ist*** *– für die Welt und für sich* [Krumpey, Pörtner, Wiegold, 2005, S.28].

Герхарду Шредеру не удалось осуществить реформы ни с собственной партией, ни с оппозицией, и он занялся политическим «внешним» имиджем, т.е. решил произвести впечатление с помощью внешнеполитического фейерверка.

По мнению А.В. Баклушина, данные сочетания являются аналитическими образованиями, и их следует рассматривать на фоне грамматической категории наклонения. Они выражают не коммуникативно-грамматическую модальность, а логико-грамматическую. Причем грамматическое значение необходимости они выражают чаще, чем грамматическое значение возможности [Баклушин, 1989, с.112].

Значение, которое будут получать данные сочетания целиком и полностью зависит и от социально-исторического контекста, отраженного в том или ином публицистическом тексте как фрагменте дискурса. Эти устойчивые словосочетания как таковые не могут выражать какие-либо интенциональные состояния, но когда в рамках данных конструкций будут встречаться интенциональные глаголы, то помимо обозначения определенного интенционального состояния, они будут получать дополнительное значение возможности / необходимости в тексте. Данные устойчивые словосочетания как таковые не могут выражать какие-либо интенциональные состояния, но когда в рамках данных конструкций будут

встречаются интенциональные глаголы, то, безусловно, помимо обозначения определенного интенционального состояния, они будут получать дополнительное значение возможности / необходимости в тексте.

2.6. Транспозиции форм презенса и интенциональное значение

Особые условия для актуализации грамматической семантики возникают при переносном употреблении грамматических форм (при транспозиции). Каждая форма может получать в контексте дополнительные значения, если она переходит из своей собственной сферы употребления в сферу другой временной формы [Шендельс, 1979, с. 41].

В современном немецком языке можно выделить особые грамматические формы настоящего времени, создающие необходимые условия для этого. Например, образная актуализация прошлого может возникать при употреблении форм настоящего времени в функции настоящего исторического (*historisches Präsens zur Bezeichnung eines vergangenen Geschehens – исторический презенс*). Такая форма презенса в хрониках и исторических обзорах выполняет констатирующую функцию [Schmidt, 1967, S. 217]:

Der friedlich am Baum sitzende Serbe ***wird überfallen*** *– 1914 von deutschen Pickelhauben, 1941 von Deutschen mit Hakenkreuz am Helm und 1998 von der deutschen Bundeswehr, die sich diesmal hinter terroristischen Albanern versteckt* [Oschlies, 1999, S. 22].

Употребление исторического презенса направлено на актуализацию в сознании адресата непосредственного переживания событий, произошедших в прошлом (например, падение Берлинской стены), тем самым способно каузировать интенциональное состояние «воспоминания, памяти»:

Der Abend des 9. November 1989: In Berlin ***fällt*** *die Mauer – und mit ihr die Grenze, die Deutschland 28 Jahre lang teilte. Tausende DDR-Bürgerinnen und -Bürger* ***eilen*** *noch in der Nacht an die Grenze zu Westberlin. Es gibt keinen offiziellen Befehl, trotzdem* ***öffnen*** *Grenzsoldaten die Übergänge. Wildfremde Menschen aus Ost und West* ***fallen sich*** *in die Arme,* ***feiern*** *gemeinsam die*

Öffnung der Mauer. Deutschland ***erlebt*** *eine Nacht im Freudentaumel, eine Nacht, die die Welt verändert* [Richter, 2004, S. 25].

Дальнейшее развертывание данного публицистического текста как фрагмента дискурса показывает, что повествование осуществляется сначала в форме времени *Plusquamperfekt*, а затем в форме *Imperfekt*.

Was ***war geschehen****? Am 9. November, kurz vor 19 Uhr* ***hatte*** *Günter Schabowski, Mitglied des SED-Politbüros, auf einer internationalen Pressekonferenz vor laufenden Kameras stockend einen neue, freizügige Ausreiseregelung bekannt* ***gegeben****. Auf eine Nachfrage* ***erklärte*** *Schabowski, dies trete nach seiner Kenntnis „sofort, unverzüglich" in Kraft. Diese Nachricht war von der DDR-Regierung so gar nicht autorisiert,* ***verbreitete sich*** *nun aber blitzartig in der ganzen DDR und* ***löste*** *die Öffnung der Grenzübergänge in Berlin aus: Die Mauer* ***fiel*** [Richter, 2004, S. 25].

В противопоставлении к этим временным планам, указывающим на события более далекого прошлого, данная форма исторического презенса выполняет задачу вызвать у адресата оживленное ясное представление (*lebhaften Vergegenwärtigung*) [Schmidt, 1967, S. 218].

Употребление автором данной транспозиции позволяет «погрузить» читателя в атмосферу событий 1989 года и вместе с жителями ФРГ и ГДР непосредственно пережить в «режиме реального времени» (исторический презенс) такое знаковое событие в истории Германии, как падение Берлинской стены. Как подчеркивает С. Данто, «предположение о том, что прошлое верифицируемо, означает, что в любой момент, после того как событие произошло, всегда существует нечто такое, что, по крайней мере, может переживаться в опыте и посредством чего это событие может быть познано» [Данто, 2002, с. 44].

В следующем примере представлено дискурсивное событие, отражающее важный этап в истории ФРГ – экономическую реформу 1948 (Währungsreform 1948), осуществленную Людвигом Эрхардом, и известную как «экономическое чудо» (*Wirtschaftswunder*):

Währungsreform 1948**: Es **gibt** noch kein Gesetz, kein Parlament und keine Regierung, als jeder Deutsche mit 40 Mark Kopfgeld in die neue Zeit **startet [Wolf-Doettinchem, 1998, S. 26].

Исторический презенс может встречаться в публицистических текстах в хроникальной форме. Наглядный пример употребления исторического презенса в хрониках можно встретить в статье Мартина Орта, посвященной созданию легендарного немецкого шоколада *Ritter Sport* [Orth, 2010, S. 24]:

***1912** – Alfred Eugen Ritter und Clara Ritter, geb. Göttle, gründen die Schokolade- und Zuckerwarenfabrik in der Inneren Moltkestraße in Bad Cannstatt, Stuttgart. 1930 zieht das expandierende Unternehmen nach Waldenbuch.*

***1932** – Clara Ritter schlägt im Familienkreis vor, eine quadratische Schokoladentafel zu produzieren. Ihr Argument: „Machen wir doch eine Schokolade, die in jede Sportjackentasche passt“.*

***1990** – Ritter Sport baut in Nicaragua die Initiative „Cacaonica“ für den biologischen Anbau von Kakao auf, den das Unternehmen zum Weltmarktpreis plus Fair-Trade-Aufschlag abnimmt.*

***2010** – Ritter Sport eröffnet in der Französischen Straße in Berlin-Mitte die „Bunte Schokowelt“, wo Besucher die Produkte kosten und ihre persönliche Schokolade kreieren können.*

Особой формой исторического презенса (*Präsens historicum*) является так называемый сценический презенс (*das szenische Präsens*). Сценический презенс выступает в качестве драматической формы повествования о событиях прошлого, и придает высказыванию или определенном отрывку из текста дополнительную экспрессивную окраску, за счет таких явлений, как, например, прямая речь:

*Eine 76-jährige bricht in Hannover zusammen und wird ins Krankenhaus eingeliefert. Leichter Herzinfarkt und Schlaganfall lautet die Diagnose. Eigentlich bräuchte die Patientin einen Herzschrittmacher. Doch dann sehen die Ärzte ihre Kassen-Chipkarte und winken ab: **„Diese Jahr nicht mehr, unser Budget ist ausgereizt“*** [Wedemeyer, Heier, Ochmann, Wagner, 1996, S. 22].

Автор статьи подвергает резкой критике реформы здравоохранения, разработанной министром Зеехофером. Сценический презенс с прямой речью в режиме «реального времени» на примере 76-летней пожилой женщины, пережившей приступ, демонстрирует то, что могут ожидать остальные граждане ФРГ от такой реформы. Посмотрев на ее карту медицинского страхования, и отказавшись ее оперировать в этой клинике, врачи мрачно заключают: «*Только не в этом году, наш бюджет трещит по швам*».

Как утверждает Й. Эрбен, при рациональном, осмысленном употреблении сценического презенса, выражение получают кульминационные пункты происходящего (*Höhepunkte des Geschehen*), словно читатель сам принимает участие в этих событиях прошлого. При этом речь идет именно об «оживленном представлении о ситуациях или действиях, а не просто о расположении событий прошлого во времени» [Erben, 1967, S. 47]:

Die Stunde, in der sich für ihn das Geschichtsbuch öffnete, kennt Helmut Kohl genau. Am 19. Dezember 1989, spätnachmittags, einem nasskalten Tag. Hunderttausend ***drängen sich*** *vor der düsteren Ruine der Dresdner Frauenkirche, „Einheit, Einheit“,* ***skandieren*** *sie und „Deutschland, Deutschland“ beschwören den Mann, der von einer Holztribüne herunter* ***spricht*** *– „Helmut, Helmut“. Ein bei Bismarck geliehenes Wort kommt ihm in den Sinn, später wird er es Michail Gorbatschow zitieren: „Man kann nicht selber etwas schaffen, man kann nur abwarten, bis man den Schritt Gottes durch die Ereignisse hallen hört; dann Zipfel seines Mantels fassen – das ist alles“*[Müller, 1996, S. 30].

Актуализация будущего возникает при употреблении форм настоящего времени для обозначения будущего события (*Präsens futuralis / Präsens zur Bezeichnung des zukünftigen Geschehens*). Использование автором данной грамматической формы может актуализировать в сознании читателя такие интенциональные состояния, как надежда, вера, уверенность:

Wenn am 1. Mai zehn weitere Länder der Europäischen Union ***beitreten****,* ***bedeutet*** *dies mehr als ein bloßes Anwachsen der Gemeinschaft auf 450 Millionen*

Bürgerinnen und Bürger. Das Datum ***markiert*** *die Überwindung der Teilung eines Kontinents und* ***steht*** *für die Stärkung von Demokratie und Wirtschaftskraft. Eine beispiellose Erfolgsgeschichte.*

Noch nie in seiner langen Geschichte war Europa so geeint, wie es mit dem 1. Mai 2004 sein wird. Die Öffnung für die neuen Mitglieder aus Ostmitteleuropa und dem Mittelmeerraum war die Antwort der Europäer auf die historische Zäsur des Winters 1989/90, als die selbst ernannten Volksdemokratien und Planwirtschaften zerfielen [Janning, 2004, S.8].

Geburtsstunde von Euroland: Am 1. Januar 1999 ***entsteht*** *ein Währungsraum von elf Nationen, in dem 291 Millionen Menschen leben. In barer Münze* ***rollt*** *der Euro zwar erst im Jahre 2002, doch bargeldlos* ***ist*** *das gemeinsame Geld von elf Nationen schon mit Beginn des neuen Jahres europäische Wirklichkeit* [Günther, 1998, S.24-25].

Das Nordatlantische Verteidigungsbündnis (NATO) ***feiert*** *Anfang April seinen 50-sten Geburtstag* [Müller, 1999, S.14].

Грамматические формы времени играют важную роль не столько с точки зрения их интенционального использования в рамках системоцентричного подхода к языку, а как уникальные языковые средства немецкого языка, с помощью которых в сознании носителя немецкого языка могут быть актуализированы определенные интенциональные состояния, имеющие направленность как в прошлое, так и в будущее (что свойственно только человеку), способствующие возникновению в сознании интенциональных переживаний социально-исторического опыта нации. Более того, посредством употребления этих форм возникает возможность трансляции исторического опыта нации посредством вербализации таких интенциональных переживаний. С помощью разноуровневых средств системы языка человек способен приписывать значение не только предметам и положениям дел в настоящем, но также в прошлом и будущем, что характеризует его как уникальную интенциональную систему высшего порядка.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Интенциональный подход, разработанный для анализа интенционального значения, формирующегося в публицистическом тексте как фрагменте медиа-дискурса, базируется на понятии «интенциональность». Интенциональность трактуется как основополагающая структура сознания, включающая в себя комплекс ментальных состояний, направленных на объекты и положения дел в мире. Интенциональные состояния характеризуют личность как интенциональную систему высшего порядка: они выражают предметную направленность переживаний сознания человека как субъекта познания и носителя языка, и соотносят эти переживания с предметами опыта. Социальная природа интенциональных состояний заключается, прежде всего, в том, что их существование возможно исключительно при условии участия личности в социальных практиках, что объясняет интенциональный характер поведения человека, навыки которого он приобретает в процессе онто- и филогенеза в рамках сознательной жизнедеятельности в социуме. Таким образом, интенциональность выражает предметную направленность переживаний сознания человека и понимается как смыслообразующая величина: посредством вербализованного интенционального акта носитель языка придает определенное значение объективной действительности.

На основе интенционального подхода становится возможным анализировать публицистический текст в качестве фрагмента медиа-дискурса, представляющего собой особый способ материализации социальных запасов знаний. Знания определяются как все виды значений, с помощью которых представители данной языковой общности истолковывают окружающую их объективную действительность и приписывают ей определенные значения. В качестве единицы анализа публицистического текста как фрагмента медиа-дискурса выступает сверхфразовое единство. Сверхфразовое единство, как совокупность высказываний, состоящих из цепочки взаимосвязанных предложений,

объединенных вокруг одной темы, представляет собой вербализуемый в публицистическом тексте интенциональный акт, который эксплицирует определенное пропозициональное содержание, являющееся объектом интенционального состояния. Данный интенциональный акт устанавливает связь между интенциональным состоянием и интенциональным объектом. Пропозициональное содержание, в качестве необходимого условия наличия интенциональных состояний личности, актуализируется дискурсивными событиями, отражающими фрагмент социальной практики языковой общности на определенном этапе ее исторического развития. Дискурсивные события маркируются в публицистическом тексте лексическими единицами, значения которых имеют внешнеязыковую соотнесенность.

Публицистический текст как фрагмент медиа-дискурса, являясь особым способом материализации социальных запасов знаний, выступает в качестве глобального языкового знака, получающего на определенном этапе исторического развития языковой общности актуальное в данный момент интенциональное значение. Более того, в публицистическом тексте может быть вербализовано не только определенное интенциональное состояние автора как представителя данного социума и носителя языка, но интенциональное состояние целой нации.

Интенциональное значение, которое формируется в публицистическом тексте как фрагменте медиа-дискурса, представляет собой онтологически важное связующе звено в соотношении категорий индивидуального и социального. Оно не принадлежит исключительно субъекту высказывания, формируется не только автором текста, но и всей социальной практикой. Денотатом интенционального значения является интенциональный предмет, который потенциально может быть представлен в сознании носителя языка множеством интенциональных содержаний (значений), но актуально, только одним, т.е. при вербализации интенционального состояния в публицистическом тексте на данном этапе исторического развития языковой общности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Адамец, П.О. О семантико-синтаксических функциях девербативных и деадъективных существительных / П.О. Адамец // Филологические науки. – 1973. – №4.

Адмони, В.Г. Статус обобщенного грамматического значения в системе языка / В.Г. Адмони // Вопросы языкознания. – 1975. – №1.

Адмони, В.Г. Структура грамматического значения и его статус в системе языка / В.Г. Адмони // Структура предложения и словосочетания в индоевропейских языках. – Ленинград, 1979.

Алмаев, Н.А. Интенциональные структуры естественного языка: экспериментальное исследование / Н.А. Алмаев // Психологический журнал. – 1998. – Т.19. – №5.

Алпатов, В.М. Об антропоцентричном и системоцентричном подходах в языкознании / В.М. Алпатов // Вопросы языкознания. – 1993. – №3.

Анисимова, Е.Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованых текстов) / Е.Е. Анисимова. – М., 2003.

Апель, К.-О. Лингвистическое значение и интенциональность: соотношение априорности языка и априорности сознания в свете трансцендентальной семиотики или лингвистической прагматики / К.-О. Апель // Язык, истина, существование. – Томск, 2002.

Арош, К., Анри, П., Пешё, М. Семантика и переворот, произведенный Соссюром: язык, речевая деятельность, дискурс / К. Арош, П. Анри, М. Пешё // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. – М.,1999.

Арутюнова, Н.Д. О номинативном аспекте предложения / Н.Д. Арутюнова // Вопросы языкознания. – 1971. – №6.

Арутюнова, Н.Д. «Полагать» и «видеть» (к проблеме смешанных пропозициональных установок) / Н.Д. Арутюнова // Логический анализ языка. Проблемы интенсиональных и прагматических контекстов. – М., 1989.

Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – М., 1999.

Бабушкин, В.У. Феноменологическая философия: Критический анализ / В.У. Бабушкин. – М., 1985.

Багдасаров, Р.В. Свастика: священный символ. Этнорелигиоведческие очерки / Р.В. Багдасаров. – М., 2002.

Баклушин, А.В. Аналитичность и флективность в системе и тексте (на материале современного немецкого языка) / А.В. Баклушин. – Иркутск, 1989.

Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Немецко-русский и русско-немецкий словарь лингвистических терминов (с английскими эквивалентами). Том 1. Немецко-русский словарь лингвистических терминов / А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский. – М., 1993.

Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Немецко-русский и русско-немецкий словарь лингвистических терминов (с английскими эквивалентами). Том 2. Русско-немецкий словарь лингвистических терминов / А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский. – М., 1993.

Барбашов В.П., Станиславский Д.Н. Лингвофилософский аспект вербализации исторической памяти немцев в современном медиа-дискурсе ФРГ на рубеже XX-XXI вв. / В.П. Барбашов, Д.Н. Станиславский // Мир науки, культуры, образования. – 2018. – №1(68).

Барбашов В.П., Станиславский Д.Н. Учения В. Фон Гумбольдта и Л. Вайсгербера как основа фундаментального осмысления соотношения интенционального состояния и «внутренней формы» языка / В.П. Барбашов, Д.Н. Станиславский // Образ жизни современного человека: культура, традиции, технологии: сборник статей. – Барнаул, 2018. – Вып. 1.

Басималиева, М.К. О понятиях «текст» и «дискурс» / М.К. Басималиева // Филологические науки. – 1999. – №2.

Бейтс, Е. Интенции, концепции и символы / Е. Бейтс // Психолингвистика: сб. статей. – М., 1984.

Бинович, Л.Э. Немецко-русский фразеологический словарь / Л.Э. Бинович. – М., 1995.

Бодуэн де Куртенэ, И.А. Избранные труды по общему языкознанию. Т. 2. / И.А. Бодуэн де Куртенэ. – М., 1963.

Большой немецко-русский словарь. 3 т. – М., 1998.

Бондаренко, В.Н. Аналитические и синтетические способы выражения модальности в немецком языке / В.Н. Бондаренко // Иностранные языки в школе. – 1978. – №4.

Бондаренко, В.Н. Виды модальных значений и их выражение в языке / В.Н. Бондаренко // Филологические науки. – 1979. – №2.

Бондаренко, Н.А. Интенциональность социального поведения как философская проблема: автореф. дисс. … канд.филос.наук / Н.А. Бондаренко. – М., 2010.

Бондарко, А.В. К проблеме интенциональности в грамматике (на материале русского языка) / А.В. Бондарко // Вопросы языкознания. – 1994. – №2.

Брусенская, Л.А., Курочкина, Л.В. Интенциональное использование грамматических форм существительных в современном русском языке / Л.А. Брусенская, Л.В. Курочкина // Филологические науки. – 2001. – №1.

Бюлер, К. Теория языка. Репрезентативная функция языка / К. Бюлер. – М., 2001.

Вайсгербер, Й.Л. Родной язык и формирование духа / Й.Л. Вайсгербер. – М., 1993.

Вайсгербер, Й.Л. Язык и философия / Й.Л. Вайсгербер // Вопросы языкознания. – 1993. – №2.

Василенко, Л.И. Модальные слова как средство авторизации текста / Л.И. Василенко // Филологические науки. – 1984. – №4.

Васильев, Л.М. Современная лингвистическая семантика / Л.М. Васильев. – М., 1990.

Винник, Д.В. Рефлексивные и интенциональные состояния сознания: специфика и соотношение / Д.В. Винник // Гуманитарные науки в Сибири. – 2003. – №1.

Волков, А.А. Стиль массовой коммуникации и общественно-языковая практика / А.А. Волков // Язык и массовая коммуникация: Язык и социолингвистическое исследование. – М., 1984.

Воркачев, С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С.Г. Воркачев // Филологические науки, 2001. – №1.

Вригт, Г.Х. фон Логико-философские исследования: избр. труды / Г.Х. Вригт. – М., 1986.

Гиренок, Ф. Абсурд и речь. Антропология воображаемого / Ф. Гиренок. – М., 2012.

Глушак, Т.С., Балакирев, В.Ф. О статусе отглагольных существительных в языке (на примере производных с суффиксом -ung) / Т.С. Глушак, В.Ф. Балакирев // Иностранные языки в школе. – 1980. – №5.

Глушак Т.С., Паремская Д.А. Номинализация и понятие «именного стиля» в немецком языке / Т.С. Глушак, Д.А. Паремская // Филологические науки. – 1981. – №2.

Гулыга, Е.В., Натанзон, М.Д. Грамматика немецкого языка / Е.В. Гулыга, М.Д. Натанзон. – М., 2004.

Гумбольдт, В. фон. Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт. – М., 1984.

Гуссерль, Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии / Э. Гуссерль // Язык и интеллект. – М., 1996.

Данто, С. Аналитическая философия истории / С. Данто. – М., 2002.

Дейк, Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация / Т.А. ван Дейк. – М., 1989.

Дейк, Т.А. ван. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации / Т.А. ван Дейк. – М., 2013.

Демьянков, В.З. «Теория речевых актов» в контексте современной зарубежной лингвистической литературы / В.З. Демьянков // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып.17. – 1986.

Деннет, Д. Виды психики: На пути к пониманию сознания / Д. Деннет.– М., 2004.

Дмитровская, М.А. Знание и мнение: образ мира, образ человека / М.А. Дмитровская // Логический анализ языка. Знание и мнение. – М., 1988.

Домашнев, А.И. О границах литературного и национального языка / А.И. Домашнев // Вопросы языкознания. – 1978. – №2.

Домашнев, А.И. Языковые отношения в ФРГ / А.И. Домашнев. – Ленинград, 1989.

Домашнев, А.И. Труды по германскому языкознанию и социолингвистике / А.И. Домашнев. – СПб., 2005.

Дускаева, Л.Р. Интенциональность медиаречи: онтология и структура / Л.Р. Дускаева // Медиатекст как полиинтенциональная система: сб. статей. – СПб., 2012.

Зализняк, А. Считать и думать: два вида мнения / А. Зализняк // Логический анализ языка. Культурные концепты. – М., 1991.

Звегинцев В.А. Мысли о лингвистике / В.А. Звегинцев. – М., 1996.

Зеленецкий, А.И., Новожилова, О.В. Теория немецкого языкознания / А.И. Зеленецкий, О.В. Новожилова. – М., 2003.

Кацнельсон, С.Д. Речемыслительные процессы / С.Д. Кацнельсон // Вопросы языкознания. 1984. – №4.

Кобозева, И.М. «Теория речевых актов» как один из вариантов теории речевой деятельности / И.М. Кобозева // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 17. – 1986.

Колеватов, В.А. Социальная память и познание / В.А. Колеватов. – М., 1984.

Колшанский, Г.В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке / Г.В. Колшанский. – М., 1975.

Колшанский, Г.В. Проблемы коммуникативной лингвистики / Г.В. Колшанский // Вопросы языкознания. – 1979. – №6.

Кошевой, К.К. Формы общественного сознания и язык массовой коммуникации / К.К. Кошевой // Язык и массовая коммуникация: Язык и социолингвистическое исследование. – М., 1984.

Кубрякова, Е.С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика – психология – когнитивная наука / Е.С. Кубрякова // Вопросы языкознания. – 1994. – №4.

Кубрякова, Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине 20 века (опыт парадигмального анализа) / Е.С. Кубрякова // Язык и наука конца 20 века. – М., 1995.

Кубрякова, Е.С., Александрова, О.В. Виды пространств текста и дискурса / Е.С. Кубрякова, О.В. Александрова // Категоризация мира: пространство и время: материалы научной конференции. – М., 1997.

Кузнецов, В.Г. Отображение в языке средств массовой информации определенной идеологической картины мира / В.Г. Кузнецов // Текст как отображение картины мира: сб. науч. трудов. – Вып. 341. – М., 1989.

Кун, Т. Структура научных революций / Т. Кун. – М., 1977.

Ладов, В.А. Идея интенциональности в философии искусственного интеллекта Д. Деннета / В.А. Ладов // Открытое и дистанционное образование. – 2003. – №1.

Лауфер, Н.И. «Уверен» и «убежден»: два типа эпистемических состояний / Н.И. Лауфер // Логический анализ языка. Ментальный анализ языка. – М., 1993.

Левковская, Н.А. В чем различие между сверхфразовым единством и абзацем? / Н.А. Левковская // Филологические науки. – 1980. – №1.

Ленкова, Т.А. Медиатекст в свете текстообразующих стратегий / Т.А. Ленкова. – М, 2011.

Лурия, А. Р. Язык и сознание / А.Р. Лурия. – Ростов-на-Дону., 1998.

Лурье, С.В. Психологическая антропология: история, современное состояние, перспективы / С.В. Лурье. – Москва-Екатеринбург, 2003.

Макаров, М.Л. Основные теории дискурса / М.Л. Макаров. – М., 2003.

Манаенко, Г.Н. О содержании термина «дискурс» / Г.Н. Манаенко // Проблемы вербализации концептов в семантике языка и текста: мат-лы межд. симпозиума 22-24 мая 2003 года. Ч.1: научные статьи. – Волгоград, 2003.

Маслова, Н.А. Семантика и синтаксис производных имен существительных в современном немецком языке: монография / Н.А. Маслова. – Казань, 1985.

Матвеев, А.А. Модальность знания как модальность логического типа (на материале русских и английских глаголов публицистических текстов) / А.А. Матвеев // Филологические науки. – 2002. – №2.

Менджерицкая, Е.О. Публицистика как тип дискурса / Е.О. Менджерицкая // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей. Вып.7. – М., 1999.

Мечковская, Н.Б. Социальная лингвистика / Н.Б. Мечковская. – М., 2000.

Михалева, О.Л. Политический дискурс: Специфика манипулятивного воздействия / О.Л. Михалева. – М, 2009.

Москальская, О.И. Устойчивые словосочетания с грамматической направленностью / О.И. Москальская // Вопросы языкознания. – 1961. – №5.

Москальская, О.И. Грамматика текста / О.И. Москальская. – М., 1981.

Никитин, М.В. Основы лингвистической теории значения / М.В. Никитин. – М., 1988.

Никитин, М.В. Предел семиотики / М.В. Никитин // Вопросы языкознания. – 1997. – №1.

Новиков, Л.А. Избранные труды. Том I. Проблемы языкового значения / Л.А. Новиков. – М., 2001.

Ожегов, С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов. – М., 1990.

Остин, Дж. Избранное / Дж. Остин. – М., 1999.

Павлов, В.М. Теория поля в грамматике и «промежуточные» явления как единства противоположностей (на примере исторического синтаксиса девербальных номинализаций в немецком языке) / В.М. Павлов //

Теоретические проблемы функциональной грамматики: мат-лы Всероссийской научной конференции (Санкт-Петербург, 26-28 сентября 2001 г.). – СПб., 2001.

Панфилов, В.З. Язык, мышление, культура / В.З. Панфилов // Вопросы языкознания – 1975. – №1.

Панфилов, В.З. Категория модальности и ее роль в конструировании структуры предложения и суждения / В.З. Панфилов // Вопросы языкознания. – 1977. – №4.

Переверзев, К.А. Высказывание и ситуация об онтологическом аспекте языка / К.А. Переверзев // Вопросы языкознания. – 1998. – №5.

Петров, В.В. Идеи современной феноменологии и герменевтики в лингвистическом представлении знаний / В.В. Петров // Вопросы языкознания. – 1990. – №6.

Пешё, М. Как читают тексты во Франции / М. Пешё // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. – М., 1999.

Попова, Е.А. Человек как основополагающая величина современного языкознания / Е.А. Попова // Филологические науки. – 2002. – №3.

Потебня, А.А. Из записок по русской грамматике. Т.1-2. / А.А. Потебня. – М., 1958.

Почепцов, О.Г. Языковая ментальность: способ представления мира / О.Г. Почепцов // Вопросы языкознания. – 1990. – №6.

Прехтль, П. Введение в феноменологию Гуссерля / П. Прехтль. – Томск, 1999.

Протасова, Е.Ю. Функциональная прагматика: вариант психолингвистики или общая теория языкознания / Е.Ю. Протасова // Вопросы языкознания. – 1999. – №1.

Пчелкин, А.Г. Коммуникативно-прагматический аспект синтаксических структур с глаголами мнения / А.Г. Пчелкин // Информативный аспект грамматических единиц в немецком языке: сб. науч. трудов. – Вып. 337. – М., 1989.

Радченко, О.А. Лингвофилософский неоромантизм Й.Л. Вайсгербера / О.А. Радченко // Вопросы языкознания. – 1993. – №2.

Ревзина, О.Г. Язык и дискурс / О.Г. Ревзина // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. – 1999. – № 1.

Родионов, А.М. Красная книга ремесел: Заметки о чистодеревщиках, кузнецах, гончарах, ткачах, вышивальщицах, колыванских камнерезах / А. М. Родионов. – Барнаул, 1990.

Серио, П. Как читают тексты во Франции / П. Серио // Квадратура смысла. – М.,1999.

Серио, П. Анализ дискурса во Французской школе (Дискурс и интердискурс) / П. Серио // Семиотика: Антология. – М., 2001.

Серл, Дж. Открывая сознание заново / Дж. Серл. – М., 2002.

Серл, Дж. Что такое институт? / Дж. Серл // Вопросы экономики. – 2007. – №8.

Серл, Дж. Что такое интенциональное состояние? / Дж. Серл // Язык, истина, существование. – Томск, 2002.

Серль, Дж. Природа интенциональных состояний / Дж. Серл // Философия, логика, язык. – М, 1987.

Серль, Дж. Классификация иллокутивных актов / Дж. Серль // Зарубежная лингвистика II. – М., 1999.

Серль, Дж. Что такое речевой акт? / Дж. Серль // Зарубежная лингвистика. II. – М., 1999.

Современная американская лингвистика: Фундаментальные направления. – М., 2002.

Современная западная философия: Словарь. – М., 1998.

Современный словарь иностранных слов. – М., 1993.

Спиркин, А.Г. Философия / А.Г. Спиркин. – М., 1998.

Станиславский Д.Н. «Футбольный» публицистический текст как фрагмент современного спортивного медиа-дискурса в ФРГ / Д.Н. Станиславский // Перспективы развития науки и образования: сборник

научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции. В 3-х частях. – 2017.

Стеблин-Каменский, М.И. Об основных признаках грамматического значения / М.И. Стеблин-Каменский // Спорное в языкознании. – Ленинград, 1974.

Степанов, Ю.С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип причинности / Ю.С. Степанов // Язык и наука конца 20 века. – М., 1995.

Степанова, М.Д. Проблемы немецкого словообразования в современной зарубежной германистике / М.Д. Степанова // Иностранные языки в школе. – 1969. – №1.

Степанова, М.Д. Проблемы теории валентности в современной лингвистике / М.Д. Степанова // Иностранные языки в школе. – 1973. – №6.

Степанова, М.Д., Фляйшер, В. Теоретические основы словообразования в немецком языке / М.Д. Степанова, В. Фляйшер. – М., 1984.

Степанова М.Д., Хельбиг Г. Части речи и проблема валентности в современном немецком языке / М.Д. Степанова, Г. Хельбиг. – М., 1978.

Степанова М.Д., Чернышёва, И.И. Лексикология современного немецкого языка / М.Д. Степанова, И.И. Чернышёва. – М., 2003.

Стернин, И.А. Лексическое значение слова в речи / И.А. Стернин. – Воронеж, 1985.

Суровцев, В.А. Интенциональность и практическое действие (Гуссерль, Мерло-Понти, Рикер) / В.А. Суровцев // Интенциональность и текстуальность. Философская мысль Франции XX века. – Томск, 1998.

Талми, Л. Отношение грамматики к познанию / Л. Талми // Вестник Московского университета. – 1999. – Сер.9 Филология.

Тураева, З.Я. Лингвистика текста и категория модальности / З.Я. Тураева // Вопросы языкознания. – 1994. – №3.

Фесенко, Т.А. Лингвофилософская концепция В. фон Гумбольдта в контексте семиотики / Т.А. Фесенко // Вестник Воронежского

государственного университета. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2003. – №2.

Философский энциклопедический словарь. – М, 1989.

Фоллесдаль, Д. Понимание и рациональность / Д. Фоллесдаль // Новое в зарубежной лингвистике. Вып.18. – М., 1986.

Франк, Д. Семь грехов прагматики: Тезисы о теории речевых актов, анализе речевого общения, лингвистике и риторике / Д. Франк // Зарубежная лингвистика II. – М., 1999.

Фуко М. Слова и вещи: Археология гуманитарных наук / М. Фуко. – М., 1977.

Фуко М. Археология знания. / М.Фуко. – Киев, 1996.

Хайдеггер, М. Бытие и время / М. Хайдеггер. – М., 1997.

Халина, Н.В. Исторический метод исчисления душевной связи и переживания (о политической истории по существу) / Н.В. Халина // Политическая история в эвристико-лингвистическом ракурсе. – Барнаул, 2006.

Халина, Н.В. Теоретические дескрипции языка / Н.В. Халина. – Барнаул, 2006.

Харитонова, И.Я., Гавриш, А.М. Синтаксические единицы в речевой коммуникации (на материале немецких конструкций с предикатными актантами) / И.Я. Харитонова, А.М. Гавриш // Языковые единицы в речевой коммуникации: межвуз. сборник ЛГУ. – Ленинград, 1991.

Хилл, Т. Современные теории познания / Т.Хилл. – М., 1965.

Холл, Х. Интенциональность и мир – I раздел «Бытия и времени» / Х. Холл // Мартин Хайдеггер: сб. статей. – СПб., 2004.

Чернышова, Т.В. Тексты СМИ в ментально-языковом пространстве современной России / Т.В. Чернышова – М., 2013.

Чернявская, В.Е. От анализа текста к анализу дискурса: немецкая школа дискурсивного анализа / В.Е. Чернявская // Филологические науки. – 2003. – №3.

Черняк, А.З. Проблема оснований знания и феноменологическая очевидность / А.З. Черняк. – М., 1998.

Чесноков, П.В. Неогумбольдтианство / П.В. Чесноков // Философские основы зарубежных направлений в языкознании. – М., 1977.

Шабес, В.Я. Событие и текст: монография / В.Я. Шабес. – М., 1989.

Шатуновский, И.Б. Эпистемические глаголы: коммуникативная перспектива, презумция, прагматика / И.Б. Шатуновский // Логический анализ языка. Знание и мнение. – М., 1988.

Шатуновский, И.Б. Пропозициональные установки: воля и желание / И.Б. Шатуновский // Логический анализ языка. Проблемы интенсиональных и прагматических контекстов. – М., 1989.

Шевченко, А.Ю. Дискурс-анализ политических медиа-текстов / А.Ю. Шевченко // Полис: Политические исследования. – 2002. – №6.

Шендельс, Е.И. Практическая грамматика немецкого языка / Е.И. Шендельс. – М., 1979.

Языкознание: Большой энциклопедический словарь. – М.: Большая российская энциклопедия, 1998.

Barroso, J.M. „Das Vertrauen in Europa kehrt zurück“ / J.M. Barroso // Deutschland. – 2013. – №2.

Becchio, C., Bertone C. Wittgenstein running: Neural mechanisms of collective intentionality and we-mode / C. Becchio, C. Bertone // Consciousness and Cognition. – 2004. – №13.

Becker, F., Gerhard, U., Link, J. Moderne Kollektivsymbolik. Ein diskurstheoretisch orientierter Forschungsbericht mit Auswahlbibliographie / F. Becker, U. Gerhard, J. Link // Internationales Archiv für Sozialgeschichte der deutschen Literatur. – 1997. – 22. Bd. – 1. Heft.

Beckermann, A. Analytische Einführung in die Philosophie des Geistes / A. Beckermann. – Berlin; New-York, 2001.

Bois, J. Du. Meaning without Intention / J. Du. Bois // Papers in Pragmatics. – 1987. – № 1/2.

Borchers, A., Höfler, N., Smetek, W. Die Schlacht um Bonn / A. Borchers, N. Höfler, W. Smetek // Stern. – 1998. – №2.

Brandl, J.L. Das Problem der Intentionalität in der zeitgenössischen Philosophie des Geistes / J.L. Brandl // Information Philosophie. – 1998. – Heft 3.

Brentano, F. Psychologie vom empirischen Standpunkt. Band.1. / F. Brentano. – Hamburg, 1973.

Der Brockhaus: in einem Band. – Leipzig; Mannheim., 1996.

Die deutsche Sprache. Kleine Enzyklopädie in zwei Bänden. Band 1. – Leipzig, 1969.

Die deutsche Sprache. Kleine Enzyklopädie in zwei Bänden. Band 2. – Leipzig, 1969.

Drews, A., Gerhard, U., Link, J. Moderne Kollektivsymbolik. Eine diskurstheoretisch orientierte Einführung mit Auswahlbibliographie / A. Drews, U. Gerhard, J. Link // Internationales Archiv für Sozialgeschichte der deutschen Literatur . – 1985. – 1.Sonderheft Forschungsreferate.

Duden Deutsches Universalwörterbuch. – Mannheim; Wien; Zürich, 1989.

Duden: Sinn- und sachverwandte Wörter: Wörterbuch für den treffenden Ausdruck. – Mannheim; Wien; Zürich, 1986.

Duranti, A. Intentions, Language, and Social Action in a Samoan Context / A. Duranti // Journal of Pragmatics. – 1988. – №12.

Erben, J. Abriss der deutschen Grammatik / J. Erben. – Berlin, 1967.

Erben, J. Deutsche Grammatik. Ein Abriß. / J. Erben. – München, 1980.

Esfeld, M. Von einer pragmatischen Theorie der Bedeutung zur Philosophie des Geistes / M. Esfeld // Pragmatisch denken. – Frankfurt-am -Main, 2004.

Foucault, M. Archäologie des Wissens / M. Foucault. – Frankfurt-am-Main, 1988.

Grosser, A. Deutschlands Weg nach Europa / A. Grosser // Deutschland. – 1998. – №6

Grosser, A., Reiter, J. 15 deutsche Jahre / A. Grosser., J. Reiter // Deutschland. – 2005. – №4.

Gude, H., Hammerstein, K. von., Müller, P., Schindler, J. Attacke im Nebel / H. Gude, K. Hammerstein, P. Müller, J. Schindler // Spiegel. – 2013. – №33.

Günther, M. AGENDA 2000: Schwerpunkte und Ziele der deutschen EU-Ratspräsidentschaft / M. Günther // Deutschland. – 1998. – №6.

Habermas, J. Vorstudien und Ergänzungen zur Theorie des kommunikativen Handelns / J. Habermas. – Frankfurt-am-Main, 1984.

Helbig, G., Schenkel, W. Wörterbuch zur Valenz und Distribution deutscher Verben / G. Helbig, W. Schenkel. – Leipzig, 1978.

Hentschel, E., Weydt, H. Handbuch der deutschen Grammatik / E. Hentschel, H. Weydt. – Berlin; New York., 1994.

Hermanns, F. Kognition. Emotion. Intention / F. Hermanns // Die Ordnung der Wörter: kognitive und lexikalische Strukturen. – Berlin; New York, 1998.

Hofmann, G. Das Reformpaket / G. Hofmann // Deutschland. – 2004. – №1.

Hofmann, G. Zeit für Reformen / G. Hofmann // Deutschland. – 2005. – №6.

Höffe, O. Essay: Dreidimensionales Sparen. Was heißt soziale Gerechtigkeit heute? / O. Höffe // Deutschland. – 2004. – №1.

Hoffmann, J., Stock, A. Intention als psychischer Prozess: Eine Suche nach Spuren in der allgemeinpsychologischen Forschung / J. Hoffmann, A. Stock // Zeitschrift für Psychologie. – 2000. – №208.

Ischinger, W. Gegenseitiges Vertrauen / W. Ischinger // Deutschland. – 2005. – №1.

Jäger, S. Diskurs und Wissen. Theoretische und methodische Aspekte einer Kritischen Diskurs- und Dispositivanalyse / S. Jäger // Handbuch Sozialwissenschaftliche Diskursanalyse. Theorien und Methoden. Bd.1. – Opladen, 2001.

Jahn, R. „Je besser wir Diktatur begreifen, desto besser können wir Demokratie gestalten“ / R. Jahn // Deutschland. – 2013. – №1.

Janning, J. Europa: Die Zukunft der Union / J. Janning // Deutschland. – 2001. – №6.

Janning, J. Europas historische Stunde / J. Janning // Deutschland. – 2004. – №2.

Janning, J. Zukunft Europa / J. Janning // Deutschland. – 2001. – №1.

Jung, A. Süchtig nach Wachstum / A. Jung // Spiegel Geschichte. – 2009. – №2.

Jung, A. Nationales Trauma / A. Jung // Spiegel Geschichte. – 2009. – №4.

Kappner, S. Intentionalität aus semiotischer Sicht. Peirceanische Perspektiven / S. Kappner. – Berlin; New-York, 2004.

Knaup, H., Leinemann J., Munsberg H., Palmer H. Chaos mit Kanzler / H. Knaup, H. Munsberg, H. Palmer // Spiegel. – 1999. – №5.

Kocka, J. Vor dem Jahrtausendwechsel: Was nehmen wir in die Zukunft / J. Kocka // Deutschland. – 1999. – №6.

Konsalik, H.G. Die Liebenden von Sotschi / H.G. Konsalik. – München, 1991.

Konsalik, H.G. Eine glückliche Ehe / H.G. Konsalik. – München, 1991.

Konsalik, H. G. Wie ein Hauch von Zauberblüten / H.G. Konsalik. – München, 1991.

Korte, K.-R. Deutschland wählt / K.-R. Korte // Deutschland. – 2013. – №2.

Krumpey, H. Präsident des Vertrauens / H. Krumpey // Focus. – 2005. – №26.

Krumpey H., Pörtner R., Wiegold Th. Vielflieger Schröder / H., Krumpey // Focus. – 2005. – №21.

Kuße, H. Diskurs und Metadiskurs als linguistische Objekte. Theoretische Anmerkungen zu den Begriffen / H. Kuße // Массовая культура на рубеже XX-XXI веков: Человек и его дискурс. сб. науч. трудов. – М., 2003.

Kühkhorn, G. Der Mittelstand / G. Kühkhorn // Deutschland. – 2002. – №1.

Langenscheidts Großwörterbuch: Deutsch als Fremdsprache. – Berlin; München; Wien; Zürich; New York,1997.

Link, J. Kollektivsymbolik und Mediendiskurse / J. Link // Kulturrevolution. – 1982. – № 1.

Link, J. Was ist und was bringt Diskurstaktik / J. Link // Kulturrevolution. – 1983. – № 2.

Lyons, W.E. Approaches to Intentionality / W.E. Lyons. – Oxford, 1995.

Maas, U. Als der Geist der Gemeinschaft einer Sprache fand. Sprache im Nationalsozialismus / U. Maas. – Opladen, 1994.

Malle, B.F., Knobe, J. The folk concept of intentionality / B.F., Malle, J. Knobe // Journal of Experimental Social Psychology. – 1997. – № 33.

Marshal, M. Zukunftsprogramm: Das Reformpaket 2000 / M. Marshal // Deutschland. – 2000. – №4.

Meibauer, J. Pragmatik: eine Einführung / J. Meibauer. – Tübingen, 1999.

Motsch, W. Illokutionstypen und sprachliche Äußerungen / W. Motsch // Sprache und Pragmatik. Arbeitsberichte 34. – Lund, 1994.

Motsch, W. Deutsche Wortbildung in Grundzügen. Schriften des Instituts für deutsche Sprache. Band 8. / W. Motsch. – Berlin; New York, 1999.

Müller, G. Der Rekord- Kanzler / G. Müller // Stern. – 1996. – №42.

Müller, H. 50 Jahre NATO: Garant für Frieden und Freiheit in Europa. Deutschlands Rolle im westlichen Verteidigungsbündnis / H. Müller // Deutschland. – 1999. – №2.

Münch, D. Intention und Zeichen. Untersuchungen zu Franz Brentano und zu Edmund Husserls Frühwerk / D. Münch. – Frankfurt- am-Main, 1993.

Nelles, R., Pfister, R., Reiermann, Ch. Die Wohlfühl-Koalition / R. Nelles, R. Pfister, Ch. Reiermann // Spiegel. – 2006. – №2.

Nuyts, J. Intentionalität und Sprachfunktionen / J. Nuyts // Intention. Bedeutung. Kommunikation. Kognitive und handlungstheoretische Grundlage Sprachtheorie. – Opladen, 1997.

Orth, M. Adidas-Olympia in drei Streifen / M. Orth // Deutschland. – 2004. – №5.

Orth, M. Ein Quadrat geht um die Welt / M. Orth // Deutschland. – 2010. – №4.

Orth, M. Wege aus der Krise / M. Orth // Deutschland. – 2009. – №1.

Oschlies, W. Perspektiven für den Balkan: Der Stabilitätspakt / W. Oschlies // Deutschland. – 1999. – №4.

Rakoczy, H., Tomasello, M. Kollektive Intentionalität und kulturelle Entwicklung / H. Rakoczy, M. Tomasello / Deutsche Zeitschrift für Philosophie. – 2008. – №56.

Rau, J. Der Fall der Berliner Mauer – das Ende der Teilung Europas / J. Rau // Deutschland. – 1999. – №5.

Richter, P. Gedanken / P. Richter // Deutschland. – 2004. – №2.

Riebsamen, H. Das Image der Deutschen im Ausland / H. Riebsamen // Deutschland. – 1993. – №2.

Rösler, Ph. Mit hoher Innovationskraft / Ph. Rösler // Deutschland. – 2012. – №4.

Schantz, R. Die Natur der Intentionalität / R. Schantz // Metaphysica. International Journal for Ontology & Metaphysics. – 2005. – Volume 6. – No.1.

Schayan, J. Erinnern als Basis – für die Zukunft in Europa / J. Schayan // Deutschland. – 1999. – №5.

Schayan, J. Holocaust-Mahnmal / J. Schayan // Deutschland. – 2005. – №2.

Schmid, H.-B. Wir-Intentionalität: Kritik des ontologischen Individualismus und Rekonstruktion der Gemeinschaft / H.-B. Schmid. – Freiburg, 2005.

Schmid, K.-P. Deutschland: Standort mit Perspektiven / K.-P. Schmid // Deutschland. – 2005. – №6.

Schmidt, H. Zehn Jahre Euro / H. Schmidt // Deutschland. – 2009. – №1.

Schmidt, W. Deutsche Sprachkunde / W. Schmidt. – Berlin, 1967.

Schmidt, W. Grundfragen der deutschen Grammatik. Eine Einführung in die funktionale Sprachlehre / W. Schmidt. – Berlin, 1967.

Schreiber, H., Mangold, G. JFK: Er war ein Berliner / H. Schreiber, G. Mangold // GEO. – 2013. – 7 Juli 2013.

Schumacher, H. Wirtschaft: Standort mit Pluspunkten / H. Schumacher // Deutschland. – 2005. – №4.

Shweder, R.A. Thinking through Cultures / R.A. Shweder. – London, 1991.

Sommer, Th. Der 9. November 1989: Die Zeitwende / Th. Sommer // Deutschland. – 1999. – №5.

Sommerfeldt, K.-E., Schreiber, H. Wörterbuch zur Valenz und Distribution der Substantive / K.-E. Sommerfeldt, H. Schreiber. – Leipzig, 1980

Staak, M. 50 Jahre Bundeswehr / M. Staak // Deutschland. – 2005. – №4.

Steinbach, P. Widerstand gegen Hitler / P. Steinbach // Deutschland. – 2004. – №3.

Steinle, B. Kundus / B. Steinle // Deutschland. – 2004. – №3.

Stock, A. Intentionalität und Ideo-Motorik. Eine handlugstheoretisch-psychologische Synthese / A. Stock. – Lengerich, 2004.

Thierse, W. Wir können hoffnungsvoll nach vorne blicken / W. Thierse // Deutschland. – 1999. – №6.

Thierse, W. Der neue Papst / W. Thierse // Deutschland. – 2005. – №3.

Tugendhat, E. Vorlesungen zur Einführung in die sprach-analytische Philosophie / E. Tugendhat. – Frankfurt -am-Main, 1976.

Tuomela, R. The philosophy of social practices / R. Tuomela. – Cambridge, 2002.

Wahrig: Deutsches Wörterbuch. – Gütersloh, 1997.

Wedemeyer G., Heier V., Ochmann F., Wagner L. Armer Patient: Können Sie es sich leisten, krank zu werden? / G. Wedemeyer, V. Heier, F. Ochmann, L. Wagner // Stern. – 1996. – №48.

Weidenfeld, W. Wege in die Zukunft / W. Weidenfeld // Deutschland. – 2013. – №2.

Weisgerber, L. Vom Weltbild der deutschen Sprache. Die inhaltbezogene Grammatik / L. Weisgerber. – Düsseldorf, 1953.

Weisgerber, L. Vom Weltbild der deutschen Sprache. Die sprachliche Erschließung der Welt / L. Weisgerber. – Düsseldorf, 1953.

Weisgerber, L. Zweimal Sprache. Deutsche Linguistik 1973 – Energetische Sprachwissenschaft / L. Weisgerber. – Düsseldorf, 1973.

Wiegold, Th. Weltweit einsatzbereit / Th. Wiegold // Focus. – 2005. – №23.

Winkler, H. A. Europäer aller Länder, erinnert euch! / H.A. Winkler // Deutschland. – 2004. – №3.

Wolf-Doettinchem, L. Tschüs, D-Mark., hallo Euro / L. Wolf-Doettinchem // Stern. – 1998. – №2.

Zaibert, L.A. Collective Intentions and Collective Intentionality / L.A. Zaibert // American Journal of Economics and Sociology. – 2003. – Vol. 62. – No.1.

Сведения об авторах:

Барбашов Владимир Петрович, кандидат филологических наук, младший научный сотрудник, доцент кафедры гуманитарных и естественнонаучных дисциплин, Алтайский филиал РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, участник международного научного проекта «Медиалингвистика XXI век». Научные интересы: медиалингвистика, политическая лингвистика, когнитивная лингвистика, лингвофилософия, страноведение, переводоведение.

Станиславский Денис Николаевич, старший преподаватель кафедры общественных дисциплин и психологии, Рубцовский институт (филиал) Алтайский государственный университет (АлтГУ). Научные интересы: страноведение, немецкая литература, медиалингвистика, лингводидактика, переводоведение.

Научное издание

Владимир Петрович Барбашов

Денис Николаевич Станиславский

ИНТЕНЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД В ИССЛЕДОВАНИИ СОВРЕМЕННОГО ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА ФРГ

Монография

Подписано в печать 09.04.2019
Гарнитура Таймс. Тираж 500 экз. Заказ №454
Отпечатано в типографии «ГРАФИКС»
Лицензия ПД №12-0150 от 14 ноября 2001 г.
г. Барнаул, Ползунова 45б/Красноармейский , 15
т./ф. 63-77-02, 63-93-23, 65-98-14,
e-mail: graphxd@yandex.ru
www.graph-x.ru